

КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и четыре стихии	КОНАН и боги Тьмы	КОНАН и меч КОЛАУНА	КОНАН просает вызов	КОНАН и побег из пещер	КОНАН и песня СНЕГОВ	КОНАН и НЕВЕСНАЯ СЕКИРА	КОНАН на дороге КОРОЛЕЙ	КОНАН принимает бой
КОНАН и КАРУСЕЛЬ БОГОВ	КОНАН и ДАР МИТРИ	КОНАН и ПОЧНЫЕ КАМНИКИ	КОНАН и ЕРГОТ ДАЙОМЫ	КОНАН и ЗЕРКАЛО ПРЕДУШИГО	КОНАН и НЕРВЫ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ	КОНАН и ИСКЫ ВОЙНЫ	КОНАН и ТАНСМАН ЗАЛ	КОНАН и ИЗЛЯЧ НЕРДАЛА
КОНАН и горы ПАНИЧЕСКИХ ЗУМ	КОНАН и ИСТОРИЧЕК СУДЕЙ	КОНАН и СПЛЕДЕ АРИМАНА	КОНАН и БАТРОВОЕ ОКО	КОНАН и ПРИЧАСТИ ПРОШЛОГО	КОНАН и ВОЛЧИСТВО МРАКА	КОНАН и ВАТАР из КИММЕРИИ	КОНАН и РЫЖИЙ ИСТРЕВ	КОНАН и ГЛАВА В-ВОДЫ БЕЗДНЫ
КОНАН и ЗАГОВОР ГИНЕЙ	КОНАН и КОНЕ КРОМА	КОНАН и БРАТА БЕЧНОСТИ	КОНАН и КАМАНЧИ ЛАБИРИНТ	КОНАН и РАССАДИЩИ ИДОЛ	КОНАН и ЧАША МЕССМЕРНЯ	КОНАН и ЛДАННОЙ СТРАЖ	КОНАН и ГЛОХНУЩИМ ПРЕЗАМИ	КОНАН и АЛТАРЬ НОВЕДАМ
КОНАН и БИТВА БЕССМЕРТНЫХ	КОНАН и ПОЗВИВАЕМ ПЛОТИ	КОНАН и ВЕРГ ПРОКАЛЫХ	КОНАН и ОКОВЫ БЕЗМОДИЯ	КОНАН и ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС	КОНАН и ДРЕВО МИРОВ	КОНАН и КОЛЫО ВАСТИ	КОНАН и ЗОВ ДРЕВНИХ	КОНАН и ПРОРОК Тьмы
КОНАН и ГНЕВ СЕТА	КОНАН и ХРАМ НОЧИ	КОНАН и КОРОЛЬ ВОРОВ	КОНАН и ПОДИМНИМ ОГОНЬ	КОНАН и МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ	КОНАН и КЛЯЙМО ЗМЕЯ	КОНАН и ХОЗЯИН ОКЕАНА	КОНАН и КОРОНА ЭМИРА	КОНАН и ИХСАНИЕ СВЕТА
КОНАН и СПЯЩЕЕ ЗЛО	КОНАН и ЗЕЗДЫ ШАДИЗАРА	КОНАН и СКАЗЫ ХАОСА	КОНАН и ЖРЕЦ ТАРИМА	КОНАН и СВЯТИНИ НИКОВ	КОНАН и ПОВАЛЕННЫЙ МОЛНИЯ	КОНАН и ТИГРЫ ХАЙБОРНИ	КОНАН и ВЛАДИМИКИ ВУРИ	КОНАН и САЛА ИСТОМАНА

КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург • 2006

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использованы
фрагменты работы Ken Kelly

Подписано в печать 12.10.05. Формат 84×108 1/32
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7000 экз. Заказ № 488

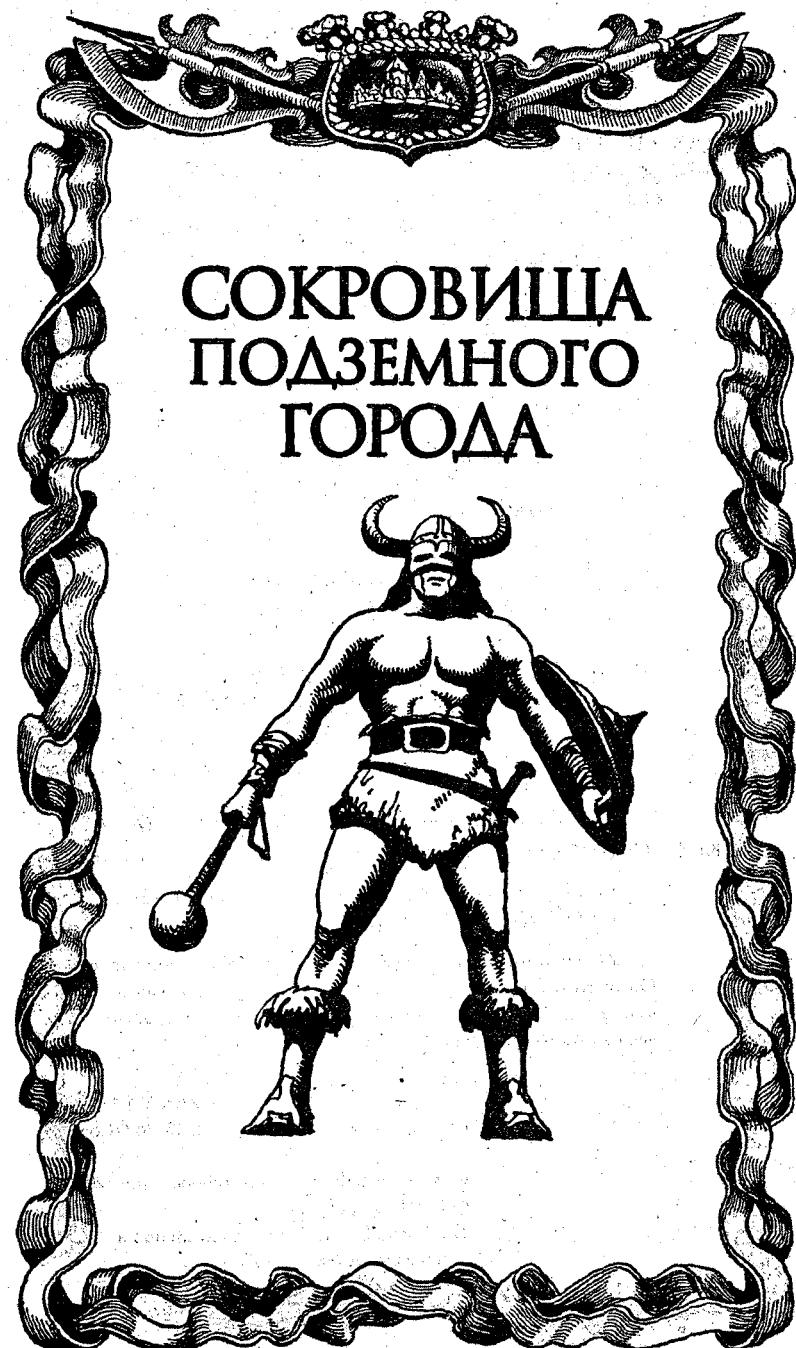
Конан и Фонтан Жизни : [сборник] — М.: АСТ;
К64 СПб.: Северо-Запад Пресс, 2006. — 404, [12] с. — (Конан).

ISBN 5-17-033009-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-230-0 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитается по свету в поисках приключений.
Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Венедии до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая неинионовых и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2006
© С. Шпкин, оборт, 2006
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2006

Дочь Песочного владыки

ем летом в Хоршемише было много приезжих: изящные аквилонцы, высокомерные и подтянутые бритунцы, молчаливые и загадочные жители Кхитая, дикие наездники гирканских степей... Приезжие образовали на улицах города особую расу, удивительную своим внешним разнообразием и некоей внутренней общностью, особенно в глазах коренных обитателей Хоршемиша.

Пестрая толпа день-деньской кипела на площадях, несмотря на жару. Торговцы водой сбивались с ног.

Хозяева постоянных дворов стонали и рвали волосы на головах своих, кляя себя за то, что не выстроили огромных, многоэтажных гостиниц — то-то велика была бы теперь выручка! Увы, свободных мест давно не осталось, а приезжие все прибывали и прибывали.

Лошади, мулы, двугорбые бактрианы и дромадеры, отличавшиеся злобным нравом, шершавые от линьки ослы и лоснящиеся верховые буйволы — все это ржало, мычало, орало, требовало корма и производило неимоверное количество навоза. Оруженосцы, наемные слуги, телохранители и рабы осаждали продовольственные лавки, с утра раскупая весь дневной запас фруктов, сладостей и вина. Их хозяева просыпались около полудня и покидали странноприимные дома в самое жаркое время дня, чтобы толкаться на ярмарочных площадях, глазеть на прилавки, торговаться и спорить.

Здесь были деловые люди всех возможных видов: негоцианты, купцы, барышники и попросту торгаши. Были и вельможи — послы от различных, больших и малых, дворов. К таковым причислял себя даже сын тирканского князька, весьма колоритный молодой человек, небольшого роста, кривоногий, ладно сбитый, с горящими глазами, крючковатым носом, серьгой в ухе и копной сальных волос. С какой миссией он прибыл в Хоарезм, так никто и не узнал, но держался гирканец гордо, заносчиво, поигрывал нагайкой и сверлил всех вокруг орлиным взором.

Встречались в изобилии и просто знатные господа неопределенных занятий. Эти хоть и отличались между собой оттенком кожи или покроем одежды, но все же походили друг на друга до чрезвычайности — рассеянным видом, отрешенным выражением лица и холодной учтивостью манер.

Впрочем, среди них попадались совсем молодые люди, которые не прочь были и победокурить. Они владели городом по ночам.

Прежде — благопристойный и сонный, как и положено городу после первой ночной стражи, Хоршемиш теперь гудел до утра. В тавернах, где еще совсем недавно степенные мужи вдумчиво курили кальяны и созерцали плавные движения танцовщиц, теперь до самого рассвета звучал хохот, звон стаканов и кубков. Музыканты словно сошли с ума — их флейты надрывно визжали, захлебывались барабаны, домбры звенели лопнувшими струнами. Танцовщицы плясали нечто оргиастическое, обнажаясь свыше приличий, и распаленные гуляки осипали их золотом.

Рыцарь Бернегард принадлежал к последней категории приезжих. Лет ему было едва ли двадцать, сам он был высок ростом, а лицом — пригож. Такие лица к тридцати годам утрачивают смазливость, делаются либо скучными и обрюзгшими, либо задумчивыми. Но в двадцать они привлекают женщин, если не правильностью черт, то чистотой и свежестью.

Отец его, в ту пору еще здравствовавший, владел крупными поместьями, десятком замков в Аквилонии, серебряными шахтами и лесными угодьями, простиравшимися чуть не за край вселенной. Богатство семьи было настолько велико, что Бернегард никогда не брал с собой в путешествия больших денег — в любом уголке мира находился ростовщик, и не один, готовый усугубить за проценты столь перспективному наследнику.

Таким образом, он не нуждался ни в чем, кроме увеселений и развлечений. Именно эта нужда и влекла его в странствия.

Впрочем, он обладал счастливым складом души — его развлекали не только плясуньи и кулачные бои. Юный Бернегард с любопытством разглядывал незнакомые лица, чужие города, горные вершины, уходящие в небо, и морские волны, облизывающие побережье. В Хоарезм он приехал из-за ярмарки, славящейся обилием редких товаров, иной раз даже волшебных.

Ярмарка случалась ежегодно, но последние пятьдесят лет непрерывной чередой шли войны, отчего нравы людей портились, торговля хирела, а дороги и проезжие тракты кишили разбойниками и мародерами. В силу этих причин ярмарки проходили скромно, во всяком случае, по сравнению с нынешней. Но войны иссякли, и люди вздохнули с облегчением. Самые умные из них понимали, конечно, что любому перемирию наступает конец, и вечного мира быть не может на земле, но время затишья воспринималось всеми, как дар богов.

Бернегард неспешно прогуливался по рядам, где были выставлены товары, связанные с колдовством. Настоящей магии, с ее зловещими секретами, интересующими лишь посвященных, практически не было.

То есть, конечно, она имелась, но не напоказ, как водится, а в укромных шатрах, или в тайных жилищах колдунов, куда находили дорогу только проверенные клиенты.

Здесь же, на ярмарке, пользовались интересом товары более широкого спроса: составы для фейерверков, бумажные китайские птицы, умеющие летать, говорящие куклы из дерева и фарфора, волшебные духи и прочие снадобья, до которых весьма охоч прекрасный пол.

Целый ряд был отдан торговцам амулетами: от сглаза и порчи, для усиления мужской силы, для удачи при игре в кости...

Некоторые амулеты представляли собой настоящие произведения искусства, и Бернегард удивлялся, почему они выставлены тут, а не в ювелирных рядах. А иные — напротив, поражали грубостью работы, словно неумелый дикарь мастерил их своими заскорузлыми ручищами, более привычными к каменному топору и суковатой дубине.

Забавно, но именно эти неказистые творения пользовались наибольшим спросом. В вопросах волшбы люди склонны доверять исконному, древнему, бесхитростному... Бернегард догадывался, что умельцы из народа давно умеют подделывать «древние» амулеты, и самому старому из лежащих теперь на прилавке — год, от силы два.

Забавно было смотреть на торговцев, наблюдать за их повадками. Попадались, конечно, и скучные, из тех, кто не любит своего товара, а на покупателей взирает с брезгливым негодованием. Такие встречаются на любом рынке, и неважно чем они торгуют. Вне зависимости от рода, происхождения и качества товара, у купца — неизменно тухлое выражение лица. Он воистину спо-

собен продать прекрасную наложницу так, словно она — мешок окаменевшей репы.

А встречались Бернегарду и другие, влюбленные в ремесло торговца. Эти напротив, мешок репы продадут так, словно в нем не овощи, а красавица-полонянка. Такие всегда действуют с выдумкой, с огоньком, и всякий — по своему. Один изображает рубаху-парня, балагурит, заразительно смеется и жестикулирует так, словно от природы владеет языком глухих. Другой развернет перед покупателем штуку материи и погладит ткань растопыренными пальцами, а покупатель видит, будто под тканью не плоский прилавок, а женское бедро самых соблазнительных очертаний.

Третий — любимец женщин. Он стоит за прилавком так изящно, взгляд у него такой томный, что сам он выглядит собственным товаром. Покупательницы млеют.

Единственный способ задержаться рядом с этаким красавцем — купить это, и то, и вон то в придачу, а можно посмотреть другое, ах, какая прелесть, заверните за отдельную плату, можно — в три слоя...

Торговец, привлекший внимание Бернегарда, принадлежал к самой любопытной категории. Он весь состоял из таинственности. Загадка пряталась в складках его длинного серого плаща, слишком теплого для этого климата, она таилась под капюшоном, покрывавшим голову... Из длинных, широких рукавов высовывались только кончики пальцев, смуглых и проворных.

Таинственный торговец не зазывал любопытных к своему прилавку, не вступал в разговоры. Он стоял и ждал, словно ему было известно, что самый главный и важный его клиент вот-вот появится из толпы и сам подойдет к нему.

Кому-то молчаливая фигура, закутанная в серый плащ, да еще и с закрытым лицом, показалась бы мрачной и даже отталкивающей. Но Бернегард, как большинство здоровых молодых людей, обладал крепкими нервами и не боялся тайн и загадок. Напротив, они сулили ему приключения, то есть самый действенный способ развлечься. Поэтому, разглядев как следует необычного торговца, юноша подошел к нему вплотную и с живым любопытством стал изучать содержимое его прилавка.

Это были карты. Пергаментные, папирусные, и даже нарисованные на кхитайской прозрачной бумаге. Новые, еще пахнущие красками, и старые, основательно вытертые. Ярко раскрашенные во множество цветов и оттенков, каждый из которых имеет отдельное значение, и монотонные, начертанные некогда черной тушью, каковая давно успела выгореть до неопределенного буроватого колора.

При виде заинтересованного покупателя, явно способного выложить кучу денег, торговец не выказал никаких чувств. В первое мгновение это задело юного Бернегарда, но почти сразу он почувствовал, что загадочный незнакомец пристально вглядывается в него из-под своего капюшона.

Бернегард не был большим мудрецом, но в свои невеликие годы обладал достаточной интуицией, чтобы понять: следует принять правила игры, не пытаясь постичь их смысла. Иначе странный торговец останется только торговцем, а карты на его прилавке — только картами, и приключение пройдет стороной.

Он продолжил рассматривать товар. Большие карты лежали на прилавке в виде плотных свитков, и их нужно было развернуть, чтобы перед глазами возникли другие земли, и пахнуло ароматом странствий. А между ними располагались маленькие, не шире ладони; эти были уже развернуты. Одна из таких карт представляла собой совершенно явный фрагмент, неровно вырезанный из середины целого.

— Забавно, — сказал Бернегард, дотрагиваясь до него пальцем. Торговец продолжал молчать, даже плечами не пожал.

— Интересно, где и у кого остальные кусочки этой карты, — продолжил юноша. — Дорого бы я дал, чтобы узнать это.

— И прогадали бы, — наконец подал голос неизвестный. — Это можно узнать и бесплатно. Прямо здесь.

— Так у кого же они? — продолжил настаивать Бернегард.

— У меня, — отвечал торговец и совершенно неожиданно разразился смехом. Смех был ему под стать — глухой, хрипловатый, доносящийся словно из сырого подвала, запертого на тяжелый замок.

— Какой смысл продавать карту по частям? — удивился молодой человек. — Разве только для привлечения глупцов, способных поверить в байку о кладе, зарытом невесть где.

Торговец рассмеялся снова.

— В таких глупцах не бывает недостатка, — заметил он. — Однако причина не в этом.

— Так в чем же она? — Бернегард начал уже проявлять признаки нетерпения.

На его взгляд, игра подзатянулась. Если загадочному незнакомцу неинтересен он, как таковой, то почему торговец не даст понять это в ясных выражениях? А если напротив, то пора бы уже перейти к делу!

Человек в капюшоне не спеша огляделся по сторонам.

Близился вечер, постепенно толпа расточалась, торговля сворачивалась. Пестрые навесы над прилавками, устроенные на манер кочевых шатров, разбирались, столы пустели. К площади стекались побиушки, за «законной» долей мирских радостей.

— Я объясню тебе, рыцарь, — произнес наконец неизвестный. — Только не думаю, что наша встреча принесет тебе удачу.

— Об этом наверняка никто знать не может, — сказал Бернегард. — Своей удачей распоряжаюсь я сам. Так что выкладывай, в чем тут дело, а там уж посмотрим.

Торговец приглашающее махнул своим широким рукавом и отступил вглубь своего навеса. Там обнаружились плетеные кресла, на одно их

которых Бернегард усился с видом хозяина положения, и приготовился слушать.

***

Приблизительно в это самое время Конан из Киммерии проснулся в комнате девицы по имени Айгуль.

Он прибыл в Хоршемиш, когда свободных мест на постоянных дворах уже не было. Даже в самых просторных гостиницах постояльцы занимали впятером комнаты, предназначенные для одного жильца, а те, что попроще спали на крышах, в кухнях и угольных ямах.

Киммериец привык заботиться о ночлеге только в походных условиях. «В городе, — рассуждал он, — даже в самом паршивом, всегда найдется койка для такого славного парня, как я!»

Из личного опыта неунывающий варвар хорошо знал, что такая койка редко бывает пустой — в ней, как правило, обнаруживается еще и женщина, готовая согреть и приютить «славного парня». А при всех недостатках своего варварского воспитания, Конан относился к женщинам с должным вниманием и не любил их разочаровывать.

Верный себе и своим привычкам, по приезде в Хоршемиш киммериец не стал обивать пороги гостиниц. Целый день и добрую половину ночи он слонялся по городу, являя собой законченный портрет провинциального зеваки. Несмотря на суровый образ жизни, в глубине души он и был

провинциальным зевакой, охочим до зрелищ и всяких удивительных вещей. Трудно предположить такое, но тем не менее — могучее тело воина, закаленного в боях, облекало душу ребенка, не успевшего повзрослеть.

А зрелищ в городе было предостаточно. К примеру, кулачные бои. Варвар понимал в этом толк. Выступления профессиональных бойцов привели его в восторг. Конечно, он знал, как никто другой — в настоящей рукопашной схватке люди дерутся совсем не так... Но красота и точность поставленных движений и тренированная пластика тел заслужили его одобрение, которое он выражал весьма шумно.

Потом выступали любители, то есть те, кто из азарта или желания подзаработать способны лупцевать ближнего своего и получать от него сдачу той же монетой. Это было менее интересно.

Бои должны были продолжаться еще четыре дня, и Конан решил: если не подвернется ничего более интересного, он и сам тряхнет стариной.

После кулачного боя варвар созерцал выступления гимнастов и акробатов. Было на что посмотреть.

Между двумя высокими башнями, стоявшими на площади Трех Фонтанов, протянули канат, кававшийся снизу не толще нитки. А когда солнце чуть опустилось в сторону горизонта, канат и во все пропал из виду.

Акробаты выступали в одежде, расшитой блестками и крупными стразами. Закатные лучи ярко вспыхивали на украшениях, и казалось, фи-

гурки канатоходцев, как бы парящие в воздухе, принадлежат сказочным существам из мира снов и видений.

А внизу, под барабанный бой и скрипящие виолы, гимнасты ходили колесом, перебрасывались булавами, жонглировали факелами... Глотатели мечей, впрочем, Конану не понравились. В этом была какая-то насмешка над благородной холодной сталью. «К тому же, если каждый вздумает поедать оружие, в мире настанут тяжелые времена» — так думал киммериец со всей искренностью.

Конану стоило больших трудов постоянно напоминать себе, что он в Хоршемише по делу. Про какому именно — варвар и сам пока сказать не мог. Но одно он знал точно — следует держать ухо востро, а нос — по ветру, иначе приключение выпадет на долю кого-нибудь другого, более внимательного и удачливого.

Любовь Конана к приключениям имела весьма простое объяснение. Приключения кормили его и составляли смысл его существования. Если бы ему просто нужны были бы деньги, он давно воспользовался бы толчей и посрезал кошельки у всех ротозеев на расстоянии вытянутой руки. А руки у варвара были длинные.

Нет, требовалось нечто такое, о чем потом говорили бы во всех тавернах, нечто дерзкое и грандиозное по замыслу и фееричное по исполнению.

Глядя на акробатов, Конан вспомнил Зонару — давнюю свою подругу и великолепного то-

варища. Она была воровкой высочайшего класса, и при этом — акробаткой, что облегчало ей доступ в дома с высокими стенами. Время от времени до Конана добирались слухи о том, что Зонару поймали с поличным и казнили каким-нибудь ужасным способом. Если верить молве, ее много-кратно сажали на кол, четвертовали, сжигали на костре, и несчетное количество раз обезглавливали. Но леденящие душу подробности оказывались досужим вымыслом. Зонаре неизменно удавалось выкрутиться из самых опасных ситуаций. А такие мелочи, как публичная порка за мелкое мошенничество, были настолько заурядным событием, что Зонара даже и не думала роптать на свою судьбу.

Она-то хорошо знала секрет удачи. Уж ей то не пришлось бы ломать голову, в попытке измыслить очередное грандиозное предприятие. Конан был бы рад встретить ее на улицах Хоршемиша: К тому же, Зонара — привлекательная женщина, многоопытная и неутомимая во всем, что так или иначе касается телесной любви...

Размышляя об этом, Конан ощутил голод. Ему хотелось мяса, вина и женщины.

Но в городе было слишком много народа. Из-за этогоказалось, что все вокруг происходит быстрее, чем обычно бывает, лица мелькали перед глазами, мысли путались в голове.

В конце концов варвар и сам не заметил, как оказался в глухом проулке из тех, что считаются «некошерными» и обходятся стороной добропорядочными людьми.

Было уже за полночь. В животе у Конана урчало. Другой на его месте уже отчаялся бы, но киммериец чувствовал, что не зря ноги сами привели его в это мрачноватое место.

И в самом деле: не успел варвар сделать несколько шагов, как до его слуха донеслись женские крики.

Только опытный слух может различить истинную причину женского крика. Женщина кричит от злости, когда подозревает мужчину в неверности. Кричит она и от наслаждения, да так, что в пору подумать, будто ее режут.

Эта женщина кричала от страха. Ей требовалась помощь. В этом Конан убедился, когда приблизился к подворотне.

Грабителей было трое. Двое пытались сорвать со своей жертвы халат и покрывало, а третий, справедливо рассудив, что его помочь ни к чему, стоял у самого входа в подворотню, посматривая, не идет ли стражи.

У нападавших имелись ножи, но они только размахивали ими, опасаясь испортить одежду женщины. Это снизило бы ее цену.

Женщина боялась ножей и вопила во все горло, но при этом не выпускала из рук своего покрывала, не желая расставаться с ним ни за что на свете. Она была молода — это Конан разглядел хорошо, — и стройна, как большинство женщин Хоршемиша. А судя по выражениям, которые она отпускала в адрес грабителей, родиться ей довелось где-нибудь в окрестных трущобах.

Когда третий грабитель, стоявший на посту,

заметил Конана, было уже поздно — он ничего не успел предпринять.

Тяжелый кулак киммерийца опустился ему на макушку, и разбойник, крякнув от неожиданности, рухнул, где стоял.

Двое его сообщников отпустили женщину, и та, не успев восстановить равновесие, отлетела в сторону и ударилась о стену.

— Кто ты такой? — спросил один из них, поигрывая ножом. Он был трус, и столкнувшись с сильным мужчиной, пытался выиграть время и избежать рукопашной.

— Я — разбойник, — сказал Конан, ухмыляясь. — Давайте сюда ваши кошельки и идите себе с миром, добрые люди.

Видя, что грозный варвар не обнажает меча, но при этом продолжает наступать, лениво поигрывая мышцами, грабители решили действовать. Они бросились на Конана, стремясь обойти его с двух сторон.

Для того, чтобы орудовать ножом без риска, нужно находиться вплотную к противнику, не позволяя ему сохранять дистанцию.

Конан и сам пользовался подобной тактикой и посему знал, как следует поступить. Вместо того, чтобы попытиться, варвар рванулся вперед, проскочил мимо нападавших и, ухватив одного из них за руку, вывернул ее из сустава. Грабитель взвыл, уронил нож, и когда Конан разжал хватку, сразу повалился наземь.

— Сдаюсь, ты — сильнее, — признал третий, бросил свое оружие и мгновенно исчез в темноте,

предоставив своим сообщникам вкусить всю горечь поражения.

В тощих кошельках поверженных нашлось четыре серебряных монеты, старых и истертых.

Женщина стояла у стены и, всхлипывая, смотрела на своего избавителя.

— Ты не убежала, — заметил киммериец. — Это хорошо.

Таким вот незамысловатым образом Конан и нашел себе ночлег. Айгуль обитала в полуразвалившемся доме, занятом несколькими семьями. Жители его подразделялись на несколько категорий. Во-первых — мужчины, лентяи, неудачники и мечтатели. Во-вторых — их жены, особы сварливые, решительные и сильные духом. В-третьих — девицы неопределенных занятий и свободной морали, к которым относилась и Айгуль. А в-четвертых — огромная армия сорванцов, славных потомков первых двух категорий.

Конечно, Айгуль не колебалась ни мгновения. Мужчина, спасший ее от грабителей, производил впечатление. Такого рослого и сильного приятеля у девушки еще не было.

Комната Айгуль, бедно обставлена, но чистенькая, показалась киммерийцу уютной. К тому же, многодневная усталость взяла свое. После скромного ужина и любовных утех, скорее — простодушных, чем изощренных, варвар уснул, и его громовой храп прокатился по всему дому.

Когда он проснулся, а было это только на следующий вечер, Айгуль в комнате не оказалось. На столе Конан нашел свежую лепешку, несколь-

ко кусков мяса, завернутого в виноградные листья, и полкувшина светлого пива. Многоопытная Айгуль знала, что нужно мужчине.

Чтобы расправиться с закуской, Конану не потребовалось много времени. Потом он присел на подоконник с кувшином в руке, и собрался насладиться напитком, как вдруг нечто в глубине сада привлекло его внимание.

Сад был запущен и дик. Между деревьями, по большей части — яблоневыми, тянулись веревки для сушки неказистого белья. Кустарник разросся так пышно, что дети обычно играли в нем, воображая себя в джунглях.

Но сейчас там прятались не дети. Двое мужчин, вполне взрослых, рассчитывая на то, что их не видно со стороны улицы, вели там беседу. Одному из них приходилось, из соображений предосторожности, все время умерять силу своего голоса. Тем не менее, то, что он говорил, долетало до ушей варвара так же просто, как почтовый голубь долетает до родной голубятни.

— Сейчас еще рано, — горячился этот человек. — Не беспокойся. Я знаю, как нужно убивать. Этот человек постоянно окружен знакомыми, а то и просто пребывает у всех на виду. Нам ни к чему свидетели.

Его собеседник проговорил что-то свистящим шепотом.

— Или я работаю, как считаю нужным, или ты ищешь себе другого исполнителя, — сказал первый. — Только не рассчитывай на мою совесть. Аванс я не верну.

«Это любопытно, — подумал Конан. — Интересно, что за бедолага, судьбу которого уже решили эти негодяи?»

Убийство в честном бою представлялось киммерийцу обычнейшим делом. Ничто так не забавляет, как сама смерть, плящущая на остриях клинков. Но к наемным убийцам варвар испытывал глубочайшее омерзение, потому что главным оружием этих людей является не клинок, а подлость. Убийцами по найму обычно становятся люди, обделенные доблестью, но жаждущие чужой крови. Такие почитают себя отчаянными малыми, но чтобы подкрасться к человеку, не ожидающему удара, и пырнуть его в спину, не нужно ни смелости, ни силы.

— Пойми, если его зарежут, как барана, то рано или поздно люди подумают: а кому это было выгодно? Может, тебе и удастся откупиться от судей, но какой ценой? — снова заговорил неизвестный. — Не окажется ли она слишком высока для тебя?

— Это верно, — пробормотал Конан, — продажные суды обходятся дороже убийц.

— Я знаю, о чём ты подумал, — убийца хмыкнул и похлопал своего собеседника по плечу. — Боишься, что я стану вымогать у тебя деньги, пользуясь тем, что мне известно. Спешу уверить тебя, ты ошибаешься. Нужно быть глупцом, чтобы идти в суд и говорить там: «Я убил за деньги, по просьбе господина такого-то». Мне никто не поверит, и я окажусь на виселице, в совершенном одиночестве. Кроме того, способ, которым я

собираюсь выполнить твой заказ, делает такое признание бессмысленным. Твой знакомый исчезнет без вести. Никто и никогда не найдет его тела. Спустя небольшое время ты сможешь распоряжаться его деньгами, как своими, но доказательств, что он умер, ни у кого не будет. Я называю это чистой работой.

Налетел прохладный ветерок, и шуршание листвы поглотило слова, сказанные в ответ. Двое стали выбираться из сада. Когда они оказались у изгороди, Конан ясно разглядел их обоих.

Особенно любопытным ему показалось то обстоятельство, что оба не являлись коренными жителями Хоршемиша.

Наемный убийца, впрочем, носил местный наряд, состоящий из длинного халата, расшитого поsekшимися серебряными нитями, линялых шальвар, туфлей с загнутыми кверху носами и чалмы, скрученной с фатоватой небрежностью. Но он явно происходил из Аквилонии, как и его собеседник.

Последний был одет скромно и просто, на манер слуги из свободных, но осанка отличала в нем человека благородных кровей. У него было бледное лицо, словно иссущенное страстью, нос напоминал клюв птицы-падальщика, а глубоко запавшие глаза горели столь яростно, что варвар заметил это даже издали.

Впоследствии, вспоминая об этой истории, Конан удивлялся: он никак не мог понять, почему ввязался в нее. Прямой выгоды она не сулила, а неизвестный, о котором говорили те двое, явно

был взрослым мужчиной, которому не нужна нянька.

Однако в тот самый момент он не стал раздумывать ни мгновения. Наспех одевшись, киммериец покинул жилище гостеприимной Айтуль и выскоцкнул на улицу.

Наемный убийца успел за это время скрыться в неясном направлении, а его наниматель отошел достаточно далеко, чтобы Конан сумел разглядеть только его спину.

Это было на руку любопытному варвару. Конан мог идти следом, не опасаясь, что на него обратят внимание. Нужно было только не терять из виду странного человека, одетого слугой.

Довольно долго тот шел прямо по улице, каравая вывела его в богатую часть города. Там он помедлил немного у таверны под названием «Дикая косуля», быстро огляделся и вошел в нее.

Подойдя к самым дверям заведения, Конан прикинулся в умелец, надолго ли хватит его вчерашней добычи — четырех серебряных монет, если тратить их в «Косуле».

Потом он решил, что на первое время этого вполне достаточно.

* * *

— Сегодня я услышал самую интересную сказку в моей жизни, — произнес Бернегард.

— Здешние шлюхи — мастерицы рассказывать байки, — отозвался Закир, гирканский княжич, и хрипло расхохотался. Он был пьян.

— Мне рассказала ее вовсе не шлюха, — возразил Бернегард.

— Кто же? — поинтересовался Аддо, молодой воин из Султанапура, смуглый, изящный и очень деликатный.

— Торговец картами. Скорее всего, он — продувная бестия и мошенник, как и положено представителям его сословия. Но даже мошенник должен стремиться к высотам мастерства. Иначе — какой смысл?

— Когда ты начинаешь рассуждать о высоких материях, мне кажется, что у тебя несварение желудка, — вставил Сигур, дальний родственник и старый приятель Бернегарда. Обычно он сидел молча, и только хмурился, когда прочие веселились и разглагольствовали, но иногда принимался натужно острить. Аддо, отличавшийся природной добротой, предполагал, что у Сигура постоянно болят зубы, или что-нибудь еще, и в силу этих причин он и держится так за приятельским столом.

— Я не стану утомлять вас долгими рассуждениями, господа, — продолжал Бернегард. — Вы и сами бываете достаточно занудны...

Закир снова рассмеялся и взмахнул рукой, опрокинув на пол винный кувшин с высоким, узким горлышком. Кувшин раскололся со звоном, как и положено изделию из хорошей глины.

— Начало этой истории произрастает из глубины веков. Некогда жил да был царь племени кочевников. Звали его Уграп. В те далекие времена почти каждый царь или вождь происходил от

того или иного божества. В крайнем случае, от демона. А иные из демонов были необычайно сильны, и не уступали богам, во всяком случае, в том, что касается могущества на земле. Поэтому нет великой разницы, от кого именно происходил царь Угра.

Известно то, что у него имелась сокровенная сила, с помощью которой он мог вызывать на поверхность мертвой пустыни глубинный источник, и напоить свой скот и своих людей. Если на его племя нападали другие племена, Угра собирал в небе косматое воинство, такое большое, что оно застило свет. Это воинство осыпало врагов Угра золотыми стрелами, жалящими сквозь любую броню.

— Речь идет о грозовых тучах? — уточнил Аддо.

— Похоже на то. Это неважно. Даже если Угра попросту вызывал грозу на голову неприятелю, то много ли вы знаете людей, подобных ему?

— Любой гирканский колдун умеет это, — объявил Закир. — Да что колдуны? Любая гирканская старуха...

— Дело происходило не в Гиркании, — пояснил Бернегард, — а в этих краях. Здесь никто не видел гирканских старух. Этим беднягам не с чем было сравнивать, и они почитали Угра за могущественного царя.

Закир с усилием задумался, но так и не сумел понять, смеются ли над ним, или Бернегард говорит всерьез. На всякий случай, гирканец бешено сверкнул глазами и ощерился. На большее его не хватило.

— Однажды Угра встретил в песках повозку, запряженную странными крылатыми существами...

Бернегард рассказывал терпеливо, как будто сам для себя. Уж он-то получал удовольствие от своей повести, а остальным все равно нечего было заняться.

— Существа эти походили скорее на львов, чем на тягловых животных. В пустыне им пришлось несладко. Они еле тащились, увязая в песке, а крылья их волочились, оставляя борозды. Когда Угра приблизился к повозке на своем верблюде, существа зарычали, и даже попытались напасть на него. Но они были истощены, измучены жаждой, и к тому же — впряжены в повозку, что не позволило им растерзать царя и его верблюда. Крылатые львы рычали в отчаянии, и в глазах их светилась скорбь. Из последних сил они пытались выполнить свой долг пред тем, кто находился внутри повозки, кого им следовало защищать и оберегать.

Угра проникся жалостью к этим существам. Он приказал воде пробиться из глубин земли, и у ног крылатых львов забил источник. Львы пришли к живительной влаге. Их худые бока вздымались и опадали, как кузнечные меха...

— Откуда ты знаешь, как ведут себя кузнечные меха? — не удержался Сигур. — Ты отроду не был в кузне!

— Я верю на слово торговцу, — не моргнув глазом ответил Бернегард. — Итак, львы напились. Вода подействовала на них волшебным об-

разом: они буквально воскресли на глазах у Угра-ла. Силой и мощью налились их тела, крылья расправились, а отчаяние в глазах сменилось по-коем. Львы легли на песок и замерли. Угра-л подъехал ближе. Они не шелохнулись.

Тогда Угра-л спешился и подошел к самой по-возке. Она была крытой. Из-за полога, пропитан-ного пылью, но богато расшитого, слышался чей-то стон.

Убрав полог, царь увидел в повозке женщину удивительной красоты. Она лежала на подушках без сознания и чуть заметно шевелила запекши-мися губами.

Угра-л снял с пояса серебряный ковш, зачерп-нул им из источника и поднес ко рту обессилен-ной путницы. Она напилась, постепенно приходя в сознание.

В пустыне произрастают во множестве стран-ные цветы. Если увидишь их среди засухи, то по-неволе ужаснешься: столь уродливыми они пока-жутся тебе. Из коричневого песка торчат пере-крученные стебли, покрытые острыми, как кин-жалы, колючками. Листья сморщеные, в волды-рях, словно солнце покрыло их ожогами. А лепе-стки напоминают черные крылья летучих мы-щих, разодраные в клочья.

Но если твои запасы воды позволят тебе та-кую расточительность, и ты прольешь несколько капель в раскаленный песок, то через миг цветок преобразится. Лопнет бурая короста, покрывав-шая стебель, листья нальются изумрудной зеле-нью, а лепестки станут розовыми, нежными, как

щека красавицы. Цветок испустит сказочный аромат, и ты никогда не забудешь его, даже если попадешь в королевскую цветочную оранжерею.

Похожим образом преобразилась и женщина, лежавшая в повозке.

Глаза ее раскрылись, и Угра-л едва не утонул в этих изумрудных озерах.

Он хотел назваться, как подобает учтивому воину, но женщина опередила его.

— Я знаю тебя, ты — великий царь Угра-л, — сказала она. — Твой народ богат, твои жены все-гда в тягости, твой скот тучен и обилен припло-дом. Но главное сокровище твое еще не найдено тобой.

— Кто ты? — спросил Угра-л, потрясенный чарующими звуками ее голоса.

— Я — дочь Песочного Короля. Не в обиду будь тебе сказано, он могущественнее тебя. Зем-ные богатства проскальзывают у него меж паль-цев вместе с песком времени...

— Воистину, он — могущественнее меня, — признал Угра-л. — Его дочь прекраснее всего на земле. Мои дети тоже красивы, но ни одна из до-черей Угра-ла не может сравниться с тобой. Что ты делаешь тут, среди пустыни?

— Ищу тебя, — сказала дочь Песочного Коро-ля, и протянула к Угра-лу зовущие руки.

Угра-л возлег с ней, и пока они лежали, львы сторожили их покой.

В объятиях прекрасной женщины Угра-л за-снул. А когда проснулся, обнаружил, что нет ни ее, ни повозки, ни крылатых львов. Он лежал на

песке в одиночестве, и только его верблюд бродил рядом, жуя колючку.

— Странные сны снятся человеку в пустыне — сказал Уграй и поднялся. А поднявшись, увидел, что перед ним, прямо из песка, вырос дворец. Он сиял белоснежными стенами в лучах солнца, и от этого сияния исходила прохлада.

Думая, что пустыня дразнит его миражами, Уграй дотронулся до стены. Но она была настоящей. Пальцами Уграй ощутил шероховатость алебастра, покрытого искусственной резьбой.

Во дворце играла музыка. Царь ступил за ворота, и два гиганта, стоявших на страже, пали пред ним ниц.

Навстречу царю вышел павлин, чьи перья увешаны драгоценными каменьями. Птица кинула хвостом, как бы приглашая следовать за ней. Уграй рассмеялся — павлин позабавил его.

Во дворце нашлось много чудесного.

Во внутренних двориках били фонтаны, в водоемах играли рыбки с расписной чешуей. Уграли никогда прежде не доводилось видеть рыбу, и он подумал, что это — дети дракона.

На галереях, в особых кадках, росли деревья с золотистыми плодами. Разноцветные птицы порхали по ветвям и пели.

Повсюду были комнаты, наполненные сокровищами. В одной грудами лежало золото, в другой — сапфиры, в третьей — яхонты и лалы. Стены украшались драгоценностями на любой вкус. А в особых комнатах хранились пряности и благовония.

Перед дверями каждой из комнат стояли гиганты, по двадцать локтей ростом. Они оказывали Уграли почести, будто знали, что должны служить ему, и именно ему.

А в верхних покоях царя ожидало самое удивительное — прекрасная статуя, вырезанная из белого камня. В ней Уграй узнал дочь Песочного Короля.

Как потом выяснилось, статуя было волшебной. Раз в год она оживала, и царь проводил с ней ночь, как с настоящей женщиной.

Теперь он жил в этом дворце, забыв про кочевой шатер. Его народ сделался еще богаче, но Уграй больше не интересовался его делами. Он забыл своих жен и наложниц, забыл ратные подвиги и охоту. Бледный и печальный, бродил он по своему дворцу, ожидая того дня, когда статуя вновь оживет.

В конце концов его народ ушел. «Царю нет до нас дела, — сказали люди, — а нам нет дела до его каменной любовницы. Пусть остается с ней, если ему так хочется!»

Они выбрали себе другого царя и отправились кочевать. Царь наблюдал их исход из окна дворца. Слезы катились по его лицу, но он не остановил своих людей.

Больше они никогда туда не вернулись. О дальнейшей судьбе Уграля никто не знает...

— По-видимому, он помер, — высказался Закир. Все думали, что он давно уснул, лежа щекой на столе, но гирканец сопротивлялся опьянению с мужеством истинного сына степей.

— Так или иначе, но его дворец по прежнему стоит где-то посреди пустыни, — закончил Бернегард. — Торговец, с которым я беседовал, утверждает, что с ним ничего не произошло. Сокровищ, конечно, уже нет. Их расхитили за много веков, случайные охотники за богатством. Погибли деревья в кадках, погибли птицы, пересохли фонтаны... Однако, статуя из белого камня до сих пор там.

— Она все еще превращается в женщину? — поинтересовался Аддо. Бернегард только пожал плечами в ответ.

— Я не понимаю, что в этой истории так тебя заняло, что ты утомлял нас ее пересказом? — Сигур произнес эти слова насмешливо и ядовито. — Если обшарить пустыню, в ней наверняка сыщется не один заброшенный дворец. В старину все эти царьки только и занимались тем, что строили дворцы, а потом бросали их. Можно добраться туда, отколупать кусок от алебастровой резьбы, и продать ее на ярмарке в Хоршемише. Если удастся найти лопуха-покупателя. Только прилично ли нам заниматься этим?

Бернегард выложил на стол купленную им карту. В неверном свете масляных ламп она казалась еще более старинной и таинственной.

— Я предлагаю следующее, — сказал он. — Мы срисуем эту карту, чтобы у каждого была своя копия. А потом заключим пари. Кто первый доберется до дворца, тот и победил. Нам все равно нечем заняться. Ярмарку мы осмотрели, город обошли вдоль и поперек. Свободного времени у

нас предостаточно. Конечно, можно продолжать торчать тут, в тщетной попытке развеять скуку, но подумайте, сколько удовольствия может доставить настоящее приключение!

Его приятели некоторое время осмысливали услышанное.

— А что будет призом? — наконец спросил Закир, оживляясь.

Он воображал себя большим знатоком широких пространств. Ему, привычному к степи, и впрямь проще будет ориентироваться в пустыне, чем остальным, природным жителям лесных областей и зеленых долин.

— Я готов поставить тысячу золотых, — сказал Аддо. Он грезил о прекрасной статуе.

— А я — не готов, — усмехнулся Сигур. — У меня отродясь не было таких денег.

— Я поставлю за тебя, — пожал плечами Бернегард. — Мы ведь родственники. Если тебе повезет, выигрыш твой.

— О, великодушный! Пусть бог щедрости позолотит твой бритый подбородок! — Сигур кривлялся так, что Бернегарду стало неловко.

— В этом нет никакого особенного великодушия, — сказал он. — Поиск волшебного дворца — настолько нелепое предприятие, что участие в нем — уже само по себе — достойно только благородного человека.

— Да, в этом безумии много поэзии, — согласился Аддо.

Закир, которому отец никогда бы не доверил тысячу золотых, сверкнул глазами и произнес:

— Я согласен с вашими условиями, господа. Когда мы начинаем путь?

— Послезавтра, на рассвете, — ответил Бернегард. — А завтра каждый займется приготовлениями. Поскольку пустыня — место опасное, каждый из нас может нанять себе телохранителя, который будет выполнять так же роль носильщика и, по возможности, проводника. Средство передвижения каждый выберет себе сам. Любое верховое животное, включая крылатых львов, если их можно купить на ярмарке.

— Я возьму своего слугу, — сказал Адо. — Он — мой испытанный товарищ. Местность ему неизвестна, но зато он хорошо знает меня. Это важнее.

— А мне не нужен телохранитель, — заносчиво объявил гирканец. — Мои сабли оберегут меня лучше любого из них.

— На том и порешим, — сказал Сигур. — Я лично соглашаюсь, поскольку могу выиграть три тысячи, и при этом не рискову ни единой монетой. Нам, бедным дворянам, можно быть бесприципными.

Допив вино, приятели разошлись. Бернегард задержался — на дне его кубка еще оставалось вино. Он попивал его рассеянно. Очарование рассказанной сказки еще имело над ним власть. Голос таинственного торговца по прежнему звучал в его ушах.

Особым чутьем, выработанным в поисках интересной жизни, Бернегард понимал — день не завершен. Должно случиться еще что-то, в духе

последних событий. И он не ошибался. Перед ним возник высокий, широкоплечий мужчина, одетый с варварской роскошью. Ледяные синие глаза внимательно смотрели из-под прищуренных век. Мужчина ловко присел за стол и негромко сказал:

— Я слышал, тебе нужен проводник?

* * *

В назначенный день, на рассвете, Бернегард и его спутник покинули город через восточные ворота.

Карта, имевшаяся теперь у каждого участника пари, обозначала особое место — две скалы из песчаника. Одна напоминала драконий зуб, слегка раскрошечный, словно дракон в приступе ярости грыз каменную твердь. Вторая больше походила на камовую башню грузовой каравеллы, подхваченной вихрем далеко в море и заброшенной в самое сердце пустыни.

— Интересно, можно ли доверять этому изображению? — размышлял вслух киммериец. — Карта уж болван древняя, рисовали тогда, кто во что горазд... Кстати, совершенно неясно, какое расстояние между этими скалами. Посмотри, рыцарь, дворец рядом с ними кажется огромным. Значит ли это, что он в самом деле огромен?

— Это не так уж важно, — отвечал Бернегард. — Главное, мы направляемся в нужную сторону, если конечно ты ничего не напутал.

— На карту точно обозначено движение пыль-

ных смерчей, — сказал Конан, указывая ногтем на рисунок. — Такие смерчи возникают только при юго-западном ветре. Они идут наискосок, значит нам нужно держаться заката, и мы не промахнемся. К северо-востоку от Хоршемиша точно нет никаких заброшенных дворцов.

— Ты хорошо знаешь эти места, Конан-киммерец? А каким ветром тебя занесло так далеко от родных ледяных скал? — поинтересовался Бернегард, расслабленно держась в седле.

— Долго рассказывать, я на это не мастер, — отвечал Конан. — Мне больше нравится слушать.

Перед отправлением он сменил свой городской наряд на походную одежду, состоящую из кожаных штанов, просторной рубахи плотного сукна, сапог на прочной подметке, но с мягким верхом, и широкого плаща. Плащу предназначалась роль одеяла — ночи в пустыне холодные.

Конан без сожаления покидал Хоршемиш. Задаток, данный ему Бернегардом, он отдал Аигуль, и посоветовал обзавестись хорошим приданым. На ярмарку он посмотрит в другой раз.

Слушая рассказ Бернегарда в «Косули», варвар догадался, что перед ним — тот самый человек, которого хотят устранить. Теперь он знал, каким именно образом.

Наниматель убийцы, которого звали Сигур, навряд ли вообще покинул город. А убийца... Теперь Конан должен был признать, что это не просто головорез, услуги которого стоят недорого. Нет, он спланировал все с невероятной хитростью. Заманить наивного и доверчивого человека

в пустыню, да еще так, чтобы всем казалось, будто он сам этого пожелал! Глупец никогда не додумался бы до такого.

Обычный убийца-наемник всегда действует просто. Он примитивен, его методы основаны на подлости и элементарном расчете. Ему не придет в голову сочинять сложную, многоходовую комбинацию. Дело тут в том, что наемными убийцами становятся подонки из подонков, люди, неспособные учиться чему бы то ни было и стремящиеся к большой цели.

А здесь действовал не только знаток человеческой природы и людских слабостей, но и опытный делец, сумевший подчинить интересы другого человека своим интересам.

Тьянь-По, мудрец и каллиграф, давний друг варвара, говоривал: «Человека легко узнать по тому, как он играет в го».

То, что происходило теперь, больше напоминало шахматы. Конан уважал эту игру, как занятие, дисциплинирующее мысль и волю. Но и в шахматах есть разные стили. Кто-то выстраивает свою тактику и держится ее до конца, не позволяя сбить себя с толку. А другой пользуется ошибками противника, извлекая выгоду единственно из них. Третий постарается обмануть неприятеля, внушив ему ложное представление о своих намерениях.

А что, если хитрец из Хоршемиша использует и Сигура в своих целях, о которых тот и не догадывается? Что, если он затеял куда более сложную игру?

Оставалось только терпеливо ждать дальнейшего развития событий.

Путь перед ними еще даже не напоминал настоящую пустыню. Поднимающееся солнце заливало зноем крестьянские поселения, возникшие по берегам прорытых каналов. Жители деревень, несмотря на ранний час, уже были в полях — только тяжелым, рабским трудом можно заставит эту каменистую, песчаную почву приносить плоды.

Каждую пядь этой земли следует полить не только водой, драгоценной, как сама жизнь, но и крепким крестьянским потом.

Конан никогда не смог бы стать крестьянином. Для труда на земле, считал он, требуется особое мужество, доступное только особым людям. При этом, крестьянин обделен всяким другим мужеством, и гнет спину перед любым, кто держит оружие...

Бернегард с интересом поглядывал на своего проводника. Мысли о природе крестьянина никогда не посещали молодого рыцаря. Для него было в порядке вещей, что кто-то должен работать, питая и одевая феодала. Люди свободного ремесла казались ему более любопытными.

Сын ремесленника или того же крестьянина может отречься от предопределенной доли и стать воином, стяжать себе славу и честь, или постигнуть ученую премудрость и сделаться важным чиновником, советовать королям... В свою очередь, сын знатного сеньора может преступить обязательства перед предками и превратиться в

бродягу, чтобы стяжать себе свободу и в полной мере быть господином самому себе.

Конан казался ему типичным представителем «свободного племени», но нечто, составляющее натуру варвара, отличало его от остальных «охотников за удачей».

Вот он едет сейчас на своем выносливом коне, явно не избалованном хорошими дорогами. Осанка и посадка выдают в киммерийце хорошего наездника, но при этом — обладателя чувства высокого достоинства, невозможного в простолюдине. Даже аристократы, ставшие бродягами, охотно начинают подражать людям низкого сословия, причем делают это не без вызова. Дескать, происхождения у меня никому не отнять, стало быть, я буду вести себя так, как захочу.

Конан-киммериец держался с истинно королевским достоинством. В нем не было кичливости и спеси, только осознание своего положения и силы.

Бернегард улыбнулся своим мыслям.

— Скажи, в твоих жилах часом не течет королевской крови? — спросил он.

— Это не важно теперь, — просто отвечал его спутник. — Когда-нибудь я стану королем.

И взглянул на собеседника так серьезно, что у Бернегарда пропала всякая охота шутить над честолюбием молодого варвара.

— Судьба иногда устраивает сюрпризы, — пробормотал он. — Может, ты и в правду станешь королем.

— Моя судьба — здесь, — заявил Конан и про-

демонстрировал рыцарю свою огромную, сильную ладонь, а потом сжал ее в крепкий кулак.

— Это — веский аргумент, — согласился Бернегард.

Карта, купленная на ярмарке, при всех своих недостатках обладала еще одним, самым критичным: по ней нельзя было догадаться, как далеко придется ехать по пустыне. Неделю? Две? Месяц? Для того, чтобы везти месячный запас воды, нужен целый караван, не говоря уже о съестном.

Однако Конан был уверен, что отыщет по пути источники воды, а пищу добудет охотой. Неподалеку от оазисов обязательно будут пастись сайгаки — пустынные антилопы. Их мясо жестковато, но некоторые причудливые богатеи, охотие до диковинок, подают его к столу в качестве редкого деликатеса. Об этом Бернегард знал из личного опыта. Теперь он веселился, предвкушая, что будет рассказывать в Аквилонии, как питался исключительно деликатесами, скитаясь по пескам.

Они проехали неторопливой рысцой весь день, лишь дважды давая раздых лошадям. На ночлег остановились в поле, принадлежащем последнему, окраинному поселению. Вода в канале уже была неприятной на вкус, желтоватой из-за песчаных примесей, но Бернегард пил ее с благодарностью к тем, кто прорыл эти каналы.

Он спал в легком шатре, а варвар устроился на ночлег под открытым небом.

— Это — последняя ночь, когда можно спать так, — сказал он. — В пустыне я тоже стану ло-

житься на ночлег в шатер, приняв некоторые меры предосторожности. Ты боишься пауков, рыцарь?

— Маленьких восьминогих созданий? Ничуть не боюсь. Они мирные и нападают только на мух.

— Здесь пауки бывают размерами с мой кулак, а то и побольше, — поведал Конан, ухмыляясь. — Они ядовиты и кусают все, что им не нравится. Пустыня учит: нападение — лучшая защита. Маленькие восьминогие создания, увидев тебя спящим, подумают, что проснувшись, ты станешь опасен. И постараются устроить так, чтобы ты не проснулся. Их яд убивает верблюда за несколько мгновений...

— Я — не верблюд, — сухо возразил Бернегард. — Впрочем, спасибо за предупреждение.

Ему не хотелось думать об опасностях. Юный рыцарь вполне отдавал себе отчет в том, что тревог и препятствий ждет много, и был готов справляться с ними по мере их возникновения. Пауки, эмеи, скорпионы, разбойники — какая разница? Он должен добраться до потерянного дворца и прикоснуться к тайне царя Уграла. Ну и конечно, неплохо было бы добраться туда раньше остальных. С такими мыслями рыцарь уснул, а варвар еще долго сидел у небольшого костерка, и смотрел на небо, полное ярких звезд.

На следующее утро они тронулись в путь.

Пустыня обступила их со всех сторон. Песок, только что совсем холодный, нагрелся в считанные мгновения и источал жар. Воздух напоминал мутноватое стекло и дрожал перед глазами.

К седлам путников крепились особые, полотняные зонты, призванные оберегать их от прямых солнечных лучей. На покупке зонтов настал варвар.

— Я могу обойтись и без них. Да и ты — тоже, — сказал он. — Но зачем переносить лишние тяготы? Будут и другие, и в достаточном количестве.

Теперь Бернегард был рад, что согласился с Конаном.

Рыцарь решил не терять своего достоинства, что бы ни происходило. Путешествие было вызовом его изнеженной натуре, но признаваться в слабости перед киммерийцем Бернегарду не хотелось. К чести юноши, жару он терпел без особого труда. Тяжелее было переносить жажду.

Рыцарь уговаривал себя: «Ты пил совсем недавно, и смерть от обезвоживания тебе не грозит. Это только кажется, что хочется пить. Только кажется...»

— Ты прав, — сказал Конан, словно подслушавший его мысли. — Пустыня охраняет себя от людей. Она внушает мысли о жажде, чтобы человек поскорее опустошил свои фляги. Тогда его ждет гибель. Но мы знаем уловки пустыни и не поддадимся ей. Человек — сильнее!

Глядя на могучую фигуру киммерийца, охотно верилось, что человек действительно сильнее. Бернегард позабавился этим, и ему стало намного легче.

Начались участки барханов — удлиненных песчаных холмов, осыпающихся под копытами и

подвижных, как змеи. Ветер перегонял пески с места на место, словно добивался от них правильного расположения, пытаясь устроить пустыню по своему прихотливому вкусу.

Когда путники поднимались на бархан, их взору открывался удивительный пейзаж: пески были похожи на море, застывшее, или, вернее — замедлившее движение своих волн. А над этими волнами колыхалось марево и вставали видения, одно прекраснее другого. Здесь были и дворцы, окруженные островками зелени, и водопады, низвергающиеся с изумрудных скал, и реки, текущие по долинам...

Видения держались какое-то время, а после распадались, и перед глазами оставался только песок...

— Мне говорили об одном человеке, — поведал Конан. — Тот долго шел по пустыне, и миражи одолевали его. Он держался из последних сил, у него была могучая воля, но нетвердый разум... Человек приучился обходиться в день двумя каплями воды и крошечным кусочком хлеба. Он высох, как палка, но все шел вперед. Не боялся ядовитых тварей, и однажды сам съел скорпиона... В конце концов, рассудок его повредился. Он добрался до города, однако не вошел в него, а направился далее, думая, что перед ним — мираж.

— Поучительно, — сказал Бернегард. — Значит, и мы также рискуем промахнуться мимо цели? Ты умеешь отличать мираж от действительности?

— Здесь нельзя полагаться только на умение, — пожал плечами киммериец. — Тот тоже думал, что умеет.

К концу второго дня пути Бернегард обнаружил в себе ценное свойство: он мог засыпать в седле, погружаясь при этом в мир сновидений, полных прохлады и покоя. Но по пробуждении у него болела голова.

— Это опасно, — предупредил его варвар. — Могут лопнуть жилы в голове. Череп заполнится кровью, и придется сверлить в нем дыру.

— Ты сможешь сделать это, если понадобится?

— У меня есть подходящий нож, — подумав, кивнул Конан. — Так что дырку в твоей голове я сделала смогу. Но что потом? Так и будешьходить, с дыркой? Она тебя не украсит.

Чтобы кони не страдали от жажды; на ночь варвар обернул их морды тряпицами, смоченными в воде.

— Завтра все равно нужно будет их напоить, иначе они падут, — сказал Бернегард.

— Завтра мы выйдем к источнику, — уверенно произнес Конан. — Для этого нам потребуется сделать небольшой крюк, но мы быстро вернемся на прежний путь. Я знаю эту породу лошадей. Их невозможно перепоить, они легко переносят голод и идут быстрее верблюдов.

— Аддо пошел на верблюдах, — припомнил Бернегард. — Каковы его шансы по сравнению с нашими?

— Ему не нужно будет петлять в поисках источников так часто, — отвечал киммериец. — Но

и двигаться он будет медленнее. Так что шансы примерно равные.

— А Закир отправился на своей страшной кобыле, похожей больше на борзую собаку.

— Это серьезный конкурент, — признал варвар. — Его лошадь, хоть и неказиста, но в пустыне — как дома. Ее вообще можно не поить. Она довольствуется ничтожной влагой, что втягивает в свои стебли полусухая колючка. Но сам Закир может не выдержать...

— Главное, чтобы он разозлился как следует, — рассмеялся рыцарь. — Разозленный, гирканец преодолеет все, что угодно.

— Гнев — не лучший помощник в песках, — возразил Конан. — Тут выживает терпеливый. Сухая трава быстро вспыхивает, и быстро выгорает — так говорят люди в этих краях. И они правы. По своей природе ты лучше приспособлен для жизни в пустыне. Жидкости твоего тела ничем не возмущены, и черная желчь не преобладает над остальными соками.

— Откуда ты все это знаешь?

— Странствуя по свету, я не закрываю глаз, — отвечал варвар с достоинством.

На самом деле он вспоминал, очень приблизительно, поучительные лекции своего друга Тьян-По. Сам он почти ничего в этом не понимал, но на людей обрывочные сведения производили сильное впечатление. Следовало только произносить их с мудрым видом, и тогда любая чепуха казалась значимой и полной смысла.

Конан окружил стреноженных лошадей коль-

цом из волосяной веревки, а второе, такое же, уложил и вокруг шатра.

— Это от пауков? — спросил Бернегард.

— Да, от всякой ползучей сволочи.

— И как, помогает?

— Полной защиты, конечно, веревка не дает. Некоторые пауки ее перепрыгивают. Но только некоторые.

Бернегард подумал, засыпая, что его бывалый проводник потешается над ним, или испытывает, нарочно рассказывая всякие ужасы. И подумав так, решил проявлять особое хладнокровие.

Третий день пути принес неожиданности.

Сначала путешественники обнаружили следы.

— Это гирканец, — определил Конан. — Его лошадь все еще в хорошей форме. Он опережает нас почти на день. Но у него почти не осталось воды. Смотри, рыцарь, следы не глубоки. Значит, поклажа легкая, почти не превышает веса всадника. Закир не взял с собой бурдюка. Надолго ли ему хватит фляги?

— У меня сложилось впечатление, что Закир вовсе не пьет воды, — сказал Бернегард. — В городе он употреблял, в основном, вино.

— Надеюсь, в пустыне он изменил своим привычкам, — произнес киммериец. — Вино выводит влагу из тела. Кроме того, на солнце оно быстро портится, и крепче ударяет в голову. Ну ладно, пора заботиться о себе. Мы возьмем к северу, и через треть дня пути выйдем к оазису.

Как не была искусна пустыня в создании лживых видений, узрев настоящий оазис, Бернегард

сразу отличил его от миража. Может, потому, что краски казались не такими яркими?

Поразмыслив и прислушавшись к своим ощущениям, юноша понял, что истинный оазис, в отличии от ложного, имеет запах. Пахнет вода, пахнут растения, и совершенно особый запах имеет сырья почва. В пустыне, где нет почти никаких запахов, этот — способен разноситься на большое расстояние и сводить с ума...

Бернегард испытал сильнейшую радость и волнение. Он привстал в стременах и уже собрался пустить своего коня галопом к заветному островку прохлады и тени, но варвар, ехавший вплотную к нему, ухватил рыцаря за локоть и крепко сжал его.

— В чем дело? — удивился Бернегард, но его проводник вместо ответа скроил зверскую рожу и жестом приказал молчать.

Потом он сложил солнцезащитный зонт и внимательно всмотрелся в песок под копытами своей лошади, а затем, сохраняя безмолвие, направил ее в сторону от оазиса.

Бернегард последовал его примеру. Сам он не чувствовал никакой опасности, но поведение Конана изумило его. Только что этот странный киммериец держался спокойно и уверенно, как у себя дома, и вдруг преобразился в дикое, хищное животное, почувствовавшее охотников. Инстинктам варвара стоило доверять. Так Бернегард и поступил, в чем потом не раскаивался.

Спутники не успели отъехать и десятка шагов, как из зарослей выującychся растений, словно

из сундука фокусника, с яростным визгом выско-
чили всадники.

Они были одеты в черные, развевающиеся
одежды, а лица прятали за масками, скрывавши-
ми все, кроме глаз. Но не это ужасало в них, не
это повергало в смятение. Верховые животные
разбойников — вот, что внушало оторопь.

Сначала Бернегард даже подумал: «Что за
уродливые пони?» И только приглядевшись, за-
метил — к пони эти твари не имели никакого от-
ношения.

Это были огромные вараны, длиною в два
человеческих роста от носа до кончика хвоста.
Светло-серые, с полосами на спине, они почти
сливались с песком. Рептилии бежали с удиви-
тельной легкостью, изгибая хищные, стремитель-
ные тела. Их наездники продолжали издавать
хриплые и визгливые крики.

— Их — восемь. Они быстрее нас, так что убе-
гать нет смысла, — быстро сказал Конан. — Но
мы сделаем вид, что пытаемся удрать от них, а
потом, по моему сигналу, развернемся и ударим.
Только бы они не стреляли!

Наездники варанов неслись сзади, постепенно
настигая путников. Бернегард уже слышал леде-
нящий душу шелест, с которым лапы рептилий
отталкивались от песка.

— Кром! — вскричал Конан, на скаку развора-
чивая коня и ставя его на дыбы. В его руке
сверкнул меч, и голова ближайшего преследова-
теля отскочила в сторону, как мяч.

Огромная ящерица под поверженным врагом

извернулась и сбросила безголовое тело, чтобы
тут же начать страшную трапезу. Варан пожирал
своего наездника! Он шипел и бил хвостом, под-
нимая тучи песка, терзал мертвца страшными
когтистыми лапами... Это было ужасное зрелище.

К счастью, у Бернегарда не оставалось време-
ни разглядывать подробности. Прямо на него ле-
тел второй всадник. Сабля в его руке вращалась,
как стальной смерч.

Рыцарь был вооружен длинным, тонким
клинком. Против легкой сабли это оружие имеет
несколько преимуществ, если успеть ими вос-
пользоваться. Зная, что вступать в ближний бой
ни в коем случае нельзя, Бернегард изловчился и
привел рубящий удар так, чтобы задеть врага са-
мым кончиком острия. Это удалось только со
второй попытки, но результат оказался свыше
его ожиданий. Черный всадник взвизгнул еще
громче, выронил саблю и ухватился за распоро-
тый бок.

Варан под ним почуял запах крови. Он смот-
рел в лицо юноше яростными глазами и шипел.
Его горло пульсировало, словно ящер предвку-
шал трапезу. Длинный, раздвоенный язык ощу-
пывал воздух.

Бернегард направил коня прямо на рептилию,
взмахивая мечом. Варан повернулся к нему бо-
ком, и вдруг сильнейший удар выбил Бернегарда
из седла. Его лошадь панически заржала и уска-
кала, мотая пустыми стременами.

Оглушенный, Бернегард попытался встать, но
варан опять развернулся, и рыцарь успел заме-

тить, как хвост ящера изгибается кнутом и разворачивается в воздухе.

Второй удар отбросил юношу на три шага. Бернегард задыхался от боли.

К счастью, раненый им разбойник не усидел в седле и повалился на песок, пятная его кровью. Ящер повернул к упавшему свою морду. Черный всадник испустил вопль, полный смертного ужаса, и попытался убежать на четвереньках. Однако варан настиг его и растерзал лапами, чтобы полакомиться свежим мясом...

Тем временем Конан сеял смерть в рядах нападавших. Из преследуемой добычи он превратился в беспощадного преследователя. Варвар пускал своего коня вскачь, то вдруг останавливался, направлял его совсем в другую сторону, заставлял разворачиваться, петляя, как заяц, чтобы, возникнув в неожиданном месте, нанести смертельный удар.

Разбойники никогда прежде не сталкивались с подобной тактикой. Обычные их жертвы — купцы, идущие с караванами, охранялись обычными наемниками, предпочитавшими лобовые атаки, или дальний бой с участием луков и арбалетов. А этот великан, казалось бы — идеальная мишень, большая и неповоротливая, метался по песку, как безумец. Его огромный меч, вместо того, чтобы наносить тяжелые удары впustую, сверкал, как молния.

Скоро четверо из восьми уже лежали на песке, превратившись в пищу для своих ящеров. Остальные благородно удалились на полполета

стрелы, и наблюдали за путниками. Впрочем, они не спешили исчезать совсем. По-видимому, разбойники решали, обстрелять ли путников из луков, или вновь попытаться напасть на них с наскала.

Варан, оглушивший Бернегарда, закончил доесть своего седока, и теперь пристально смотрел на рыцаря, медленно приходящего в себя. От ящера исходил отвратительный запах смерти и разложения.

Бернегард осторожно дотянулся до своего меча и стиснул пальцами рукоятку. Варан злобно зашипел, и то же мгновение кинулся на поврежденного рыцаря.

«Сейчас он ударит хвостом!» — промелькнуло в голове у Бернегарда, и он распластался по песку, инстинктивно угадав правильную тактику защиты.

Удар хвоста пришелся мимо. Тогда, не мешкая ни мгновения, Бернегард вскочил на ноги и прыгнув, вонзил меч прямо в пульсирующее горло рептилии.

Брызнула черная кровь. Горло оказалось противно-мягким...

Бернегарда едва не стошило.

— Хорошо! — крикнул Конан, наблюдавший за этим. — А теперь, скорее — под укрытие, в заросли!

Они успели в самый последний момент. Вокруг них, в песок, вонзались стрелы с черным оперением.

Внутри оазиса царила прохладная духота.

Шуршали заросли, и где-то неподалеку булькал родник.

— Проклятье, моя лошадь! — простонал Бернегард. — Жалко скотину, и потом — без нее мы вряд ли выиграем пари!

— Не волнуйся о ней, — сказал варвар. — Если ее не поймают вараны, она не потеряется. Она же не дура, чтобы добровольно уходить от источника воды. К тому же, она хочет пить. Вот увидишь, скоро твоя лошадь вернется.

Оазис действительно напоминал островок среди моря пустыни.

У него были четко очерченные границы, проходили они там, где живительная сила воды уже не могла напитать мертвый песок.

Сквозь заросли Конан наблюдал за действиями разбойников и их верховых животных. Вараны сильно нервничали. Им явно хотелось посбрасывать седоков и присоединиться к своим более удачливым собратьям, заставить их поделиться добычей.

— Кто эти люди? — спросил Бернегард.

— Илльроахирримы. Волки песков, — отвечал киммериец. — Презренное племя, поклоняющееся воплощению Сета. Они жестоки и коварны, но это еще бы ничего. Вараны для них — не домашний скот, а высшие существа, которым надо приносить жертвы. Обычных, ездовых ящеров они кормят мясом убитых врагов, а для верхового варана, живущего в их племени на правах вождя, они преподносят особое кушанье — пленника, замученного до смерти ужасными пытками. Впро-

чем, он предпочитает женщин, посему нас просто убили бы прямо тут.

Мы столкнулись с их разъездным отрядом. Они прячутся в оазисах и дожидаются путников, вроде нас, потому что живут грабежом и никакого другого ремесла не знают. Но повторю, в этом я не вижу ничего особенно мерзкого. Многие племена выживают только за счет разбоя. Хуже, что их покровитель — творец зла и жестокости. После смерти илльроахирримы обречены быть кормом своему божеству. Это — проклятое племя, — повторил он и замолчал.

Пустынны разбойники скрылись из вида.

— Если их становище далеко, то бояться нам нечего. Мы успеем отдохнуть и удалиться достаточно далеко, чтобы им не было смысла нас преследовать. Однако, усиленный разъезд может насткнуться на других участников пари. Положим, гирканец сумеет скрыться от них на своей тощей лошади. Но Аддо придется несладко. Он хоть опытный воин? — поинтересовался варвар у Бернегарда.

Лежа на сырой траве, рыцарь отвечал:

— Я не знаю этого. Мы встречались только во время мирных попоек и кутежей.

— Во время кутежей случаются и потасовки, — заметил Конан.

— Только не в хорошем обществе, — отрезал Бернегард.

Конан понимал, что в последнем пункте рыцарь лукавит или, по крайней мере, добросовестно заблуждается. Киммерийцу и самому не раз

случалось кутить в хорошем обществе, с представителями рыцарской знати, и уж он-то знал, что потасовки происходят решительно везде.

Как и предсказывал киммериец, лошадь Бернегарда вернулась, как только черные наездники убрались подальше. Седельные сумки остались в неприкосновенности, но солнцезащитный зонт был сломан, по-видимому — ударом вараньего хвоста. Чинить его не имело смысла.

Путники наполнили водой два небольших бурдюка, позвоили коням поесть вволю свежей травы, и покинули оазис.

Конан размышлял — случайной ли была встреча с разбойниками? Скорее всего — случайной. Чтобы договориться с илльроахирримами, нужно обладать не только знаниями их обычаем и повадок, но еще и обширными сведениями в области магии мертвых, главным адептом которой является их верховное божество. Только в этом случае волки песков прислушаются к словам чужака. В любом другом — его ждет смерть.

Вскорости путники вернулись к нужному направлению и продолжили путь. Ослепительное солнце постепенно клонилось к закату.

* * *

Аддо и его наперник, пожилой сигх Алибасур, двигались без остановок. Даже ночью их верблюды продолжали размеренно шагать по пустыне. Седоки спали в седлах, убаюканные плавным покачиванием их спин.

Утром товарищи завтракали, потом Аддо курил походный кальян, а Алибасур негромко напевал песнь-поэму, совершенно бесконечную, полную цветистых подробностей, следить за которыми у Аддо не оставалось сил.

Поэму Алибасур сочинил сам, и считал ее образцом высокого вкуса. Аддо никогда не спорил с ним по этому поводу, опасаясь обидеть верного старого слугу.

И сказал Ниару: «Твоя грудь —
Как бутоны в садах Хатшепсура,
Твое лоно — как устье реки наслаждений,
Реки полноводной...
Твои бедра — белее, чем мрамор
С волшебного острова Гупту!
Я хотел бы прильнуть к ним,
И ноги твои лобызая,
Стать твоим недостойным рабом,
О прекрасная Нура!»

«Ну и фантазии были у этого Ниару, — сонно подумал Аддо. — Это же надо придумать: лоно, как устье реки... Да еще и полноводной!»

Еще он пытался представить, как к подобным комплиментам отнеслась бы его последняя подруга, милая дочь советника... Девушка современная, хорошо знающая трактат о любви, но увы — только с практической стороны.

Однако, Нура, героиня поэмы, принадлежала к другому поколению.

А она отвечала герою,
Потупясь в смущены великом:

«О, Ниару, прекрасный, как бык
Из священного стада!
Твои руки сильнее, чем ветер,
Нежнее, чем море.
Твои чресла могучи,
Под стать Арпехси-великану!
Но не нужен мне раб,
И тем более — раб недостойный.
Нужен мне господин,
Чтоб сама я рабою была бы!»

— Все они так говорят, — пробормотал Аддо и улыбнулся.

Он был благодарен Алибасуру. Пожилой воин, повидавший всякого, не размышляя и не спрашивая согласия сопровождать своего подопечного в путешествии бессмысленном и опасном. Опасности сикха не страшили, а само путешествие старый слуга вовсе не считал таким уж бессмысленным. Напротив, он полагал, что подобными действиями и прославляются все великие герои. Алибасур отказывался видеть в Аддо обычного, пресыщенного жизнью юнца, и убил бы всякого, кто оскорбил бы молодого господина подобным предположением.

Ветра почти не было, и течение песка замедлилось. Следы в нем сохранялись дольше обычного. Благодаря этому обстоятельству, Аддо знал — прочие участники спора давно обошли его. Но не поворачивать же назад из-за этого!

На следующий день они встретили Закира. Казалось, гирканец беспечно спал на песке, прячась от солнца под брюхом своей тощей лошади.

Завидев приближающихся путников, лошадь скосила глаза и заржала злым голосом.

Закир проснулся, мгновение вглядывался в силуэты, возникшие перед ним, потом узнал, ощерился и расхохотался, по своему обыкновению.

— С тобой все в порядке? — спросил Аддо.

— Конечно! — весело отвечал гирканец.

— Он ранен, господин, — тихо сказал сикх. — Мы должны оказать ему помощь.

Действительно, левая рука у самого плеча Закира была перехвачена неумелой повязкой.

— Что с рукой? — поинтересовался Аддо.

— Пустяки. Стрела.

— Ты достал наконечник?

— Нет. Больно же!

И Закир снова рассмеялся.

— У него лихорадка, господин, — так же тихо проговорил Алибасур. — Он умрет, если ему не помочь.

— Что говорит твой раб? — каркающим голосом спросил Закир и сверкнул глазами.

— Он говорит, что тебе — конец.

— Проклятье! Распроклятое проклятье да падет на головы ему и тебе, да и мне за одно!

— Что же случилось? — Аддо спешился и неловко ступая затекшими ногами, приблизился к раненному.

— На меня напали мерзкие людишки, из тех, что разъезжают по пустыне на противных ящерицах, и думают этим кого-то удивить! — поведал гирканец, рыча и отплевываясь. — Я сражал-

ся с ними и убил не меньше десятка, пока у меня не устала рука...

На самом деле он убил всего двоих, но небольшие преувеличения в устных рассказах о подобных делах считаются обязательными у славных гирканских воинов.

— А они все появлялись и появлялись, со всех сторон, — продолжал Закир. — Когда эти мерзавцы поняли, что так им меня не взять, они принялись кружить вокруг меня и стрелять из луков. Вот ведь подлость!

— Постой, разве не так делают гирканцы, когда нападают в степи на караваны? — спросил Адо с невинным видом.

Закир разразился новой чередой проклятий.

— Значит, тебя ранили стрелой. Хорошо, что ты все-таки удрал от них. — Адо сел на песок рядом с ним.

— Удрал! — В глазах гирканца показались слезы. — Это они удрали от меня... А впрочем — неважно. Твой раб не врет? Мне крышка?

— Нет, если ты примешь нашу помощь.

Закир застонал от бессильной ярости. Его самолюбию был нанесен сильнейший удар, и следовало не сразу согласиться на предложение приятеля, а немного посопротивляться, и этим поддержать славу гордого воина степей. Но сил у Закира недоставало даже на это.

Сикх приготовил воду, чистое тряпье для перевязки, разжег небольшой костерок из колючих, насквозь сухих веток мертвого кустарника, и раскалил на огне лезвие ножа. Тем временем Адо

снял заскорузлую повязку и осмотрел рану на плече гирканца.

— Сильно нагноилось, — заметил он. — Но с другой стороны, это к лучшему. Ты почти не почувствуешь боли...

— У тебя руки, как у женщины, — язвительно произнес Закир. — Я не боюсь боли... Я ведь не неженка.

— У вендийцев высокого происхождения руки и должны быть нежными, — терпеливым голосом проговорил Алибасур. — Ты должен радоваться этому. Искусство целительства доступно только некоторым кастам. А врачевание ран — привилегия самых благородных. В отличии от, скажем, зубодеров, чей труд презренен и жалок.

— У меня отродясь не болели зубы, — сообщил гирканец.

Пока они разговаривали подобным образом, Адо извлек наконечник и вычистил рану от поверхностного гноя. Потом он тщательно разжевал комок кальянного зелья и сделал из него примочку.

— Теперь дело за временем, — сказал он. — Когда мы вернемся в Хоршемиш, пригласим к тебе самого искусного лекаря из возможных. Два дня ты всяко протянем. Если тебе станет худо, мы усадим тебя на верблюда. Вернее — уложим ему на спину.

— Причем здесь верблюд? — спросил Закир. — Мы никуда не возвращаемся. То есть, вы, если желаете, можете и повернуть, но я еду дальше.

— Бернегард и Сигур нас обошли, — пожал

плечами Адо. — Нет большого смысла гнаться за ними.

— Одного из них я должен догнать, — сказал гирканец и скривился. — Даже убивать не буду эту тварь, только хочу, чтобы он видел, что я выжил...

— О чём ты говоришь? — удивился вендиец.

— Не о чём, а о ком, — прощедил сквозь зубы Закир. — О Сигуре, да пожрут его печень стервятники!

— Конечно, ты не должен ничего объяснять, но если тебе не трудно... — Адо старался проявить деликатность. Однако гирканец перебил его.

— Когда эти черные, на ящерицах, пропали, я добрался сюда и упал с коня. Едва из раны перестала течь кровь, как появился Сигур со своим проводником... Прегнусный тип, настоящий копокрад и вор. Он смотрел на меня и ухмылялся. Я не просил помощи у Сигура, как не просил ее у вас. Он сам завел об этом разговор. Сказал, что ему очень жаль, но он не повезет меня, не станет возиться и даже воды не оставит, потому что умирающему она ни к чему.

«Эй, разве я похож на умирающего?» — спросил я.

«Завтра станешь похож, это уж точно», — ответил он.

«Ну и проваливай! — сказал я. — Желаю тебе выиграть пари и удавиться на собственных кишках!»

«Пари? — он расхохотался мне в лицо. — Глу-

ный гирканец! Я выиграю в любом случае, и никого не останется на свете, кто бы мог оспорить мою победу!»

«Может, добьем его?» — спросил проводник.

«Охота тебе марать руки об эту падаль!» — отвечал ему Сигур.

Потом они ускакали. У них были слишком свежие лошади... Я не знаю, как это объяснить, да и нужно ли объяснять... От злости я едва не повредился в уме. Но теперь мне лучше, и я... благодарен тебе, Адо.

Последние слова дались гирканцу нелегко, но он справился с этим.

Алибасур впоследствии говорил, что на его глазах свершилось превращение незрелого юноши в настоящего воина, отец которого может гордиться им.

— Сдается мне, Сигур замыслил недобroе, — сказал Адо, когда они продолжили путь.

Закир наотрез отказался сесть на верблюда, и продолжал ехать на своей тощей лошади, действительно похожей на борзую собаку, причем не только статью, но и злобным норовом. Она то и дело пыталась укусить за ногу верблюда Алибасура, вынуждая его брыкаться.

— Гнусная мокрица, — с большим чувством молвил Закир. — Что бы он ни задумал, вряд ли это достойно и хорошо.

— Если господа позволят, я поделюсь с ними своими мыслями, — важно произнес Алибасур.

— Чего там, делись, — развязно кивнул гирканец.

Сикх дождался кивка своего молодого господина и продолжил:

— Господин Сигур — великий завистник. Он принадлежит к тому же роду, что и господин Бернегард. Однако богиня удачи не жаловала эту ветвь их родового древа, как порой и садовник иные ветви яблони украшает яркими лентами, а иные — оставляет в пренебрежении...

— Ух ты! Он всегда так говорит? — изумился гирканец. — Тебе бы на курултае выступать! На совете племен!

— У нас это называется диваном, — с достоинством отвечал сикх. — Но речь не обо мне, господин. Речь о Сигуре, равно как и о его родственнике, юном Бернегарде. Недостойному слуге кажется, что основные опасности, связанные с нашим путешествием, угрожают ему, а не нам.

— Что из этого следует? — спросил Аддо.

— Как что? — вместо слуги отвечал гирканец. — Нам стоит поторопиться.

* * *

Был пятый день пути. Бернегард прокалился насквозь ослепительно белым солнцем. Голову он прятал под складками головного убора, состоящего из длинного, перекрученного куска ткани. Но ресницы его выгорели, а лицо сделалось смуглым, как у коренного жителя этих мест.

Вся лишняя влага выпарилась из тела аквилонского рыцаря, и он ощущал странную, приятную легкость.

От жажды, впрочем, путники не умирали. Едва подходила к концу вода в их бурдюках, Конан безошибочно находил новый оазис, а если не оазис — так колодец, если же не колодец, то особое место прямо посреди пустыни. В этом особом месте киммериец рыл яму два локтя глубиной, и на дне ее в скором времени появлялась вода, на удивление свежая и прозрачная.

Конан объяснял Бернегарду, по каким признакам можно отыскать подобное место, но рыцарь слушал невнимательно.

Происходящее казалось ему сказкой, а сказочные герои не погибают от обезвоживания. У них всегда под рукой оказывается спутник, обладающий редкостными умениями.

Таким образом, путешествие по раскаленному песку превратилось для Бернегарда в приключение духа. В то время, как Конан не отделял внутренних переживаний от состояния плоти.

Для северянина он слишком любил солнце. Многие жители севера заявляют вслух, что солнечный свет для них — радость жизни, счастье и утеша. Но они имеют ввиду жалкое подобие гордого светила, что плывет низко в мутном небе, над самым горизонтом, и едва в состоянии растопить снег. Настоящего солнца северянин не может вынести, его светлая кожа покрывается волдырями, мозг плавится в перегретой голове, а глаза поражает грызущая боль.

Конан-киммериец наслаждался. Горячие лучи ласкали его тело, похожее на статую древнего героя. Казалось, он может обходиться и без воды, и

без еды, черпая необходимую для жизни энергию в солнечных лучах. Тем не менее, он ловко отыскивал воду, а когда запас пищи подошел к концу, выследил у одного из оазисов пустынную антилопу и добыл ее, настигнув на лошади одним стремительным броском.

Он сам приготовил мясо на угольях, благо подходящей у костра древесины было в избытке.

— Надо съесть все, — сказал он Бернегарду. — Мы не сможем сохранять мясо долго. Оно испортится уже завтра.

— А если его заялить? — предложил рыцарь.

Варвар фыркнул.

— На это уйдет полдня, да и к тому же, вяленое мясо вызывает жажду. Нам это ни к чему.

Осознав справедливость этих слов, Бернегард больше ни разу не спорил со своим проводником.

Он сам иногда думал, почему бывалый воин, опытный путешественник, не лишенный к тому же честолюбия, возится с ним, человеком мало-сведущим, чьи достоинства достались ему по наследству и ничем не подтверждены?

Задай он этот вопрос киммерийцу прямо, и то не получил бы внятного ответа.

Возможно, благодаря жизненному опыту, варвар видел в юноше хорошие задатки, которые позволяют и ему впоследствии стать славным воином, достойным славы предков. Может быть, Конан радовался слухаю расстроить планы хитрого негодяя. Не без корыстных соображений, в том числе. Там, где хитрый негодяй строит сложные планы, наверняка есть чем поживиться и честно-

му человеку. Достаточно этого негодяя устраниТЬ.

Нужно заметить, что Конан представлял себе подробности предстоящего весьма туманно, рассудив — не без остроумия — что это и неважно. Главное, оказаться в нужном месте в нужное время, а там посмотрим. Этим правилом варвар руководствовался всю свою жизнь и ни разу еще не пожалел об этом.

* * *

Таинственного человека, помощника Сигура, звали Сквирр. Он не являлся в прямом смысле слова наемным убийцей, хотя, если за это платили, убивал без колебания. Это обстоятельство малоинтересно само по себе. Гораздо интереснее способы, которыми Сквирр осуществлял разного рода грязные дела.

Несколько лет назад к нему обратился некий юноша, которому позарез требовалось избавиться от власти опекуна, человека старого и крайне рассудительного. Такой человек никогда бы не вник в проблемы молодости, ибо его собственная молодость миновала так давно, что подробностей просто не сохранила бы человеческая память.

Существовало одно осложнение. Проклятый старикан, как уже говорилось, был крайне рассудителен. И конечно, он рассудил, что прыткий племянник попытается добраться до завещанных ему денег, переступив через остывающий труп дяди. Старый пройдоха написал завещание, в ко-

тором содержалось прямое указание: в случае смерти его при подозрительных обстоятельствах, начать следствие с допроса племянника и держать его под подозрением, пока тот не сознается.

Проклиная мнительность стариков вообще, и своего дяди в частности, племянник впал в отчаяние. Когда Сквирр предложил ему отделаться от старого дурня за жалкую тысячу золотых, юноша счел эту сумму заниженной.

А через три дня после заключения договора между ними, дядя сошел с ума. Он разгуливал по улицам Хоршемиша в неподобающе-легкомысленном виде, произносил путаные речи, то хохотал во все горло, то вдруг старался спрятаться от невидимого окружающим врага.

Несчастного безумца взяли под стражу, дабы он не натворил бед. В его покоях нашли особое курительное зелье, пристрастившись к которому, человек теряет себя в лабиринтах ярких видений...

Племянника даже не заподозрили в том, что он сам подбросил зелье в покой дядюшки. Тут имело место одно обстоятельство, сыгравшее решающую роль в признании полнейшей его невиновности. Дело в том, что покой дяди запирались на ключ, существовавший в единственном экземпляре. Ключ дядя всегда носил с собой, на цепочке, и не снимал даже в серных банях, которыми славен Хоршемиш.

Итак, все решили, что старик употребил слишком большую дозу зелья и повредился в уме. Может быть, впоследствии его рассудок и

прояснился, но кто поверит безумцу, уверяющему, что он здоров?

Племянника, проявившего себя в качестве любящего и почтительного родственника, назначили опекуном несчастного.

В этом очевидна жестокая насмешка судьбы. Дальнейшая судьба старика никому не известна. Возможно, он жив и по сию пору, и влечит горькое существование в доме скорби, никому не нужный и забытый всеми.

А судьба племянника, напротив, ясна. Но богатство, которого он так ждал, не принесло ему счастья.

Сквирр, отличавшийся практическим умом, не сомневался — молодой глупец очень быстро пустит деньги по ветру.

Он явился в богатый дом, сменивший хозяина, и потребовал приплаты за молчание.

— Спору нет, ты ловко провернул это дело, — сказал ему племянник, — но кто поверит тебе? Ты подбросил зелье, и все теперь думают, что старик пал жертвой собственной неаккуратности. Но ты, Сквирр, слишком хорошо замел следы. Иди, рассказывай, про тебя тоже решат, что ты обкүрился зелья.

Сквирр рассмеялся.

— Ты умнее, чем я думал, но всего на один ход.

— Что тебе-то за дело? Я не собираюсь играть с тобой в шахматы, — ответил один негодяй другому.

— Некоторые люди воображают себя хозяевами своей судьбы, в то время, как на самом де-

ле — они лишь фигуры на доске, — возразил на это Сквирр. — Хорошо. Не плати за молчание. Плати за право оставаться в живых. Только учти, это стоит дороже.

Племянник не стал платить вовсе. Сквирр, похожий на дешевого прощельгу, хмыкнул, завернулся в свой засаленный халат и ушел.

А ближайшей же ночью окрестности богатого дома огласились душераздирающими криками.

Племянника посетило видение. То был призрак, совершенно бесплотный, за исключением одной лишь правой руки. Рука оказалась твердой, костлявой и холодной.

Лицо призрака принимало очертания самых жутких чудовищ, но не это свело наследника с ума. Именно костлявая рука, которой призрак хватал молодого человека за горло и душил его, оказалась страшнее всего. Слуги заметили на горле новоявленного безумца отпечатки узких пальцев, но решили, что юноша оставил их сам, собственной рукой. Сумасшедший успел выброситься из высокого окна на каменную мостовую прежде, чем его осмотрели лекари. Так, в страхе и тоске, он и окончил свою жалкую жизнь.

Если бы мудрый кхитаец Тьянь-По, давний приятель Конана, из изречений которого киммериец почерпнул немалую толику своих премудростей, знал эту историю в подробностях, он бы непременно сказал Конану:

— Важно уметь довольствоваться тем, что у тебя есть. Призрачные мечты толкают человека в руки к призракам.

На это Конан, по своему обыкновению спорить, возразил бы кхитайцу: если человек не умеет справиться с жалким призраком, ему и мечтать-то не имеет смысла.

Так бы они и остались, каждый при своем мнении, неизменно довольные друг другом и самими собой.

Однако Тьянь-По не знал этой истории, да и варвар проведал о ней много времени спустя.

Сквирр долго еще пребывал в ярости.

— Люди — страшные дураки, — сказал он себе. — С ними очень трудно иметь дела. Попробуем добиться от них хотя бы уважения. А там и платить начнут.

Следующее дело, за которое взялся Сквирр, оставило по себе жуткую память.

Некий богатый господин воспыпал страстью к дочери другого богатого господина. Казалось бы, отчего этим господам не решить дела полюбовно? Но интересы обеих сторон пересекались еще в одном пункте, а именно — оба богатых господина являлись друг другу заклятыми врагами.

В ту пору принц Хоршемиша был еще очень молод, и держался на троне благодаря опыту и верности своих советников. Однако при дворе принца сложилась партия, желавшая низложения законного правителя, или хотя бы жесткого регентства, при котором принц скорее всего не дожил бы до совершеннолетия. Отец девушки принадлежал именно к этой партии, в то время, как жаждущий ее человек поддерживал интересы юного наследника трона.

Если бы он носил в сердце своем подлинную любовь, то все случилось бы по иному. Путей, по которым он пришел бы к возлюбленной, очень много. Придворный мог бы предать трон, или переманить на свою сторону отца девушки, или пуститься на хитрости и заключить с ним ложное перемирие, чтобы, получив желаемое, тут же расторгнуть его...

В конце концов, он мог бы отказаться от своих притязаний, не желая навредить красавице и ее близким. Как знать, может, именно эта жертва умилостивила бы судьбу, и она помогла бы влюбленному. Но любви не было. Придворный испытывал страсть, сродни той, что горит в глазах барышника, или собирателя диковин. Страсть обладания.

Девушка оставалась для него лишь неодушевленной вещью, которую можно купить или украсть, если обстоятельства склоняют к подобному решению.

Как придворный узнал о Сквирре — можно только гадать. По-видимому, худая слава колдуна, устраивающего темные дела за мзду, уже ходила по злачным местам Хоршемиша.

— Ты — колдун? — спросил его вельможа при первой встрече.

— О, нет, — отвечал Сквирр. — Колдуны читают заклинания, собирают их в особые книги, изготавливают препараты из сушеных нетопырей и прочей гниуси. Колдуны повелеваю силами стихий, или думают, что повелеваю. Я же не имею дерзновения так считать.

— Кто же ты такой? — продолжал настаивать придворный, привыкший, чтобы ему отвечали прямо.

— Недостойный твой слуга, — сказал на это Сквирр и склонился в поклоне. — Пусть твоя милость не ломает над этим голову. Пусть твоя милость заплатит золотом и избавится от всяких забот. И нынче же ночью станет возможной радость плотского соития с девой, чьей красотой ты пленен.

— Пленен... Экий вздор! Просто хочу ее, — сказал вельможа и стиснул зубы от яростного воожделения.

Они говорились.

Этим же вечером в доме отца девушки случился переполох.

Девушку тщательно охраняли, поскольку отец подозревал своего противника в способности нанести ей бесчестие. Не смыкая глаз, повсюду за ней ходили трое воинов, которых сменяли каждую стражу. Ночью они стояли у изголовья ее ложа. Это были молодые, сильные люди, с живой плотью и кипящей кровью. Странно, что от них отец девушки не ждал никакого бесчестия.

Едва девушка легла спать, как в комнату влетел крылатый змей. Он был похож на рыбу со множеством плавников. Змей обвил кольцами своего тела горло одного из стражников, и тот упал замертво. Второй выхватил меч, но благородный клинок не причинил змею вреда, проходя сквозь чешуйчатое тело так же свободно, как луч света — сквозь темноту. Змей поразил этого

воина жалом, спрятанным в кончике хвоста, и несчастный скончался в жутких конвульсиях.

Третий воин заглянул в глаза змея и уснул. Именно из его уст изошли подробности страшной ночи.

Большего он не мог поведать, но уж было ясно, что именно змей и унес девушку.

В такой ситуации самое ужасное — что невозможно даже предположить, где искать пропавшую красавицу.

— Если бы вельможа стоял за этим, то нанял бы какого-нибудь ловкого вора. Крылатый змей наводит на мысль о маге, или могущественном жреце. Вельможа, насколько было известно, магией не занимался. Стало быть колдун или жрец положил на несчастную красавицу глаз и выкрад ее, как только ему представился удобный случай, — так сказал капитан городской стражи убитому горем отцу.

А вельможа тем временем успел насладиться своей пленницей. Он взял ее силой, и это разожгло огонь его страсти еще сильнее. Но даже самый жаркий огонь гаснет со временем. К началу следующего дня он уже не мог смотреть на похищенную без отвращения. Она непрерывно плакала, чем раздражала его безмерно.

— Во всяком случае, свое ты получил, — сказал ему Сквирр.

Он оставался в доме вельможи все это время и распоряжался там, как хозяин. Слуги царедворца недоумевали и даже роптали. Им неприлично было прислуживать такому грязному об-

рванцу, к тому же — еще и с отвратительными манерами.

Странно, но получив деньги от первого клиента, Сквирр не потратил ни одной монеты на новую одежду. Халат на нем был все тот же, засаленный донельзя. Сквирр получал удовольствие от своего внешнего вида. Ему нравилось, как богатые господа, одетые в парчу и дорогой бархат, делают над собой усилие, чтобы не морщиться, находясь рядом с ним, человеком нужным. Нравилось хватать грязными руками лучшие куски с золотого блюда, вытирая эти руки о драгоценный шелк обивки...

— Да, ты получил свое... — повторил он, ухмыляясь.

— Ты — тоже, — напомнил ему вельможа. — Я рассчитался с тобой полностью.

— Ты намекаешь, что я злоупотребляю твоим гостеприимством? — Сквирр усмехнулся еще шире. — Думаешь, что мне еще чего-то от тебя надо? Не-ет, это тебе, уважаемый, скоро опять потребуется моя помощь. Поэтому я и не ухожу. Что ты станешь делать с этой девкой? Намерены ли ты и впредь держать ее в своем доме?

— Еще чего! — сказал царедворец. — На что мне она? Я вышвырну ее немедленно.

— Это глупо, — возразил ему Сквирр.

Вельможа вспыхнул. Он не привык, чтобы с ним разговаривали подобным образом.

— Повторяю тебе, это глупо, — настаивал Сквирр. — Она прибежит к своему отцу и укажет на тебя.

— Они не станут поднимать шум, захотят убечься от позора, — пожал плечами царедворец.

— Учитывая способ, которым девушка была опозорена — станут. И это будет громкий шум.

— О каком способе ты говоришь? Разве не ты привел ее ко мне, как уличную девку?

— Ее похитил змей, — сказал Сквирр, шурясь от удовольствия. — В тебе заподозрят колдуна. Конец твой будет ужасен.

Вельможа скрипнул зубами.

— Проклятье! Ты уверял меня, что не пользуешься колдовством!

— А я и не пользуюсь. Объяснить тебе суть моего метода не получится. Вряд ли ты поймешь. А тупоумные судьи — тем более.

— Про какого змея ты толкуешь?

— Это — удивительный змей, — почти восторгаясь, произнес Сквирр. — Одно из самых прекрасных созданий на земле.

— Где же он?

— Везде. И здесь — в том числе.

Вельможа не выдержал и рассмеялся.

— Я думал, — выдавил он, — что большего вздора, чем на совете во дворце, я не услышу нигде. Но ты меня удивил. Воистину, ярмарочные прощелыги горазды на выдумки. Не сойти мне с этого места, если явижу здесь твоего змея!

Не успел царедворец произнести эти слова, как из-под столика, украшенного затейливой резьбой, появилась змеиная голова. Она была огромная, золотого цвета, с глазами, полными холодной злости.

Вельможа застыл. Язык его прилип к небу. Он попытался броситься к своей сабле, висевшей на стене в богатых ножнах, но не смог — ноги его отказывались двигаться. Вельможа словно прирос к полу.

Тем временем змей появился полностью. Он плыл в воздухе, окружая царедворца просторными петлями, и тот в ужасе понял, что не в силах будет помешать змею, если он вздумает сжать кольца.

— Ну что, видишь теперь? — осведомился Сквирр. — Я не лгал тебе. И это не колдовство, в том смысле, как понимают его люди.

— Откуда он взялся? — пролепетал вельможа.

— Отовсюду. Я же сказал, что он — везде. И не он один. Мир полон странных существ, которых мы не замечаем. Для нас они прозрачны и бесплотны. Люди не только живут с ними бок о бок, но и ходят сквозь них, спят на одном ложе с ними... Если бы почтенные горожане только знали об этом соседстве!

Сквирр разразился счастливым смехом. Он любовался переливами света на змеиной коже и наслаждался волнами страха, что исходили от вельможи, гордого и могущественного. Что теперь его гордость и его могущество, перед лицом подлинной монстри! Думая об этом, Сквирр отошел к столику, налил себе вина из бронзового кувшина, и принял смахивать благородный напиток, какой не купишь в лавке за медные деньги.

— Несведущему может показаться, что я имею над этими существами власть, — продол-

жал он. — Это не так. Я могу призвать этого красавца-змея — не правда ли, он красив? — но не в моих силах заставить его исчезнуть. Ему нужно мясо, господин. В нашем мире, мире плотских существ, жители эфира потребляют слишком много жизненных сил. К тому же, они вправе требовать от меня угощения...

— Я дам тебе все, что ты попросишь, — взмолился вельможа. — Сколько угодно денег... А хочешь — у тебя будет дом, прекрасный загородный дворец, со слугами и мебелью... Только избавь меня от этой твари... Она слишком пристально на меня смотрит...

— Мне не нужно загородного дворца, господин. Что я там буду делать? — рассудительно произнес Сквирр. — Такому оборванцу, как я, самое место в грязной почлежке. А вот деньги всегда приятно иметь. Сто тысяч золотом — это не слишком много в такой ситуации?

В знак согласия царедворец кивнул.

— Кстати, — заметил негодяй, — змей поможет нам избежать неприятностей при расследовании. Ему ведь все равно, кого пожрать. Нежное мясо молодой красавицы даже предпочтительнее...

Так и случилось, что девушку больше никогда никто не увидел, а вельможа раскошелился на сотню тысяч.

Сквирр не стал больше его донимать. Вид золотого змея, пожирающего женщину, потряс даже похитителя красавицы, хоть он и был бездушным мерзавцем. Этому царедворцу доводилось и

прежде наблюдать жестокие казни и присутствовать при пытках, и ни разу его сон не обратился в кошмар.

Однако с тех пор, как погибла несчастная жертва его похоти, царедворец не ведал покоя. Он совершенно поседел, вздрагивал от каждого шороха, и поскольку силы оставляли его с каждым днем, вельможа принял судорожно творить добрые дела. Так он надеялся умилостивить богов и собственную совесть.

Помогло это ему, или после смерти вельможу ожидала смрадная яма, полная голодных демонов — этого никто не скажет наверняка.

А о Сквирре пошла слава, как о человеке воистину всемогущем, который поможет в любом деле, но и плату потребует огромную, и лучше бы с ним не торговаться.

Летом он жил под старым мостом, в компании безобразных нищих и воров. Зимой перебирался в халупу, из которой сбежали даже пауки. Денег он брал за свои услуги крайне много, но куда прятал их, на что тратил — того никто не ведал.

Прошло несколько десятилетий, и люди наблюдательные заметили бы неладное. Сквирр не старел. Только кожа на его лице все сильнее покрывалась отвратительной на вид коростой. А еще от него исходил сильный жар, словно его тело было куском раскаленного металла.

Этому его свойству Сигур поражался больше всего, до тех пор, пока они вместе не выехали за ворота Хоршемиша.

— Я не уразумел до конца, — сказал аквило-нец, — за каким демоном мы пускаемся в путь? Если Бернегард сгинет в песках, как ты мне обещал, я не вижу смысла в соблюдении правил этого дурацкого пари.

— Не такое уж оно и дурацкое, — ухмыльнулся в ответ Сквирр. — Если бы я прожил другую жизнь, и был бы не тем, кто я есть, то непременно бы принял участие в чем-нибудь подобном. Я удивляюсь тебе, рыцарь. Неужели в твоей душе не осталось места для благородных чувств?

— Если бы осталось, вряд ли я обратился бы к тебе, — процедил сквозь зубы Сигур. — Ты не ответил мне.

— Если ты до сих пор ждешь ответа, то слушай. Я хочу, чтобы ты убедился, что с наследником покончено. Тогда ты не сможешь вилять.

— Но ведь я окажусь под подозрением! Подумай, мы оба были в пустыне, я вернулся, а Бернегард пропал. Люди подумают, что я убил его, пользуясь случаем.

— Об этом тебе нечего волноваться, — сказал Сквирр. — Мы вернемся слишком рано, чтобы ктонибудь смог предположить, что ты ездил в пустыню. Никого из участников пари не останется в живых.

— Слишком рано? То есть, Бернегард будет убит поблизости от города? Но ведь тогда его скоро найдут, и начнется следствие...

— Нет. Все случится далеко от Хоршемиша. Покинутый дворец находится в десяти днях пути, если менять лошадей.

— Он на самом деле существует?

— Конечно! — Сквирр оскалился. — Я стараюсь не лгать. Есть и дворец, и статуя, все чин-чина.

Какое-то время они ехали молча. Конь под Сквирром приплясывал. Это был беспородный жеребец, плохо ухоженный и злой. Пару раз он попробовал сбросить седока, но Сквирр прошептал ему что-то на ухо, и животное оставило свои попытки, однако нервничать не перестало.

— Постой-ка, — спохватился Сигур. — Десять дней пути... Как же я окажусь в городе слишком рано? Десять дней туда, десять — обратно... Мое отсутствие заметят, и трудно будет объяснить его.

— Ты все еще мне не доверяешь? — притворно изумился Сквирр.

— А ты стал бы доверять на моем месте? Сквирр рассмеялся.

— Конечно, нет. Но призадумался бы, после того, что сейчас произойдет.

— А что произойдет?

Вместо ответа Сквирр вытянул вперед правую руку и подвигал растопыренными пальцами. Там, куда падала тень от его руки, пыль вдруг ожила, взметнулась сначала небольшим фонтанчиком, потом собралась в маленький, упругий столбик смерча.

Смерч приплясывал и рос на глазах. Пыль скрипнула на зубах у Сигура, запорошила ноздри лошадей, и те протестующе заржали. Бешено вращающаяся воронка издавала резкий звук, до-

вольно громкий. Потом он сделался еще громче, послышался хлопок, и конь Сигура присел, мотая головой.

После хлопка звук пропал. Сигуру показалось, что он внезапно оглох.

Пыль стояла стеной вокруг них, и сквозь эту стену ничего не было видно.

— Что происходит? — проорал Сигур, боясь, что звук его собственного голоса окажется не громче комариного писка.

— Мы летим над землей, — спокойным тоном отвечал Сквирр. — Я рекомендовал бы тебе крепко держать поводья. Если твоя лошадь выйдет за пределы смерча, вы сразу рухнете вниз, к радости песчаных шакалов.

Сигур посмотрел под копыта своего коня. Внизу, сквозь горловину воронки, виднелись волнистые дюны.

Они проносились мимо, появлялись следующие, и так — до бесконечности. Высота была большая, тысячи две локтей.

— Это какой-то морок, — сказал Сигур. — Ты дурачишь меня!

— Вот как? — Сквирр нахмурился. — Ну что ж, попробуй развеять иллюзию. Не хочешь? Тогда держи за зубами свой язык!

Сигур возмутился:

— Как ты смеешь разговаривать со мной подобным образом? — крикнул он. — Ты, мелкий жулик, прощелыга, хам...

— Да, я хам, — согласился Сквирр. — Но не трус. Если мне понадобится убить кого-нибудь, я

не стану нанимать для этого постороннего человека.

Сигур подавленно замолчал.

Их кони, напуганные состоянием невесомости, даже не старались вырваться из объятий смерча, только мелко дрожали и жалобно ржали. Пустыня пыла под ногами.

Продолжалось это довольно долго, и Сигур впал в сонное оцепенение. Случившееся с ним и в самом деле напоминало ночной кошмар, но пробуждения не было.

Наконец лошади коснулись копытами песка. Они пошатывались, как пьяные, и сообщники спешились. Солнце клонилось уже к горизонту.

— Мы преодолели трехдневный переход, — сообщил Сквирр. — А теперь мне нужен отдых.

Он расстелил прямо на песке одеяло и повалился на него. Сигур бродил вокруг, как потерянный, пока не решил последовать примеру своего проводника.

Однако ему не спалось. Оцепенение, охватившее Сигура в воздухе, прошло, и он бодрствовал. Мысли его были горьки.

Стремительно стемнело и похолодало. Сигур изнывал от тоски, страха и усталости. Когда его взгляд упал на спящую фигуру Сквирра, он чуть не вскрикнул. Ужас сковал его.

Над спящим клубился белесый туман, заметный на фоне ночной черноты. Он вел себя, как живое существо, обладающее волей. Казалось, в нем шевелится нечто злобное и упрямое, обладающее огромной силой.

Светила луна, и в ее лучах сгусток тумана выглядел еще более страшным. Потом из самой еготолщи высунулась рука — костлявая, с длинными когтистыми пальцами, и тотчас убралась обратно. Следом показалось крыло, кожистое, с длинными крючьями по краям. Оно всколыхнуло воздух и погрузилось обратно. Но из тумана уже выглядела жуткая морда, с круглыми рыбьими глазами и пастью, ощеренной тонкими, острыми зубьями.

Завороженный этим представлением, Сигур не отрываясь смотрел на странный туман, а Сквирр, прямо над головой у которого появлялись чудовища, продолжал спать.

Сигур пригляделся по внимательнее и едва сумел удержать крик: Загадочный и зловещий бродяга не дышал. В лунном свете его лицо, обезображенное экземой, выглядело маской.

— Мертв! — подумал Сигур. — Что же будет со мной?

Из тумана явилась змеиная голова. Чешуя на ней отливалась металлом.

Змеиные глаза вдруг приблизились, и в вертикальных зрачках Сигур не увидел ничего, кроме ледяной ярости. Он потерял сознание.

Утром его разбудил Сквирр.

Разбитый и оглушенный, Сигур нашел в себе силы рассмеяться, но смех его был жалок.

— Мне приснилось, будто бы ты умер, — сказал он.

— Иногда сны бывают правдивы, — ответил Сквирр.

— Но ведь ты жив, не так ли?

— Мы мало знаем о жизни и смерти. Преступно мало. Что считать жизнью? Чувство голода, физические страдания, жажду власти и богатства? Или еще грубее — способность сердца гонять кровь по жилам?

— А что считать смертью? — спросил Сигур, испытывая раздражение.

Сквирр не ответил ему.

Следующий перелет закончился там, где царь Уграя увидел, пробудившись, свой дворец...

Сигур сидел на ступенях, странно холодных, словно над куполами дворца не сияло палящее солнце.

Отчуждение и глухая тоска охватили аквилонца, и резной алебастр, и мозаика потолков не восхищали его. Он понимал отчетливо только одно — Его занесло невесть куда, и теперь он в полной власти загадочного существа, назвать которого человеком можно только с большой натяжкой.

Сквирр, напротив, был весел. Он передвигался по дворцу энергичными пробежками, восхликал и смеялся. Полы его халата разевались, словно крылья аиста-падальщика. Сигур не удивился бы, если б его проводник вдруг упал бы на мозаичный пол и забился бы в припадке. Так ведут себя дервиши и бесноватые на рынке Хоршемиша.

— Она там, наверху, — ликуя, оповестил его Сквирр. — Неужели ты даже не захочешь взглянуть на нее?

— Я думал, все это выдумки, — вяло отвечал аквилонец. — Впрочем, что мне за дело? Я не хочу на нее смотреть.

Но Сквирр ухватил его за локоть и силой повлек наверх.

Сигур пробовал сопротивляться, однако Сквирр обладал нечеловеческой силой. Вырваться из его хватки оказалось невозможно.

В пустой большой зале действительно находилась статуя. Прошедшие века никак не сказались на белизне мрамора и его гладкости. Даже пыль не ложилась на каменную женщину, что было в высшей степени странно.

— Правда, она прекрасна? — спросил Сквирр.

— Зачем ты привел меня сюда? — удивился Сигур. — Я не интересуюсь древностями. Может, ты забыл наш уговор?

— Нет, аквилонец, уговор я помню. Можешь не переживать, я всегда выполняю обещанное. Иначе моя сила покинет меня. Таковы правила. Но хорошо иногда совместить приятное с полезным. Приятным я называю созерцание этой прекрасной статуи...

— Я нее вижу в ней ничего исключительно го, — оборвал его Сигур. — Работа довольно груба, нарушены пропорции, искажены линии...

— Глупец! Она же живая! То, что ты считаешь пропорциями и линиями, лишь жалкая пародия на жизнь, нелепые потуги ваятелей сравняться с природой...

— Хорошо. Она живая. Мы притянулись в самое сердце пустыни, дабы полюбоваться на нее.

Тем временем мой родственник еще далеко отсюда, и неизвестно, не повернулся ли он назад. Ты мог убить его много раз, а я до сих пор не вижу его головы. Ты — колдун, может быть даже — демон. По ночам ты не дышишь. Это — твое дело. Я хочу видеть Бернегарда мертвым, а не созерцать живые статуи!

Сквирр расхохотался ему в лицо.

— Ты так и не понял, ничтожество, во что ввязался? Ты нужен мне, как материал для опытов. Мне плевать на твои желания. Тебе не уйти отсюда. Но, как я уже сказал, свое обещание я выполню. Бернегард будет мертв.

Сигур бросился на него с кулаками, но Сквирр, отделившись от пола без всякого видимого усилия, перекувыркнулся в воздухе и ударили Сигура в грудь ногами.

Упав, аквилонец ударился головой о стену и потерял сознание.

Потом, спустя время, когда он открыл глаза, сознание все еще не вернулось к нему. Он двигался, говорил, испытывал чувства, но все это было чужое, ибо нечто вселилось в тело аквилонца и сделало его своим. Сигура не стало.

Если это кому-нибудь интересно, то душа его угодила в смрадную, душную темноту, где живут мерзкие чудовища — Зависть и Отчаяние.

Спустя несколько дней Закир повстречал при уже известных нам обстоятельствах уже не прежнего Сигура, а того, кто поселился в его теле.

***

Прошло одиннадцать дней.

Когда Бернегард увидел вдали купола, пылающие на солнце, он остановил своего коня, спешился и опустился на песок.

Юный рыцарь мглел от радости. То, что казалось ему недостижимой мечтой, грезой, чарующим сном, теперь показалось наяву.

— Это ведь не мираж? — спросил он у своего проводника.

— Посмотри сам, — отозвался Конан. — Вот приметные скалы, все сходится. Мираж не повторил бы рисунка карты. И потом, разве ты не видишь, как волнуются лошади? Они чуют воду. Их миражами не обмануть.

Варвар тоже испытывал радость, но не выражал ее столь открыто. Приключение близилось к концу. Правда, самая опасная его часть еще впереди, но зато обратная дорога всегда легче — это он знал на личном опыте.

Конан внимательно изучал песок под копытами своего коня. Ветер изрядно потрудился, заметая следы, но кое-что осталось для глаз бывалого следопыта. Множество отметин, тонких, будто царапины. И оставлены эти следы недавно, совсем недавно...

— Поблизости ильроахиримы, — сказал киммериец. — Я понял, почему они не напали на нас раньше.

— Почему? — поинтересовался Бернегард.

— Им нужно было, чтобы мы очутились здесь.

Все это время волки песков провожали нас, пасли, как баранов. Если бы мы сбились с пути, они атаковали бы, но не всерьез, а так, чтобы мы вернулись на нужное направление.

— Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? — Бернегард поднялся на ноги и инстинктивно ухватился за рукоять меча.

— Тс-с! Не делай резких движений! — остановил его варвар. — Пусть они думают, что мы ни о чем не подозреваем. Тогда на нашей стороне окажется пусть небольшое, но все-таки преимущество.

— Распоряжайся, — кивнул ему Бернегард. — Я надеюсь, ты понимаешь, что твой гонорар зависит от того, останусь я в живых, или нет.

— Если я буду мертв, какой мне прок в деньгах? — весело отозвался Конан. — Теперь садись в седло и неспешно следуй за мной. Под укрытием стен нам не страшны стрелы, а огромные вараны не решатся лезть в человеческое жилье, даже заброшенное.

Путники миновали парадный вход, у самого порога которого намело целый бархан песка. Но за порог пустыня не переступила, словно дворец охраняло сильное заклятие.

Источенные временем ворота вели во внутренний двор. Там друзья обнаружили поилку для лошадей, полную свежей воды, и свежее сено в кормушках. Сено источало одуряющий аромат, совершенно немыслимый среди песков.

— Чудеса! — восхликал рыцарь.

— Попахивает колдовством, — хмуро отозвал-

ся Конан, однако, ослабив подпругу своего коня, позволил ему напиться и припасть к кормушке.

— Хорошо, что это местная порода лошадей, — сказал он. — Рыцарский конь из Аквило-
ния не выжил бы.

— Посмотрим, не найдется ли внутри чего-ни-
будь для людей, — произнес Бернегард. — Насчет
аквилонских лошадей — не знаю, а вот аквилон-
ский рыцарь выжил, и очень хочет есть.

Юноша вел себя с веселой беспечностью побе-
дителя. Наездники на варанах, оставшиеся сна-
ружки, уже не страшили его.

Первый этаж дворца напоминал рисунок к
рассказу о царе Угапе. Все было точно так, как
расписывал торговец картами, только в фонтане
не было рыбок, а на деревьях не пели птицы.

Исполинские черные статуи у входа в каждый
зал тоже соответствовали легенде. Правда, в ней
великаны были живыми...

— Может, они и не умирали, — сказал Конан,
когда Бернегард указал ему на статуи. — Не сове-
тую дразнить их, или как то выказывать свое
пренебрежение. Я, конечно, их не боюсь, но все
же, мы — непрощенные гости.

— О чем ты говоришь? — изумился юноша. —
Это — каменные истуканы, и ничего больше.

И тут же осекся. Ему показалось, что один из
гигантов изменил выражение лица. Только что
оно хранило каменную невозмутимость, а теперь
его черты исказила мука...

— Следуй за мной, — проговорил Конан, сде-
лав вид, будто ничего не заметил.

Да, статуя была тут. Женщина, изваянная в
натуралистическую величину, застыла в ожидании бес-
конечности. Вся ее фигура выражала покой и от-
решенность.

— Тебе не нравится? — спросил Бернегард у
варвара.

Тот покачал головой:

— Она похожа на хищницу. Притаилась в за-
саде, и ждет. Только кого? Нас?

— Ты прав, — раздался голос откуда-то свер-
ху, и человек в черных одеждах опустился перед
попутчиками.

— Сигур? — удивился Бернегард. — Ты доб-
рался сюда раньше нас? Поздравляю тебя, стари-
на. Приз твой.

— Мое имя — Угап. Запомни его, презрен-
ный, — произнес человек и скрестил руки на гру-
ди. Этот жест, полный надменности и гордыни,
столы не подходит Сигуру, каким его знал Бернегард,
что юный рыцарь подумал, будто обознал-
ся. Но, взглянувшись пристальнее, он отказался
от сомнений. Бессспорно, перед ним стоял его
двоюродный брат.

— Опомнись, дружище, — миролюбиво сказал
ему Бернегард. — Ты перегрелся на солнце и ус-
стал. Я тебя понимаю. Путь был не из легких. Но
все позади. Теперь ты богач. Денег хватит на хо-
рошее имение...

— О каких деньгах ты толкуешь, презренный?
Что для меня деньги? Я — царь Угап, владыка
пустыни... Ты будешь наказан за свою дерзость.

И снова рыцарю показалось, что сходство

странныго пришельца с Сигуром только поверхностное. Сигур, иначе говорил, иначе звучал его голос, иными были жесты и манера держаться. А еще Бернегард заметил, что незнакомцу, именующему себя Угапом, тяжело и тесно внутри собственной кожи, словно он надел на себя слишком узкую рубаху.

Тем временем человек в черном приблизился к статуе и обнял мраморные ноги изваяния.

— Уже скоро, — прошептал он со страстью. — Скоро я дам тебе теплой крови, и твоя плоть станет, как прежде, живой и горячей.

Бернегард оглянулся в поисках Конана, но киммериец куда-то пропал.

Конечно, он и не думал бежать, просто рассудил, что Бернегард сам справится со своим родственником. Варвар хотел отыскать второго, и самым решительным образом потребовать от него объяснений.

Сквирр не заставил его долго рыскать по дворцу.

На верхней галерее Конан заметил его фигуру. Негодяй не пытался спрятаться, напротив, он ожидал приближения варвара и посмеивался. Его уродливое лицо от злобы и насмешки сделалось еще отвратительнее.

— Волки песков говорили о тебе, — произнес он. — Я знаю таких, как ты. Думаешь, что твоей силы будет достаточно, чтобы справиться со мной?

Не отвечая ему, Конан извлек меч из ножен и устремился на галерею.

Но едва он преодолел первый лестничный пролет, как черная тень обрушилась на него. Поначалу бесформенная, она обрела очертания чрезвычайно высокого, костлявого старика. Старик вытянул вперед свою длинную руку и попытался ухватить ею Конана за горло.

Взмахнув мечом, Варвар попытался перерубить зловещую руку, но клинок не встретил сопротивления плоти, а прошел сквозь воздух. Тень развоплотилась на мгновение, но почти сразу вернулась в прежний вид.

Могильным холодом несло от призрака, и это был совсем не тот холод, о котором мечтает путник среди раскаленной пустыни.

— Кром! — вскричал варвар и принял яростно размахивать мечом, не позволяя тени обретать форму. Старик обратился в огромное серое пятно тумана. Конан прошел сквозь него и устремился дальше.

Вдруг что-то тяжелое ударило его по ногам, так что Конан едва не потерял равновесия. Это крылатый змей возник из пустоты и атаковал киммерийца.

Теперь Конан столкнулся с более серьезным противником.

Змей не развоплощался, когда сквозь него проходил клинок. При этом, все его длинное тело оставалось средоточием молчи. Змей витал в воздухе вокруг киммерийца, захлестывал его кольцами и сдавливал, при этом оставаясь неуязвимым.

Варвар изворачивался, как борец на ковре. У

него не оставалось времени, чтобы поразмыслить, где у этой гадины уязвимое место.

К счастью, удача не отвернулась от Конана. Приготавившись для решительного удара, змей изогнулся хвост, и киммериец увидел на самом его кончике острое жало, загнутое, как у скорпиона.

Не раздумывая, Конан нанес удар по кончику хвоста. Неожиданно на стену брызнула черная кровь. Змей зашипел, задергался, широко раскрыл свою пасть, в которую уместился бы взрослый человек, и пропал, оставив в воздухе тяжелое зловоние.

— Не может быть! — кричал Сквирр в ужасе. — Они же непобедимы! Ты не сумел бы одолеть их!

— Как видишь, у меня это получилось, — ответил ему Конан, криво усмехаясь. — Теперь твоя очередь.

С этими словами он погрузил клинок в грудь негодяя.

Тем временем в зале возле статуи шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Угап, чей дух завладел телом аквилонца, одолевал. Он старался подтащить Бернегарда к самому подножию статуи, чтобы там произ击 его грудь особым кинжалом, предназначенным для жертвоприношений.

Меч рыцаря, сломанный, лежал на полу. Он сломался, когда Бернегард попытался атаковать противника.

До последнего мгновения Бернегард не верил в то, что перед ним не Сигур. Он слышал, что бе-

зумцы обладают страшной физической силой, что бесноватые часто неуязвимы для оружия, и все старался заглянуть Сигуру в глаза. Юноша надеялся, что это отрезвит помешанного. Но глаза Сигура были мертвые. Казалось, он сам превратился в изваяние.

Теперь, у подножия статуи, Бернегард слабел с каждым мигом и готовился к смерти. Еще немного — и холодная сталь вонзится в его сердце, его кровь омоет ноги дочери песочного царя, а что произойдет дальше — рыцарь уже никогда не узнает...

В том состоянии, в котором пребывал Бернегард, только сугубое любопытство может спасти жизнь.

Юноше стало обидно не за жуткий конец, уготованный ему судьбой, а именно за эту неизвестность, что начнется сразу после удара кинжалом. Собрав волю в кулак, Бернегард ухватил руку с кинжалом за запястье, вывернул ее и с силой оттолкнул от себя.

Его противник захрипел, отшатнулся и медленно осел на пол. Костяная рукоятка кинжала торчала из его груди.

В то же мгновение статуя покрылась частой сетью трещин, покачнулась и рассыпалась в прах.

Конан нашел его и привел в чувство.

— Я, кажется, понял, что тут происходило, — сообщил он. — Твой родственник обратился не к тому человеку. Он хотел убить тебя и думал, что всесильный негодяй из Хоршемиша — луч-

ший исполнитель. Однако у Сквирра оказалась собственная цель. Я не знаю точно, каким образом, но этот бродяга умел ловить человека на его собственные пороки. К жадине он посыпал демона алчности, к похотливцу — демона сладострастия. А твой кузен, по всему судя, являлся гнездилищем гордыни. Тебя, кстати, он поймал на любопытство. Однако власти над тобой у него не было.

— Я нахожу, что это весьма кстати, — вставил Бернегард.

Мертвое тело, лежащее в комнате, среди осколков статуи, без всякого сомнения принадлежало Сигурру. Дух Угапа покинул его, и остался один только труп, пронзенный кинжалом.

— Духи требовали от Сквирра пищи, — продолжал Конан. — По сути, он был их игрушкой, хоть и извлекал из этого свою выгоду. Но зло никогда не играет честно. Не стоит даже и пытаться вести с ними дела... Дочь песочного царя жаждала жизни. У нее был слуга — дух царя Угапа. А тот, в свою очередь, действовал через Сквирра. Неизвестно, много ли путников, попавших сюда случайно, погибли бесславным образом.

— Получается, ты все время знал, что нас подстерегает опасность в этом дворце? Почему тогда ты не остановил меня, и даже пошел вместе со мною? — спросил юноша растерянно.

— Потому что всякая история должна закончиться. И тем более — такая. Бр-р, мерзость! Однако нам надо придумать, как выбраться отсюда. Ильроахирримы кружат вокруг дворца. Они по-

клоняются статуе, и придут в ярость, узнав, что мы превратили ее в груду обломков.

Пошатываясь, Бернегард подошел к окну. Действительно, всадники на варанах показывались то здесь, то там. Отвратительные рептилии, разгребали лапами песок и били хвостами.

— Их десятка два, — определил Конан. — Об открытом бое и думать нечего. Остается только ждать, когда у них иссякнет терпение, и они пойдут на приступ. Жаль, что у нас нет лука. Я бы прямо сейчас снял одного-двух...

В это самое мгновение один из волков пустыни пошатнулся в седле и упал со спины варана. В спине его торчала стрела. Ящер накинулся на него, и тучи песка скрыли его участь от посторонних глаз. Впрочем, и так было ясно, что участь эта ужасна.

— Что происходит? — недоумевающим тоном осведомился Бенегард.

И тут же увидел ответ на свой вопрос.

Его приятели, о которых он уже и думать забыл, шли на выручку. Адо и Алибасур мчались, понукая своих верблюдов, прямо на врага, а Закир, быстрый, как молния, атаковал с фланга.

Вместо того, чтобы разбежаться в стороны, ильроахирримы метнулись, подобные черным теням, прямо к стенам дворца.

Не сговариваясь, Конан и аквилонский рыцарь спустились во внутренний двор, оседлали своих коней, и кинулись в бой.

Схватка была короткой. Почти все черные наездники были убиты. Ильроахирримы не умеют

сражаться, как принято у воинов, их удел — нападения из засады. Впрочем, их стрелы принесли много неприятностей Бернегарду и его друзьям: почти все были ранены. Больше всех досталось Закиру. Гирканец ругался, на чем свет стоит, когда терпеливый Аддо перевязывал его раны.

Некоторые из стрел оказались отравленными, и предусмотрительный Алибасур, захвативший целую бутыль целебного бальзама, заслужил много горячих благодарностей.

Другой на его месте возгордился бы, но сикх знал о своем предопределении, не желая ничьего другого.

— Жаль, что прекрасная сказка оказалась только приманкой, — с грустью молвил Аддо. — Вот и верь после этого старинным легендам.

— Мы никому не расскажем правды, — отозвался Бернегард. — Легенды творятся ежеминутно, но редко заканчиваются. Добавим свои штрихи к этому рисунку, чтобы было что вспоминать другим.

— Устами юноши говорит мудрость, — сказал на это Алибасур, а Закир, в знак согласия, ощерился и расхохотался по своему обыкновению.

Конан пожал плечами. Он не понимал этих странных господ. Для него не было особой разницы между легендой и настоящей жизнью, и он лучше других понимал, что правда интереснее всякого вымысла.

И если мы слышали эту историю так, как она разворачивалась на самом деле, то, значит, Конан поведал о ней кому-то из своих знакомых, те пе-

редали ее своим знакомым, и так далее. Вполне возможно, что повесть изменилась до неузнаваемости, и подлинная судьба мраморной статуи и Сквирра, одержимого духами, сложилась немногого иначе. Кто знает, кто знает...

Сокровища подземного города

В «Выщербленной монете», одной из самых известных таверн Шадизара в этот утренний час было малолюдно. Те, кто заполнял ее зал после захода солнца, принося хозяину заведения — темнолицему уроженцу Султанапура — немалый доход, спали после ночных «трудов». Поэтому благонамеренные подданные Его величества могли без страха войти под ее закопченный потолок и приятно провести время за кувшином вина и приятной беседой. Но те не спешили воспользоваться такой возможностью, предпочитая нечто не такое колоритное, но гораздо более чистое и респектабельное. Тех же, кто находился здесь, предрассудки волновали менее всего.

Впрочем, посетителей почти и не было. За столиком в самом дальнем углу мрачного вида бродяга дремал над кувшином кислого красного ви-

на. В нише, где находились места для благородных посетителей, уныло сидело несколько человек, судя по виду, мелких ремесленников, чьи дела идут не очень хорошо. Юноша в дорожной одежде из тех молодых аристократов, которые путешествуют для собственного удовольствия, вошел в сопровождении пожилого угрюмого скорее телохранителя, чем слуги, но, испуганно оглянувшись вокруг, сразу покинул таверну.

У противоположной стены за столом, рассчитанным на большую компанию, вольготно расположился мужчина, огромный рост и мощное телосложение которого сразу приковывали к нему все взгляды. Лицо его было не менее запоминающимся: копна светлых волос, свисающая подобно гриве немедийского льва, и ярко-голубые глаза на дочерна загорелом лице, на котором в тот день застыла угрюмая гримаса. Одежду незнакомца составляли вытертые кожаные штаны и куртка из грубой ткани — излюбленная одежда воинов в Пограничных королевствах. Впрочем, глязеть в открытую никто бы не осмелился. Грозный вид незнакомца и особенно огромных размеров меч, прислоненный к стене, моментально охлаждали пыл любителей лезть не в свое дело.

Те, кто хоть раз встречался с этим мужчиной, моментально признали бы в утреннем посетителе Конана из Киммерии, Конана, чье имя обросло самыми разнообразными и невероятными легендами. Юноша из далекой северной страны, он сумел пройти путь от рабского ошейника и меча гладиатора до королевского трона. Приключе-

ний, выпавших на его долю, с избытком хватило бы на несколько десятков жизней. Конану случалось бывать лучшим и самым удачливым вором, командиром наемников, пиратом...

Вряд ли нашелся бы человек который смог бы похвастаться такой судьбой, полной взлетов, падений, периодов тяжелых лишений, как по волшеству сменявшихся просто сказочным богатством. Впрочем, самые большие состояния не задерживались у него; благородный варвар расставался с ними с поистине царственной небрежностью и непосредственностью, которую не смогли убить даже годы, проведенные в цивилизованном мире. Золото создано для того, чтобы его тратить, как захочется, а когда понадобится, он добудет себе еще...

* * *

Но даже боязливое восхищение, объектом которого он стал, не могло сегодня улучшить настроение Конана. Его карьера начальника личной охраны одного из огирских вельмож оборвалась, не успев толком начаться. Причиной было даже не то, что жена хозяина, как и большинство женщин от аристократок до трактирных служанок, которые, раз взглянув на благородного варвара, уже не могли изгнать его образ из своего сердца, начала обращать на него чересчур благосклонное внимание. Конана это совершенно не волновало; мысли его в те дни занимала пухленькая рыжеволосая торговка овощами, которая обладала на

редкость звучным голосом и ругалась не хуже капитана городской стражи.

Кошелек с золотыми монетами таинственным образом исчез из запертого кабинета вельможи. Обшарив вместе со своими подчиненными хозяйские апартаменты, комнаты слуг и даже помещения, где содержались домашние животные, Конан отправился передохнуть в свою комнату. Рухнув на кровать, он к полному своему негодованию обнаружил пропажу, аккуратно зашитую в собственном тюфяке. Варварская хитрость удержала его от того, чтобы поддаться приступу бешеной ярости. Что толку крушить все вокруг, ведь он даже не знает, на кого обрушить свой гнев...

Вспомнив воровское мастерство, в совершенстве изученное им за время, проведенное в Шадизаре, он «извлек» кошелек с золотом из горшка, где, согласно последней моде, росло причудливо изогнутое карликовое дерево из Утренних земель. Та же самая хитрость, сравнимая разве что с инстинктами хищного зверя, подсказала Конану дальнейший план действий.

На следующее утро, заявив, что уезжает по делам в город, Конан оставил лошадь в конюшне знакомого трактирщика и тайком вернулся назад. Для него это было не так уж и сложно. Влезть на стену высотой в три человеческих роста, сделанную из камней, плотно пригнанных друг к другу, не составило никакого труда для того, кто вырос в суровых горах Северной Киммерии и с раннего детства привык к подъемам,

по сравнению с которыми этот был просто детской забавой. Стена особняка с карнизами, статуями и украшениями из резного камня была для него все равно, что ровная дорога для городского жителя. Добравшись до окна своей комнаты, он устроился прямо напротив него на ветке старого турецкого клена. Он спрятался среди густой листвы и замер в полной неподвижности. Так он мог проводить многие часы, не шевелясь и практически не дыша; умение, которое не однажды сослужило ему добрую службу.

Ждать пришлось недолго. Дверь, которую он запер перед уходом, отворилась и в комнату трусливо озираясь проник личный секретарь хозяина — тщедушный молодой человек, который почему-то невзлюбил Конана с самого начала, пряча это под маской обходительности и услужливости. Секретарь убрал в поясную сумку связку отмычек, при виде которой Конан презрительно поморщился: среди воров Шадизара работать таким инструментом побрезговал бы даже самый зеленый новичок.

Из той же сумки непрошеный посетитель извлек ожерелье из солнечного камня, который привозили суровые, обросшие спутанными светлыми бородами моряки из северных земель. Рассказывали, что такие камни можно найти только на далеких островах, где море выбрасывает их на каменистый берег. Очень немногие корабли могут подойти к этим островам, не рискуя разбиться об острые камни или быть затянутыми в один из водоворотов, которые внезапно появляются в

тех местах, передвигаясь со страшной скоростью, засасывая все, что попадается на их пути, и так же бесследно исчезая. Очень немногие корабли возвращаются из путешествия за солнечным камнем, но добыча того стоит. За деньги, которые заплатил хозяин за это украшение, можно было нанять еще один отряд личной охраны или не менее года жить в самой роскошной столичной гостинице, ни в чем себе не отказывая. Конан знал, что это украшение хозяин держит где-то в своих покоях, в особом хранилище, не доверяя даже супруге...

Не отвлекаясь на лишние размышления, варвар совершил могучий прыжок, сделавший бы честь даже снежному леопарду, которые водятся только в самых недоступных горах Северной Киммерии. Мощным ударом разбив оконное стекло, он приземлился перед едва не потерявшим сознание от ужаса проходимцем. Немного прия в себя, тот рухнул на колени, лепеча какие-то бесвязные извинения. Но, стоило варвару с презрением отвести от него взор, как тот извлек из-под одежды изящный дамский кинжал и попытался наброситься на великодушного киммерийца. Конан, которого подобное вероломство возмутило до глубины души, решил больше не церемониться с тем, кто не стоит этого. Пролетев через всю комнату, открыв собой дверь, неудачливый интриган замер у противоположной стены коридора со сломанной шеей.

Дело удалось бы замять, если бы секретарь не оказался аристократического рода, представите-

лем захиревшей обнищавшей ветви, но, тем не менее, дальние родственники «пострадавшего» были близки к королевскому двору. Хозяин оказался всецело на стороне Конана, тем более что различные мелкие пропажи случались и раньше, но все, что он смог сделать для своего начальника охраны — это выплатить ему жалование и посоветовать уехать из города как можно скорее. С великой неохотой варвар согласился. Бегство — это не выход для настоящего воина. Но одно дело, когда на тебя нападают враги и тогда можно решить спор как подобает мужчинам. Но совсем другое — оправдываться перед всякими напыщенными идиотами и доказывать им, что подлец заслуживает именно такой награды и все только потому, что эти недоумки называются королевским судом. Нет, такое ему совсем не по душе.

Наскоро простиившись со всеми и не удостоив вниманием грустные взгляды, которые украдкой бросала на него хозяйка, Конан отправился прочь. Он не утруждал себя мыслями о конечной цели путешествия; в мире полно дорог, и на каждой из них его что-нибудь да ожидает, скорее всего, сокровища, приключения и красивые женщины...

Неожиданно для самого себя он оказался в Шадизаре, городе, где обитатели богатых кварталов, должно быть, до сих пор со страхом вспоминают его имя, а в подозрительных тавернах о знаменитом воре рассказывают легенды, которые с каждым разом обрастают новыми все более удивительными подробностями.

Но знакомый город встретил Конана не так гостеприимно, как ожидалось. За время его отсутствия в Шадизаре многое изменилось и, с точки зрения варвара, совсем не в лучшую сторону. Знакомые с ужасом рассказывали о новых законах против воровства, воины и охранники никому не требовались, даже вино в знакомой таверне оказалось каким-то кислым. Поэтому без особого удовольствия спустив оставленное ему золото, Конан размышлял, куда направиться дальше. Может быть, в одно из Черных королевств? Хотя после нескольких пиратских экспедиций с его участием вряд ли ему будут там рады. Особенно после попытки выкрасть идола из главного храма Ксухотла.

Нет, Конану это удалось, но, стоило пиратам покинуть пределы храма, как идол ожила и устроила такое, что немногие уцелевшие до сих пор просыпаются в холодном поту, вспоминая события той ночи. Или попытать счастья в Коринфии или Бритунии?..

И тут Конан заметил, что хозяин таверны покинул свое место за стойкой и направляется прямо к нему. Что еще надо этому жирному носителю подносов? Если он хочет вытрясти из него еще денег, то сейчас он горько пожалеет о своем намерении.

- Вас хочет видеть какой-то господин.
- Какой еще господин? Я никого не жду!
- Он говорит, что имеет к вам срочное и важ-

ное дело, господин Конан. Он ждет вас в комнате на втором этаже.

Конан нехотя поднялся с места и, прихватив свой громадный меч, двинулся вслед за служанкой, указывающей ему дорогу. Завтрак был до обидного скучный и, кроме того, варвар пребывал в дурном расположении духа. Если кто-то из давних врагов вздумал устроить ему ловушку, то после встречи с ним вряд ли он будет в состоянии этим похвастаться. А эту отвратительную таверну он просто разнесет, не оставив от нее и камня на камне. Поднимаясь по лестнице, Конан всей душой жаждал, чтобы его предположение подтвердилось; по крайней мере, будет на ком сорвать дурное настроение.

В полутемной комнате за столом сидел какой-то человек. Он был с головы до ног закутан в просторный плащ, низко надвинутый капюшон оставлял лицо сидящего в тени. Острые глаза варвара различили, что перед ним мужчина, которому еще далеко до старости и который не понаслышке знает, как обращаться с оружием. В том, что это очень богатый господин и, скорее всего аристократ, Конан убедился, бросив взгляд на его горделивую осанку, плащ из тонкой шерстяной ткани и ухоженную руку с аккуратно подстриженными ногтями. А, впрочем, какая разница, кого сюда занесло, он ни перед кем не заискивал и не собирается. Конан проторпал через всю комнату и опустился на табуретку прямо напротив сидящего. Расшатанная гостиничная мебель жалобно скрипнула под ним.

— Ну и чего вам надо? — недовольно проворчал варвар, стараясь заглушить урчание полу-пустого желудка.

— Я хочу поручить вам одно небольшое дело, — ответил мужчина с легким стигийским акцентом.

— Я не привык принимать поручения от незнакомцев, — буркнул Конан.

— Мое имя вам ничего не скажет, — продолжил собеседник, как будто не замечая его вызывающего тона. Я собираю коллекцию всяких редкостей и хочу, чтобы вы достали для меня одну вещь...

— ...Которая случайно завалялась в сокровищнице кого-то из местной знати. Если оплата будет достаточно хороша, то почему бы и нет?

— Нет, речь идет вовсе не о краже. Просто нужно съездить и привезти эту вещь. В настоящее время она абсолютно никому не принадлежит.

— Никому не принадлежит?..

— Это далекое путешествие, оно связано с большими опасностями, и будет хорошо оплачено. Подумайте и если вы беретесь за это дело — жду вас здесь сразу после захода солнца. Если нет, я найду кого-нибудь другого; мне безразлично, кто именно доставит то, что мне нужно.

— Ладно, поглядим, — ответил варвар, еле сдерживая желание свернуть щею этому аристократишке, который хочет заполучить его в качестве простого носильщика. А, может быть, заодно понадобится, чтобы он выводил на прогулку его

собачку или спел колыбельную его избалованным детям?

* * *

Вернувшись в свою комнату, варвар растянулся на лежащем прямо на полу тюфяке, чтобы хоть как-нибудь скоротать время. Но не успел он даже задремать, как его разбудили сначала осторожные шаги по коридору, а затем робкий стук в дверь. В комнату вошла служанка, еле неся тяжелый поднос. На глиняном блюде возвышался кусок баранины, который с трудом осилили бы трое взрослых мужчин, здоровенный каравай белого хлеба и кувшин, в котором что-то плескалось. Обоняние варвара моментально уловило запах красного заморанского вина, гораздо лучшего, чем та кислятина, которой поили его нынешним утром. Но он не спешил радоваться этому нежданному подарку судьбы.

— Ошиблась комнатой, женщина, я ничего не заказывал.

— Господин, который только что приехал, приказал отнести это вам. Он велел передать, что хороший обед лучше всего способствует важным размышлениям.

Поставив поднос на пол, девушка удалилась, оставив Конана наедине с сытным обедом. Варвар внимательно рассмотрел принесенную еду, обнюхал, обмакнул палец в кувшин с вином и осторожно лизнул. Никаких признаков яда или че-го-нибудь в этом роде. Даже острое звериное чу-

тье, которое всегда безошибочно предупреждало его об опасности, на этот раз не уловило никакой угрозы.

Ну, раз так... Вскоре на блюде осталось только несколько обсосанных косточек и подгоревшая хлебная корка, а красное заморанское было выпито до капли. Растигнувшись в блаженной дреме, Конан подумал, что работа, которую ему хотят предложить, в сущности, не так уж плоха, да и заказчик не производит впечатления жулика. В конце концов, почему бы для разнообразия не съездить за каким-то предметом по просьбе богатого чудака.

Таинственный господин ждал его, так же сидя за столом; казалось, за время отсутствия Конана он даже не пошевелился. Услышав о его согласии, заказчик не высказал ни удивления, ни удовольствия.

— Перейдем сразу к делу. Вам, должно быть, случалось слышать о заброшенном городе в самом сердце Гирканских гор.

— Ну да, говорят, что два поколения назад его разрушило землетрясение. Все дороги к нему тоже исчезли.

— Он был столицей и последним, что осталось от древнего государства, существовавшего много столетий назад. В королевском дворце должен находиться трон из фиолетового дерева. Резьба на его спинке изображает сцену сражения между тритонами и предками нынешних пигмеев. Я хочу, чтобы вы нашли его и привезли мне в том состоянии, в каком найдете.

— Хм... А если он разломан в щепки или просто сгнил за это время?

— Древесина фиолетового дерева не подвержена гниению, она даже не может сгореть, разве что если кинуть прямо в жерло вулкана — задумчиво произнес необычный собеседник, глядя куда-то мимо Конана. — В щепки... что же, в таком случае я получу мешок деревянных обломков, а вы...

И тут он назвал сумму, во много раз большую той, которую можно было бы выручить, обчистив королевскую сокровищницу и сбив вещи не самому жадному скupщику краденого. Тем временем странный господин продолжал:

— Отправиться в путь нужно завтра до восхода солнца. О припасах и снаряжении можете не беспокоиться. С вами отправится мой человек, он будет помогать вам в дороге. Он знает, как добраться до места кратчайшим путем.

— Я привык работать один, без помощников...

— На этот раз придется, — ответил собеседник. На какое-то мгновение его голос стал похож на один из знаменитых клинков Султанапура, которые способны разрезать тончайшую шелковую ткань на поверхности воды. — Это вполне надежный человек, его можно не бояться — добавил он с тонкой насмешкой, напоминающей острую шпильку — излюбленное оружие аристократок из Утренних земель.

— Бояться, еще чего! — проворчал варвар, задетый за живое — только нянчиться я с ним не собираюсь. Я берусь доставить сюда фиолетовый

трон или его обломки, а не присматривать за всякими маменькиными сынками.

— Об этом можете не беспокоиться — еле заметно улыбнулся заказчик ему в ответ. — Он сам за собой присмотрит.

* * *

Не успев проснуться, Конан уловил в комнате чье-то присутствие. В нем не было ничего угрожающего, иначе выработанные за много лет инстинкты дикаря разбудили бы его гораздо раньше, а мощное тело само сделало бы то, что требовалось, даже если бы разум его хозяина продолжал еще спать. Стارаясь дышать в том же ритме, что и во время сна, Конан осторожно приоткрыл один глаз. Рядом с дверью на корточках сидел толстенький низкорослый человечек, одетый как житель Иранистана. В то же мгновение, как Конан бросил взгляд на него, тот с улыбкой наклонил голову:

— Доброе утро, господин Конан, я Маленх, ваш помощник.

— Как тебе удалось войти? — прорычал варвар, с изумлением заметив, что мощный железный засов, на который была заперта дверь его комнаты, оказался отодвинут в сторону.

Непрошеный гость с улыбкой извлек из складок одежды нечто, похожее на небольшую черную губку. Подобные вещи всегда ценились на вес золота среди тех, кто избрал своей профессией открывать запертые двери и проникать туда,

где чужих не ждут. Невзрачный с виду предмет был ни чем иным как зовущим камнем, который обладает способностью притягивать и сдвигать с места любые, даже самые тяжелые железные предметы.

— Я родился в этом городе, — скромно улыбнулся обладатель зовущего камня и еще Эрлик знает, каких секретов. — Пора в путь, господин.

Едва кивнув ему, Конан подобрал с пола свои вещи и двинулся к выходу.

В зале их уже ждал накрытый стол, за которым мог бы утолить голод десяток взрослых мужчин, а из конюшни мальчик-слуга вывел двух лошадей с навьюченными на них дорожными сумками. Маленх легко вспрыгнул на лохматую низкорослую лошадку из тех, которые особенно ценятся кочевниками. Конан с едва скрываемым удовольствием сел на зингарского жеребца, седло и сбруя которого были почти лишены украшений, зато оказались на редкость прочны и надежны. Похоже, кто-то взял на себя труд ознакомиться с его привычками...

***

Первая неделя путешествия прошла без особых событий. Конан вынужден был признать, что навязанный ему спутник вовсе не стал для него обузой. Маленх умел становиться не более заметным, чем песчаная ящерица, которая прячется от хищника или, наоборот, рассказать множество забавных историй, которые скрашивали долгие

часы пути. Кроме того, он оказался неплохим поваром — из скучных дорожных припасов и не менее скучной охотничьей добычи ему удавалось готовить блюда немногим хуже тех, что подают и к королевскому столу.

Помощь маленького иранистанца оказалась существенной и тогда, когда требовалось найти дорогу. Конан прекрасно ориентировался в неизвестном месте, а там где побывал хоть однажды, без помех прошел бы с завязанными глазами. Но даже он растерялся бы, случись ему оказаться одному среди этих скал, похожих на хлопья по волшебству застывшей бурой пены. Маленх находил дорогу по каким-то таинственным, видимым ему одному признакам и уверенно сворачивал туда, где, казалось, не было и крохотной щелочки между камнями. Но, приблизившись, Конан неизменно находил там проход достаточно удобный для двух всадников.

* * *

В начале второй недели пути они внезапно оказались разбужены среди ночи. Земля под ними начала еле заметно вздрогивать, а откуда-то сверху послышался жалобный вой, похожий на голос громадного безмерно страдающего существа. Конан вскочил на ноги, нашаривая рядом с собой оружие. Но спутник не разделял его беспокойства:

— Это поющая гора, господин, — сказал он. — Сейчас перестанет.

В самом деле, через некоторое время душераздирающий вой прекратился и путешественники смогли спокойно заснуть. На следующее утро Конан тщетно оглядывался вокруг, пытаясь определить, какая из гор могла таким необычным образом нарушить его сон, но все они были похожи друг на друга как медные монеты в чашке нищего.

Во время дневного перехода Маленх поведал ему множество легенд о происхождении Поющей горы — страшных, трагических и тех, которые вряд ли можно было бы рассказать в обществе благородных дам. Суть их, впрочем, сводилась к одному — после Войны магов, которая случилась поколений за десять до рождения Конана, в этих местах образовалось множество странных и загадочных вещей. Конан лишний раз подумал, что быть говорчивым иногда очень даже не помешает — без проводника ему здесь бы пришлось значительно труднее.

Они спускались и поднимались по почти отвесным горным тропам, где лошади могли пройти лишь с величайшим трудом. Временами животным приходилось завязывать глаза чтобы, перепугавшись, они не свалились в пропасть.

Через несколько дней пути Конан со спутником оказались в очень странном месте. Это была небольшая долина между горами, густо поросшая пышными белыми цветами. Временами, когда налетал ветер, цветы издавали непонятный костяной стук.

— Эрлик тебя раздери! — проворчал Конан. — Это еще что?!

— Костяные колокольчики, господин — отвечал Маленх, чуть заметно улыбаясь уголком рта. — Когда-то в этой долине произошло большое сражение. Никто не знает, сколько народа погибло здесь. Многие из них настолько запятнали себя черными делами, что земля не приняла таких покойников... Рассказывают, что сто лет спустя один из тех, кто развязал Войну магов, пришел сюда, чтобы вернуть к жизни своих верных слуг. Но эта долина слишком пропиталась магией и обрела свою собственную волю. Каждая из мелких косточек пустила корни в землю, а потом приподнялась на длинном стебельке. У некоторых даже есть листики... Сам же пришедший окаменел, но остался при этом живым и способным творить все что ему захочется с теми, кто неосторожно окажется в его власти. Посмотрите на вершину этой горы; видите, как будто человек сидит на корточках.

В самом деле, в лучах заходящего солнца камень на вершине горы казался древним стариком, который поглощен размышлениями и, водя прутиком по земле, пытается решить какую-то нелегкую задачу. На лице Конана показалась гримаса величайшего отвращения; больше всего на свете он не любил змей и магов.

— Эта долина — самое безопасное место для ночлега — невозмутимо продолжал Маленх. — Сами увидите, господин.

Они неторопливо брали через заросли того, что еще недавно казалось Конану безобидными цветами. Могучий варвар вздрагивал всякий раз,

когда его сапога касался плоский не похожий на человеческий позвонок или длинный острый зуб, качающийся на тоненьком белом стебельке. Нет, мертвые его не страшили; их Конан навидался за свою жизнь больше чем достаточно. Просто картина, которую он видел перед собой сейчас, выходила за границы того, что может воспринять человеческий рассудок.

Посреди зловещей растительности оказался небольшой островок серой утоптанной земли. Именно на нем и расположились на ночь путешественники. Не сговариваясь, они решили обойтись без костра. Поблизости не было ничего, что могло бы служить топливом, а отходить далеко от лагеря в его поисках отчего-то не хотелось.

Едва стемнело, «цветы» принялись качаться, издавая разные неприятные звуки, хотя ночь была абсолютно безветренная. Казалось, в долине еле слышно переговариваются множество людей, молодых и старых, мужчин и женщин. Конану даже показалось, что он различает отдельные слова. Язык был ему незнаком, но, безо всякого сомнения, речь шла о них, вторгшихся туда, где уже много лет не ступала нога живого человека. Голоса убаюкивали, куда-то манили, что-то обещали... Варвар энергично выругался, чтобы прогнать наваждение, но это помогло очень мало. Костяные колокольчики смолкли, но вместо этого в темноте зажглись огоньки. Должно быть,очные обитатели долины вышли на охоту. Пара зеленых звездочек это, конечно, глаза черной пантеры, которая не прочь полакомиться путешественниками.

Конан отчетливо видел силуэт гигантского зверя, который бегал вокруг, не решаясь ступить туда, где росли костяные «цветы». Пары желтых огоньков — это шакалы или гиены, которые всегда подбирают остатки пиршества более крупных хищников, не решаясь напасть самим. А это еще что за диво? Восемь красных огоньков передвигались все одновременно, не разбиваясь на пары. Луна, выглянувшая из-за туч, осветила существо, отдаленно напоминающее гигантского краба, горящие глаза которого располагались со всех сторон уродливой головы. Существо остановилось рядом с границей «цветущей поляны», высунуло изо рта длинный узкий язык, поочередно облизало им каждый из своих глаз и неторопливо отправилось восьмаяси.

Когда, наконец, наступило утро, Конан обнаружил, что всю ночь просидел, сжимая в руках меч и готовясь отразить нападение самого неожиданного противника. Его спутник после бесконной ночи тоже выглядел не лучшим образом.

Дорога заняла еще несколько дней. То и дело путешественники натыкались на следы бушевавшей когда-то здесь войны магов. Один раз дорогу им преградила застывшая река. Когда-то от невероятного жара камень растаял и потек вниз подобно водопаду. Но теперь бурный поток вернулся в свое первоначальное состояние; падающие вниз струи, волны и даже круги на воде снова стали камнем. Конан из любопытства подобрал несколько капель, которые стали идеально ровными круглыми камушками, повертел в руке и

небрежно бросил назад. Булыжники как булыжники, ничего интересного.

Один раз они наткнулись на небольшую рощицу, вид которой был не менее удивителен, чем костяные колокольчики. Деревья, их листья и даже несколько висящих на ветках плодов полностью стали железом. Готовая сталь самого лучшего сорта, такой Конан не видел даже в кузнице своего отца, знаменитого мастера-оружейника... Хотя, нет: стальные деревья были сами похожи на оружие, готовое к действию и ждущее руки хозяина. Острые ветки грозно тянулись в небо, а листья, похожие на тончайшие обоюдоострые клинки, устрашающе покачивались. Под одним из деревьев что-то чернело. Приглядевшись, Конан заметил мертвую змею, наполовину разрезанную одним из таких «листочков». Железную рощу обошли молча и на почтительном расстоянии.

* * *

Наконец они добрались до места, но прохода между горами, за которыми должна была начинаться дорога, ведущая в затерянный город, не существовало. Как будто какой-то гигант небрежно сдвинул ближайшую гору со своего места, отчего та, частично рассыпавшись, намертво перекрыла все возможные пути. Маленький выглядел очень расстроенным, Конан, наоборот, отнесся к неожиданно возникшей трудности с поистине философским спокойствием.

— Подумаешь, засыпало один путь — найдем другой. В самом худшем случае дорога удлинится на пару дней.

— Все не так просто, господин. Попасть в заброшенный город можно только по одной из его дорог, как бы разрушены они ни были. В противном случае мы просто не найдем его. Мы будем до бесконечности бродить по этим местам, пройдем совсем рядом с остатками города и не увидим их.

— Должны же оставаться какие-нибудь тайные запасные ходы на случай осады или бегства.

— Именно к одному из них мы сейчас и направимся. Когда-то он вел в подземный лабиринт. Это очень старая карта, сделана еще до землетрясения, никто не знает, что встретит нас там сейчас — ответил проводник, задумчиво водя пальцем по древнему пергаменту.

— И как, по-твоему, мы пройдем там с лошадьми?

— Придется немного пройти назад и в сторону. В трех дневных переходах отсюда в направлении заката должен быть постоянный двор.

— Постоянный двор? В этой глухи?

— Да, он существовал с незапамятных времен, еще до войны магов. Теперь заведение содержит дочь или внучку последнего трактирщика. Они люди со странностями, но там вполне можно оставить лошадей, пока мы не вернемся.

Недовольно ворча, Конан последовал за своим спутником. Какой смысл содержать постоянный двор там, где нет ни торговых путей, ни даже

тропинок, по которым ходят местные жители? Тем более что и жителей здесь тоже нет. И с чего они, интересно, живут, если нет никаких посетителей?

Они поднялись на горный склон и тут Конан, который уже счел, что его больше ничем не удивить, застыл в полном изумлении как ребенок при виде ярмарочного фокусника, демонстрирующего свое искусство.

Прямо из-под камней, лежащих у основания горного хребта, начинался кусок мощеного тракта. Красноватые шестиугольные камни выглядели так, будто дорога была проложена не больше месяца назад. С высоты было видно, что, не дойдя до конца долины, дорога резко обрывается, будто отрезанная лента. Аккуратный ряд красных камней, рядом с которым виднелись кустики чахлой сине-зеленой травы и кривых колючих кустов. Ровно посередине мощеного отрезка дороги стоял аккуратный двухэтажный домик с вывеской, на которой было намалевано какое-то страховидное рогатое существо, а рядом старательно выведено: «Приют горного козла».

Путешественники спустились в долину, не без некоторого опасения ступив на красные камни. Плотно пригнанные шестиугольники, между ними нигде не пробивается травы, которая появляется всюду, откуда уходят люди.

Гостиница не производила впечатления заброшенной. Второй этаж дома, казалось, только недавно был покрашен веселой зеленой краской, да и первый, сложенный из крупных серых камней,

выглядел чем-то основательным, построенным на века. В окнах блестели чисто вымытые стекла, за ними виднелись яркие занавески, даже красные и розовые цветы в горшках. Пройдя несколько шагов по дороге без начала и конца, Конан повернулся к своему спутнику:

— Нам не нужно здесь останавливаться. Подумай, разве так должен выглядеть полу заброшенный постоянный двор?

— Нам не о чем беспокоиться, господин Конан. Мой хозяин сказал, что здесь мы будем в безопасности. Насколько я помню, в вашем договоре значилось, что вы доверяете моим знаниям. Мы путешествуем уже не один день; разве я хоть раз дал вам повод усомниться в моей надежности?

После длительных уговоров Конан неохотно двинулся дальше. Может и вправду в этом странном домике нет ничего опасного: аристократишька, отправивший их в заброшенный город, устроил себе на развалинах постоянного двора охотничий домик или прячет здесь от всего мира какую-нибудь смазливую девчонку? Или вся эта картина — не более чем мираж, одно из последствий бушевавшей когда-то в этих местах войны магов? Почему бы не посмотреть, что там такое, а в случае чего он сможет защитить себя и своего проводника.

С чувством непривычной для него робости варвар осторожно постучал в дверь, ожидая, что вот-вот наваждение пропадет. Дверь откроется а, скорее всего, провалится внутрь от малейшего

толчка, а само давно заброшенное здание рухнет и рассыплется в пыль. Но вместо этого на пороге появилась женщина в темно-синем платье и белом чепце с оборками, не дающими разглядеть лицо. Впрочем, варвар смог разглядеть, что женщина молода и довольно хороша собой.

— Что угодно благородным господам? Ужин и комнаты?

— Никакие мы не господа, самые обыкновенные путешественники — расплылся Конан в обаятельной улыбке, которая растопила бы сердце даже каменной горгульи. — Мы бы хотели оставить у вас лошадей, на обратном пути мы вернемся за ними... Не страшно такой красивой женщине здесь жить? Дорога не очень-то многолюдна в это время года?

Но хозяйка оказалась бесчувственней каменной горгульи. Не обращая ни малейшего внимания на попытки благородного варвара завязать светскую беседу, она кивком пригласила путешественников следовать за ней.

За домом действительно оказалась конюшня, чистая и застеленная свежей соломой. Рядом находился аккуратно закрытый хлев, из которого впрочем, не слышалось ни мычанья коров, ни хрюканья свиней, ни куриного кудахтанья.

Толстая пожилая служанка в соломенной шляпе, почти полностью закрывающей лицо, молча помогла им.

— А где же все ваши мужчины? — сделал Конан еще одну попытку. — Неужели так одни и живете? Не боитесь, что украдет кто?

Как будто не рассыпав вопроса, хозяйка с непонятным смешком взяла предложенные ей монеты и, пожелав господам счастливого пути, снова исчезла в доме. Оставшись одни перед закрытой дверью, двое мужчин растерянно посмотрели друг на друга.

— А, может быть, останемся тут на пару дней, передохнем? Никуда этот фиолетовый трон не убежит. Стоял себе без нас и еще стоит.

— Извините, господин Конан. Мы должны торопиться, погода в этих горах очень непредсказуема и потом хозяин хотел, чтобы мы оставили здесь лошадей, а сами шли дальше. На обратном пути мы сможем передохнуть несколько дней.

— С чего это он взял, что будет указывать мне, где и когда останавливаться на отдых? Хотя, ладно, пошли; надеюсь, о наших лошадях здесь позаботятся, как следует. Интересно, это что нынче такая мода среди богачей — устраивать себе резиденцию в самом неподходящем месте? Хотя мне приходилось слышать о более удивительных вещах: один из правителей Гирканции велел построить себе летнюю резиденцию на мосту, который специально возвели над самым большим водопадом...

И путешественники прошли дальше, не зная, что за соседним горным хребтом стоял дряхлый кое-как починенный домик с точно такой же вывеской, только выцветшей от солнца и дождя. Хозяйка — древняя старуха, на лице которой еще можно было прочесть остатки былой красоты, безуспешно вглядывалась вдаль. Вот уже много

лет, как здесь не проезжал ни один человек. Неужели она так и не дождется постояльцев?

... В месяце пути от этого места в замке, стоящем посреди оазиса находящегося в сердце самой жаркой пустыни, чародей, имя которого никто не решался произнести вслух, удовлетворенно отвел взгляд от хрустального шара. Глотнув темно-красной жидкости из морионового кубка, он откинулся на спинку кресла. Заклинание удалось, осталось только немного подождать, а уж ждать он умел как никто другой...

* * *

Они двинулись в обход и к вечеру следующего дня оказались на берегу чистого горного озера. Вокруг него теснились те же бурые скалы.

— Ну и где же проход?

— Под водой. Когда озеро уйдет, мы сможем проникнуть туда. Никто не знает, когда это будет и когда вода снова вернется на свое место. Нам остается только ждать.

Но озеро выглядело самым обыкновенным и, судя по всему, никуда уходить не собиралось. Под толщей прозрачной воды колыхались водоросли, мелькали темные спинки рыб, изредка поблескивали серебристые стайки мальков.

Прошло еще несколько дней, полных бездействия и ожидания. Ничего особенного и таинственного им здесь не встретилось, если не считать странных туманов, которые на закате солнца делали окрестные скалы похожими то на дворцы

непонятной архитектуры, то на замки, то на полуразрушенные крепости. Впрочем, Конан скоро перестал обращать на все это внимание: никакой опасности эти туманы с собой не несли а, что касается зрелища, что он, дворцов и крепостей не видел?

Однажды утром, когда путешественники, на которых безделье последних дней наложило свой отпечаток, неторопливо вставали, обсуждая, из чего приготовить завтрак, со стороны озера послышались какие-то странные всхлипывающие звуки. Подбежав, Конан и его спутник заметили, что это уже не тот спокойный водоем, который они наблюдали последнее время.

На водной поверхности неподалеку от берега образовалась довольно глубокая яма. Сквозь прозрачные ее стенки можно было видеть рыб, обрывки водорослей, мелкие камушки, которые, кружась, исчезали где-то внизу. Воды в озере становилось все меньше и меньше. Над водой показалась полоска мокрого каменистого берега, которая быстро расширялась. Камни, водоросли, которые беспомощно свисали подобно длинным зеленым волосам, какие-то коряги... Конан разглядел что-то вроде длинной палки, которая торчала, косо воткнувшись между двумя камнями на дне. Слишком прямая чтобы быть просто веткой... Движимый любопытством, он добрался до странного предмета, выдернул его и принялся очищать от водорослей. Взору его предстал длинный старинный меч, такие Конан видел разве что на gobelenах с батальных сценами в своем

дворце в Аквилонии. Впрочем, оружие уже никуда не годилось: за долгое время стояния в воде его клинок полностью съела ржавчина. С сожалением отбросив его, варвар огляделся вокруг.

И тут внимание его привлекло что-то длинное, зацепившееся за куст водорослей. Змей Конан ненавидел почти так же сильно как и магов, поэтому, не долго думая и не тратя время на сожаления об оружии, оставленном на берегу, он схватил камень и обрушил его на извивающееся тело. Вопреки ожиданию, камень со звоном отскочил в сторону. Под лучами солнца блеснуло что-то металлическое. Нет, это не змея и даже не живое существо. Конан осторожно извлек свою находку на свет. Это оказался пояс, сделанный из множества серебряных пластинок, на каждой из которой виднелся искусно вырезанный узор. Ничего подобного ему видеть до сих пор не приходилось. Варвар сжал находку в руке, прислушиваясь к внутреннему голосу; нет, его необычайно острая интуиция не подавала сигнала тревоги. Что же; кому бы ни принадлежала раньше эта вещь, вряд ли хозяин явится сюда предъявлять свои права. И, нисколько не сомневаясь, он засунул находку в свой дорожный мешок.

Тем временем озеро сократилось до размеров небольшой лужицы, которая стремительно уменьшалась. Наконец вся вода исчезла в глубокой яме, а точнее, дыре, находящейся прямо посреди темной каменной плиты, как будто проделанной кем-то нарочно. Конан бросил в эту дыру камень, но прошло довольно много времени, пре-

жде чем далеко внизу раздался слабый плеск воды. Голос проводника отвлек его от дальнейших наблюдений:

— Надо спешить, никто не знает, когда вернется вода!

Наскоро побросав вещи в дорожные мешки, путешественники направились туда, где в каменной стене виднелся вход в пещеру, из которой еще вытекали тонкие струйки воды. С трудом поднявшись по мокрым камням, скользким от ила и водорослей, они забрались в узкий каменный лаз.

* * *

Здесь было темно и так тесно, что Конан едва протискивался вслед за своим проводником между сырьими шершавыми стенками, колоссальным усилием воли подавляя малодушное желание немедленно повернуть назад. Он готов лицом к лицу встретить любую опасность, но там, где можно беспрепятственно дышать воздухом, где светит солнце и можно развернуться, а не здесь, стиснутому в этой каменной ловушке как какой-нибудь безглазый подземный червь...

Неизвестно сколько времени они ползли в не-проглядной тьме, и могучий варвар с удивлением обнаружил, что испытывает нечто похожее на беспокойство. Что, если вода начала прибывать и уже нагоняет их? Интересно, водятся ли здесь под землей какие-нибудь животные и насколько они опасны? Если какая-нибудь из пещерных

тварей нападет на них, сможет ли он достойно встретить неведомого противника? Неожиданно на ум пришел рассказ о путешественниках, заживо похороненных в пещере и случайно обнаруженных много лет спустя...

В то же самое мгновение до слуха Конана доносился отдаленный грохот камней. Так и есть; единственный выход на поверхность завален и они отрезаны от внешнего мира. Но, к полному своему удивлению, варвар заметил, что его спутник не проявляет ни малейшего признака беспокойства:

— Неужели ты ничего не слышишь? Нас засыпало!

— Это не по-настоящему. Пещера заставляет человека слышать все, что его страшит. Разве вы этого не знали? Вы же говорили, что выросли в горах.

— Никто из моего народа не спускался под землю. Это занятие не для уважающих себя мужчин.

Вскоре сзади раздался шум воды, который, казалось, усиливался с каждым мгновением, вслед за этим — грозное рычание какого-то очень крупного и злобного зверя. Пожав плечами, насколько позволяла теснота подземного коридора, Конан продолжал невозмутимо ползти вперед. Никаким пещерным духам не удастся заморочить ему голову.

Внезапно коридор закончился. Измученные путешественники буквально вывалились в круглый зал с высоким потолком, похожий на поме-

щение древнего, всеми забытого храма. Откуда-то сверху струился мягкий зеленоватый свет. Каменные сосульки, причудливыми гроздьями свисающие с потолка, испускали странное бледно-зеленое свечение.

Но обоим было вовсе не до окружающей их красоты. Малень, расположившись посреди зала, где было посветлее, расстелил на полу карту, а потом замер, держа над ней подвешенный на нитке кусочек металла, напоминающий наконечник стрелы.

— Он все время поворачивается на север, — бормотал проводник, — значит, мы должны находиться примерно здесь... Еще немного и туннель должен вывести нас на поверхность где-то на окраине города. Как жаль, что мы не догадались изготовить факелы. Придется идти в темноте, ориентируясь лишь на ощущение.

Не тратя времени на пустые слова, варвар взялся двумя руками за кончик светящейся каменной сосульки, висевшей прямо перед ним, навалился всем телом и вскоре с самым невозмутимым видом продемонстрировал своему недогадливому спутнику обломок длиной и толщиной с руку взрослого человека.

Конечно, свет его не шел ни в какое сравнение с самым плохоньким факелом, но это было лучше, чем ничего, и, кроме того, можно было не опасаться, что вода или подземный сквозняк лишат их освещения.

* * *

Наскоро перекусив тем, что за несколько часов до того было в спешке брошено в дорожный мешок, они отправились дальше. Конан не переставал удивляться тому, что рассказывал ему по дороге маленький иранистанец. Как здесь, под землей, все странно: подземный ручей не обязательно выведет к реке, если откуда-то дует ветер, то это вовсе не означает, именно там находится выход, то, что на первый взгляд кажется удобной тропинкой, на самом деле может завести в тупик... Нет, чтобы он еще раз согласился сюда спуститься, ни за какие сокровища, даже за резной трон, будь он хоть фиолетовым, хоть еще каким! А обратно они пойдут по земле как мужчины, а не какие-нибудь пещерные мокрицы, даже если ему придется карабкаться по отвесным склонам, таща на себе и трон, и проводника. ...Интересно, откуда у него такие познания о пещерах и подземном мире и почему он так упорно уходит от ответа на этот вопрос?

Внезапно впереди забрезжил слабый свет. Пройдя еще около десятка шагов, путешественники даже без помощи светящегося камня смогли разглядеть собственные руки, затем стены и потолок пещеры.

Вскоре, с трудом пропихнувшись через узкое отверстие, они выбрались наружу.

— Ну и где этот твой город?

— Не понимаю, на карте он обозначен именно здесь. Я не мог ошибиться!

Там, где, если верить карте, должен находиться разрушенный город, простиралась плоская равнина, поросшая колючим кустарником и выгоревшей на солнце травой. Не было ни остатков зданий, ни обломков, ни даже затянутых землей остатков фундамента — вообще ничего, что бы говорило о том, что когда-то здесь жили люди... Этот коротышка что-то напутал и они вышли не туда.

Теперь им придется снова спускаться в пещеру и неизвестно сколько времени бродить там, в тесноте и темноте, отыскивая другой выход.

— Нет, я не мог ошибиться этот металл всегда поворачивается на север — в который раз с отчаянием повторял Маленх, обходя долину и тщательно осматривая каждый пригорок в поисках хоть каких-нибудь остатков исчезнувшего города.

— Не мог же он провалиться под землю — наконец снизошел до ответа Конан, сердито пнув ногой один из виднеющихся в траве булыжников.

Но, стоило ему это сделать, как камень, а вслед за ним и нога варвара провалились куда-то вниз. Поспешно освободив ее, он замер и плавным движением, которое с виду совершенно не соответствовало его мощному телосложению, отскочил на несколько шагов. На минуту он снова застыл, прислушиваясь, а затем опустился на землю и осторожно подполз к открывшейся дыре. Оттуда тянуло прохладным сухим воздухом подземелья. Когда Конан снова поднял голову и посмотрел на своего спутника, на лице варвара

было написано сильнейшее удивление, смешанное с радостью.

— Ну, что? Что ты там увидел?

Вместо ответа он жестом предложил ему приблизиться и посмотреть самому. Тот по примеру Конана опустился на четвереньки и подполз к дыре.

— Он все-таки там, я не ошибся!

В самом деле, в полуумраке, царившем под землей, где-то далеко внизу угадывались очертания зданий, какого-то храма, окруженного колоннами. Приглядевшись, они заметили даже украшенный статуями мост, стоящий теперь полностью на сухом месте.

Конан подобрал мелкий камушек и кинул его в дыру. Нет, это не было наваждением. Пролетев довольно большое расстояние, камешек ударился об угол крыши одного из зданий и отскочил куда-то в темноту. Стук, повторенный эхом, многократно отразился от стен пещеры.

Обшарив долину еще раз, они наткнулись еще на несколько таких же провалов, а вскоре нашли и вход достаточно удобный даже для Конана. Спустившись вниз по каменистому склону, а потом по удивительно хорошо сохранившейся мраморной лестнице, они, наконец, ступили на улицы заброшенного города.

* * *

Действительно, город целиком ушел под землю. Старая его часть, где когда-то, судя по всему,

селились аристократы, оказалась в одной из гигантских пещер, которые образовали здесь настоящий лабиринт. Такое впечатление, что, поглотив город, земля снова сомкнулась над ним. Под каменными сводами и слоем земли оказались дворцы, особняки, целые улицы. Многие дома казались совершенно неповрежденными и даже не имели заброшенного вида, как будто хозяева только вышли и вот-вот должны вернуться. Рядом со многими из домов сохранились статуи, фигурные чаши фонтанов. Повернув за угол, путешественники заметили целый сад. На лишенные листьев ветки и давно высохшие стволы деревьев откуда-то с потолка медленно и безостановочно капали капли воды, покрывая их белым известковым налетом. Шаги путешественников гулким эхом отражались от стен мертвого города и затихали где-то высоко под сводами.

Им даже не понадобился светящийся камень и самодельные факелы, наспех изготовленные из обрывков одежды и сухих веток. Свет проникал сверху из нескольких дыр, подобных той, благодаря которой они в буквальном смысле слова докопались до истины.

Там, наверху, солнце, наконец, выглянуло из-за туч и лучи света выхватывали из темноты угол дома, чашу фонтана, почти целую беседку, увенчанную мозаичными узорами...

— Куда же подевались все люди? — озадачено произнес Конан. — Не могли же они просто так взять и исчезнуть.

— В этих местах могло случиться все что угод-

но, — задумчиво ответил ему проводник. — Нам нужно отыскать дворец. Он должен находиться где-то поблизости.

— Думаю, нам стоит сначала... осмотреть парочку этих симпатичных домиков, — предложил варвар, в котором инстинкты бывшего вора взяли верх над всеми разумными доводами.

И, невзирая на протесты спутника, он решительно направился к одному из особняков. Почекуму бы заодно не поживиться, тем более что это даже не будет воровством.

* * *

Дом оказался достаточно крепким и, невзирая на глубокую трещину, змеившуюся по его фасаду, не производил впечатления ветхой постройки, готовой обрушиться на голову вошедшего от малейшего дуновения ветерка. Должно быть, это была вилла кого-нибудь из придворных аристократов — настоящий дворец со стенами из молочно-белого камня, украшенного синими и зелеными колоннами. Конан даже остановился полюбоваться на причудливую резьбу, покрывающую каждую колону. Вот бы взять их с собой и предложить хотя бы этому любителю редкостей...

Внутреннее убранство дома пострадало гораздо больше. Как будто ребенок поднял и бросил со всей силы об пол кукольный домик. Перекрытие между этажами по большей части обрушилось, позволяя видеть стены, расписанные узорами из цветов и каких-то необычных растений с

длинными листьями. Лестница, ведущая на второй этаж, была полностью отломана и застыла под немыслимым углом. Всюду громоздились куски битого камня, перемешанные с пылью и мусором. Конан осторожно двинулся вдоль стены, оглядываясь вокруг и напряженно прислушиваясь к малейшему шороху. В заброшенных жилищах может встретиться все что угодно. Маленх, который не пожелал оставаться на улице, следовал за ним, двигаясь на удивление ловко.

Ничего достойного внимания. Занавеси из ткани с золотыми нитями, еще хранящие запах благовоний, рассыпались от малейшего прикосновения, то, что, наверно, когда-то было сосудами из драгоценного матового стекла, уже много лет как стало кучей осколков, перемешанных с пылью. Конан поднял валяющийся прямо под ногами браслет но, покрутив, отбросил его в сторону. Вещь была безнадежно испорчена; это даже не украшение, а сплющенная золотая лепешка с остатками узора и осыпавшимися камнями. На такое не польстился бы и самый неудачливый из воров Шадизара. Статуи, попавшиеся путешественникам на глаза, напоминали воинов, побывавших в жестоком сражении... Разочаровано пожав плечами, Конан направился дальше. Может быть, в других помещениях найдется что-нибудь более интересное, не уходить же отсюда вовсе без добычи.

За наполовину рухнувшей аркой из зеленого камня оказался бассейн — овальная чаша из того же блестящего бледно-розового камня, что стены

и пол. Даже сейчас казалось, что за этими стенами вот-вот взойдет солнце. Нет, и здесь ничего; не тащить же с собой каменную скамейку в виде лепестка лотоса или несколько обломков статуй. Конану вспомнилась история об одном юном воре; не желая уходить с пустыми руками, тот решил прихватить из кухни котел с кипящей похлебкой...

Внезапно чуткий слух варвара уловил странный тихий звук, доносящийся прямо из бассейна, как будто по камню царапало множество острых коготков. Сразу же вслед за этим через каменный бортик перевалилось что-то темное. Существо, похожее издали на очень большую черепаху, проворно устремилось к вошедшим, чуть покачиваясь на длинных суставчатых ногах и вытягивая острый хоботок. Вслед за первым из бассейна показалось еще около десятка подобных ему созданий.

Не тряся времени на ненужные сомнения и колебания, Конан вытащил меч и приготовился отразить нападение. Вряд ли у этих тварей на уме что-нибудь хорошее, скорее всего, они решили, что редкое лакомство само пришло к ним. Ну, а если он не угадал — какая разница, главное убраться отсюда целыми и невредимыми.

Тем временем первое из непонятных созданий, пробежав половину расстояния, вдруг подпрыгнуло и опустилось рядом с варварам. Крохотная головка сделала быстрое движение и жесткий хоботок легко проткнул сапог из кожи каменного зингарского варана и уже нацелился по-

выше. Конан размахнулся и мощным ударом ноги отправил прыгающего хищника через одно из окон второго этажа, а затем взмахнул мечом, на мереясь одним ударом покончить со следующим. Но хищное существо успело отскочить на несколько шагов, и острое лезвие только чуть-чуть поцарапало плотный хитиновый панцирь.

Сзади послышался жалобный крик; Маленх, на которого напало сразу трое странных созданий, попытался убежать, но зацепился за расколотую колонну и растянулся во весь рост. Сразу же одно из них скакнуло прямо на него. Вцепившись в одежду упавшего цепкими ножками, оно уже протягивало хоботок к лицу оцепеневшего от ужаса иранистанца. Двое других ползали по нему, не давая подняться.

Мощным ударом отшвырнув в сторону кусачую тварь, Конан поспешил выручить своего спутника. Схватив оседлавшую Маленха прыгающую черепаху, он ударил ею об угол какого-то каменного блока, весьма кстати оказавшегося рядом. Хитиновый панцирь раскололся, и во все стороны брызнула темная, отвратительно пахнувшая жидкость. Еще одну, прыгнувшую ему навстречу, варвар разрубил прямо в полете. Маленх, который к тому времени более-менее пришел в себя, справился с остальными двумя, довольно удачно швырнув в них увесистыми обломками колонны из нежно-розового камня. Остальные нападающие, окончательно убедившись, что люди не являются такой уж легкой добычей, устремились прочь, высоко подпрыгивая на

смешных суставчатых ногах и издавая звуки, похожие на старческое бормотание. Конан потащил спутника к выходу.

— Пора убираться отсюда, кто знает, вдруг им взбредет в голову вернуться.

— Нам нужно найти дворец, мы не можем уйти отсюда без фиолетового трона.

— А кто тебе сказал, что мы уйдем отсюда с пустыми руками?

* * *

Искать дворец им пришлось не так уж и долго. Они прошли до конца бывшей улицы, обогнули один из особняков, полностью превратившийся в груду камня, повернули еще несколько раз и вскоре оказались на центральной площади мертвого города.

Они вышли на главную городскую площадь. Здесь почему-то особенно остро ощущалось, что прошло уже не одно столетие с тех пор, как жизнь покинула этот город. Отполированные каменные плиты, которыми площадь когда-то была выложена, где-то встали дыбом, где-то застыли под самыми разными углами как льдины на северной реке в начале ледохода, где-то покрылись сеткой трещин. От чаши фонтана осталась только куча битого камня, в то время как на статуе, стоящей в ее центре, путешественники не заметили ни одного повреждения. Гигантская рыба с руками и ногами взрослого мужчины уставилась выпученными каменными глазами в сторону

дворца, как будто удивляясь, почему из ее пасти больше не льется вода.

Вокруг стояло еще несколько изваяний такого же отталкивающего вида. Одно из них напоминало осьминога с угрожающе растопыренными шупальцами, другое — рыбу-луна, которая почему-то обзавелась собачьими лапами и ушами. Осматривая их, Конан ощущал странный зуд, как будто у него под кожей забегали целые полчища муравьев. Маленх, едва ступив на площадь, побледнел и начал продвигаться мелкими шажками, что-то бормоча и непрерывно чертя в воздухе охранные знаки, принятые у народов, живущих гораздо южнее Шадизара. Но, отметив это про себя, Конан прогнал тревожную мысль прочь. В конце концов, каждый волен молиться тем богам, каким считает нужным. Гораздо больше его занимала сейчас другая мысль: причиной всему, что произошло здесь, было вовсе не землетрясение. Смутная догадка окончательно превратилась в непоколебимую уверенность. Если бы он пожелал приподнять завесу над тайной подземного города, то разгадку следовало бы искать именно здесь. Но у благородного варвара не было никакого желания забивать себе голову проделками давно умерших магов. Они с Маленхом явились сюда не за этим, а задерживаться дольше чем нужно ему совершенно не хотелось.

— Чародеи, Эрлик их раздери! — недовольно проворчал киммериец — так я и думал. Вечно все испакостят, как дорвутся до власти.

И, погрозив мощным кулаком человеку-рыбе,

он оглянулся в поисках дворца. Маленх, побледнев еще больше и не переставая что-то бормотать, крепко держась за висевший у него на шее кожаный мешочек, последовал за ним.

Как и положено, дворец находился на центральной площади, только состояние, в котором он пребывал, иначе, как жалким назвать было просто невозможно. Часть фасада со стрельчатыми окнами и ажурными арками казалось, готова была рухнуть от малейшего ветерка. Несколько пролетов лестницы из сверкающего белого камня с серебряными прожилками устремлялись в никуда. От окончательного падения их удерживала только громадная, опасно накренившаяся колonna. От центральной части здания осталась лишь часть первого этажа, чудом сохранившаяся благодаря выступу в стене пещеры.

— Надеюсь, фиолетовый трон находится там, — так же недовольно буркнул Конан, разглядывая остатки дворца. — Если перебирать всю эту каменолому, мы можем задержаться здесь не меньше чем на неделю.

Маленх с восхищением покосился на мощную фигуру Конана, не возразив ему ни единым словом. Судя по всему, он не испытывал даже тени сомнения в том, что при желании его спутник способен и не на такое.

Приблизившись к полуразрушенному зданию, путешественники сперва обошли вокруг, внимательно осматривая его. Мысль о том, что, преодолев все трудности пути и проникнув в подземный город, они могут погибнуть так же нелепо

как мыши в ловушке, не прельщала ни того ни другого. Чтобы окончательно удостовериться в прочности стены, Конан уперся в нее спиной и сделал усилие, как будто собирался сдвинуть ее с места. К счастью, ни один из камней даже не шелохнулся; все они прочно лежали там, где и были все это время.

Здесь царил полумрак, так как все окна были намертво завалены остатками верхних этажей, и Конану пришлось снова извлечь из дорожного мешка обломок светящегося камня из пещеры. Зал, куда они попали, с трудом пробравшись между остатками колоннады из драгоценного бледно-зеленого камня, напомнил Конану заднюю комнату в жилище одного из скопщиков краденого. Там точно так же в беспорядке громоздились предметы мебели, картины и прочие вещи, которыми аристократы так любят украшать свои дома. Пахло древней слежавшейся пылью и затхлостью, которая неизбежно появляется в любом помещении, если там долгое время не открывать окна.

Столик с мозаичной крышкой и хлипкими ножками в виде змей, резная деревянная рама, изображающая множество крохотных птичек, усевшихся на виноградной лозе и клюющих ягоды... Конан уже решил поискать трон или его остатки в следующих уцелевших помещениях, как вдруг заметил кусок резной спинки, торчащий из кучи полусгнивших ковров. Он даже разглядел несколько фигурок, лишь отдаленно напоминающих человеческие. Варвар без особого труда пере-

лез через остатки упавшей стены, отпихнул в сторону разбитую статую, от которой остался лишь торс и рука, держащая музыкальный инструмент, похожий на изогнутую флейту. Как и следовало ожидать, ковры, на которых еще можно было разглядеть сцены сражения людей с гигантскими ящерицами, обратились в пыль при первом же прикосновении.

Взору его предстало деревянное кресло с высокой спинкой, покрытой тончайшей резьбой и подлокотниками в виде двух дремлющих тритонов.

Без сомнения перед ними было то, ради чего они отправились в это путешествие и преодолели все трудности пути. Фиолетовый трон чудом уцелел при катастрофе, разрушившей город, но время не оставил на нем никаких отпечатков, как будто он не валялся. Кром знает сколько времени под землей в развалинах дворца. Ни одна из самых мелких деталей резной картины не была отломана, трон даже нигде не был поцарапан, а его древесина сливового цвета источала нежный запах, похожий на аромат цветущего луга в южной Аквилонии.

Рассмотрев свою находку и поудивлявшись ее скромным размерам, Конан взвалил трон себе на плечо и вслед за Маленхом направился к выходу. Но тут острый слух варвара во много раз более чуткий, чем у дикого зверя, уловил еле слышные звуки, раздававшиеся где-то наверху. Что-то шуршало, потрескивало, что-то тяжелое балансировало на ненадежной опоре... Инстинкты, не раз

выручавшие Конана, не подвели и теперь. Не раздумывая, он схватил иранистанца за шиворот, легко перебросил себе на свободное плечо и в несколько прыжков достиг другого конца зала. В следующее же мгновение кусок стены одного из верхний этажей соскользнул вниз, с грохотом ударился о пол пещеры, намертво закупорив дверной проем.

Отпустив полузадушенного Маленха, Конан невозмутимо направился в другую сторону, где в полумраке виднелся проход, ведущий во внутренние помещения. Должен существовать и другой выход из дворца, а по дороге можно случайно найти что-нибудь ценное. В самом деле, не успев сделать и десяти шагов, он наткнулся на целую россыпь легких цилиндриков. Конан поднял один из них; ну, конечно, свитки из дворцовой библиотеки. За некоторые из них могут дать больше чем за целый мешок, набитый золотом и драгоценными камнями. Не слушая причитаний своего спутника, которому казалось, что потолок вот-вот обрушится прямо на него, варвар набрал свитков, сколько смог найти и плотно набил ими дорожный мешок. Вот и добыча, теперь не стыдно будет возвращаться.

Выйдя из дворца, они по молчаливому соглашению нашли другую дорогу из пещеры. Магия, которой во дворце совсем не чувствовалось, казалось, скопилась вокруг странных и безобразных скульптур на площади подобно незримому облаку. Ни один ни другой из путешественников не испытывал желания проникнуть в загадку под-

земного города и, тем более, борясь с поселившимся там неведомым злом. Единственным их желанием было оказаться со своей находкой как можно дальше отсюда и желательно не под землей.

* * *

Обратная дорога оказалась намного тяжелее. Сначала они попытались найти путь через горы, чтобы не спускаться под землю, где фиолетовый трон легко мог бы пострадать от сырости или его могли случайно ударить о стенку пещеры. Но, проплутав несколько дней по горам, путешественники были вынуждены возвращаться той же дорогой. В одном из домов мертвого города они отыскали несколько более-менее сохранившихся шкур, в которые старательно завернули драгоценную находку.

Еще день они провели в подземном зале, ожидая, когда вода в озере уйдет и они смогут выбраться наружу. Ничего подобного варвар не видел за свою богатую приключенийми жизнь. Из дыры под самым потолком пещеры стекал небольшой водопад, который заканчивался крохотным озерцом в каменной чаше. Вода бурлила и пенилась как в ведьмином котле, оставаясь при этом совершенно холодной. Но самым удивительным было даже не это. В подземном озере прыгали, поднимались на поверхность и снова опускались на самое дно настоящие жемчужины. При свете факела они сверкали и переливались самы-

ми нежными оттенками. Подземный жемчуг, такой редкости просто цены нет! Конан отловил около десятка самых крупных жемчужин и спрятал в поясной сумке, удивляясь, отчего Маленх не хочет поступить так же. Это же целое состояние, надо быть настоящим безумцем, чтобы по добной воле отказаться от такого богатства. Но причину отказа Конан понял когда, выбравшись из пещеры, решил полюбоваться своим сокровищем при солнечном свете. Жемчуга не было, на ладони лежало десять невзрачных серых камушков. Потеряв голову от ярости, он набросился на Маленх, обвиняя в подмене, но тот с неожиданным проворством удрал, забравшись на самую вершину высокого дерева, которое непонятно как выросло из трещины в скале. Оказавшись в относительной безопасности, иранистанец, принялся втолковывать разъяренному варвару, что подземный жемчуг не может жить вне пещеры, а, оказавшись на поверхности, быстро превращается в обычную гальку. Оставив попытки выдернуть дерево с корнем, Конан взглянул на камушки еще раз. Увидев среди них один, особенно запомнившийся ему, в виде немного вытянутого сердечка, он наконец поверил и с проклятиями выбросил бывшие жемчужины в озеро, вода в котором уже плескалась так же высоко как в тот день, когда они впервые пришли сюда.

Еще несколько дней занял путь до гостиницы, где путешественники рассчитывали получить назад своих лошадей, свежих и отдохнувших. Каждый раз, останавливаясь на отдых, Конан и Ма-

ленх разглядывали свою находку. Фиолетовый трон был сделан очень искусными мастерами; на каждой из вырезанных фигур можно было различить самые мелкие детали — каждую чешуйку на хвосте, шерстинку, фигурную пряжку на одежде. Но больше всего восхищали их обоих подлокотники, сделанные в виде двух тритонов. Казалось, эти существа дремлют, полузакрыв глаза тяжелыми веками, при этом не упуская из вида ничего происходящего вокруг.

Несмотря на усталость и скучное питание, которое теперь ограничивалось случайной охотничьей добычей, на душе у обоих было легко и радостно. Цель путешествия достигнута, самые большие трудности позади. Оставшуюся часть пути они проделают верхом; больше не придется тащиться пешком и нести на спине свою находку, которая несмотря на бесспорную ценность, имела довольно изрядный вес.

* * *

Гостиница, которую они заметили издалека, после тяжелого пути понравилась им еще больше. Стекла в ее окнах казалось, сверкали еще более приветливо, а красные шестиугольники, которыми была выложена дорога, так и манили скорее ступить на них. Впереди их ждала ванна с горячей водой, вкусный обед вместо надоевшей дорожной пищи и мягкие чистые постели. В мечтах Конана присутствовала еще и хозяйка, которая за это время, разумеется, поняла, как нужно

поступать, когда мужчина вроде него обращает на нее свое благосклонное внимание.

И в самом деле, не успели они приблизиться, как дверь гостиницы отворилась и на пороге возникла хозяйка. Теперь Конан мог разглядеть ее лицо: светло-серые глаза, которые казались почти лишенными окраски, смуглая, скорее желтоватая кожа. Красавицей ее вряд ли можно назвать, но для того, кто много дней не видел ни одной женщины... Она, казалось, совсем не удивилась возвращению путешественников:

— Что угодно благородным господам? Я только что приготовила кроликов на вертеле.

— Вот ими и поужинаем, а сейчас нам нужно отдохнуть с дороги... И пусть нагреют побольше воды.

— Будет исполнено. Я покажу вам ваши комнаты.

Поднимаясь по лестнице вслед за женщиной, Конан любовался ее стройной фигурой и как мог, расхваливал гостиницу и особенно очаровательную хозяйку, которой удается все содержать в таком образцовом порядке. В то же время интуиция призывала его обратить внимание на некоторые вещи. Почему улыбка этой женщины показалась ему какой-то неправильной, не такой как нужно? Ну, разумеется: когда человек улыбается искренно, от души, вокруг глаз собираются крохотные морщинки, на щеках появляются ямочки. А тут совершенно неподвижное лицо, на котором шевелятся только губы. И какие еще кролики здесь в горах; они провели здесь уже не-

мало времени и не встретили ни одного. Но варвар отмахнулся от всех подозрений: подумаешь, улыбка; он проведет с этой женщиной одну-две ночи и вряд ли когда-нибудь еще ее увидит. А кроликами она пускай называет хоть тушеных ящериц, лишь бы они были приготовлены как следует, он не собирается привередничать. В самом деле, какой опасности можно ожидать в этом милом охотничьем домике?

Комнаты, куда поселили путешественников, оказались в разных концах коридора и были отделены друг от друга тремя пустующими помещениями. Станный выбор; разве не удобнее было бы поместить их в двух соседних комнатах? Хотя, с другой стороны, они уже долго не разлучались ни днем, ни ночью, а впереди еще длинный путь, когда физиономия Маленха будет круглые сутки маячить у него перед глазами. Так приятно иногда побывать одному... то есть, не совсем одному.

В комнате, которую отвели Конану, была большая кровать, покрытая мягким расшитым одеялом, полосатый коврик на полу и даже букет из невзрачных желтых цветочков в глиняном кувшинчике на столе. Столько дней он мечтал оказаться здесь, но, стоило оставаться одному, как подозрения вспыхнули в его душе с новой силой. Нужно пойти и проведать лошадей; он собирался это сделать, но женщина заморочила ему голову рассказами про кроликов на вертеле с приправами из трав, которые растут только в этих местах.

Та же самая интуиция подсказала Конану, что

лучше всего будет покинуть комнату так, чтобы не заметил никто из обитателей гостиницы. С трудом протиснувшись в маленькое окошко, варвар бесшумно спрыгнул вниз. Мягко приземлившись с грацией снежного леопарда, обитающего в горах Северной Киммерии, Конан огляделся вокруг.

Почему-то теперь гостиница не выглядела такой красивой и уютной. Вместо зеленой краски он увидел доски, посеревшие от дождей, вместо сверкающих стекол окна были частично затянуты бычьим пузырем, а частично и вовсе заколочены. Ни цветов на подоконниках, ни запаха жареного мяса, который еще недавно так приятно щекотал ему ноздри.

Охваченный недобрым предчувствием, Конан бросился на задний двор, где стояла конюшня. Так и есть: хозяйственные постройки были неряшливо сколочены из самого разнообразного материала и, очевидно, очень давно не использовались. Крыша конюшни наполовину провалилась вовнутрь, а настежь открытая дверь хлопала под ветром, еле держась на одной петле. Как вихрь ворвавшись в конюшню, Конан остановился, пораженный ужасным зрелищем. Вместо его жеребца и лошадки Маленха посреди пыльного замусоренного помещения виднелись две кучки аккуратно обглоданных костей и знакомая упряжь. Конан почувствовал, как бешеная ярость заполняет все его существо. Он выхватил меч и сделал несколько тяжелых шагов к выходу, полный решимости воздать должное нечисти, жерт-

вой которой пали невинные животные. Но не успел он выйти во двор, как столкнулся с хозяйкой гостиницы, которая стояла напротив дверей, загораживая ему вход.

— Ты знаеш-ш-шь — произнесла она, и в голосе ее не было ничего человеческого. — Ты догадался. Ты умреш-ш-шь.

Черты ее исказились в злобной гримасе, а потом начали стремительно изменяться. Уменьшились и спрятались под узким нависающим лбом глаза, рот, полный мелких острых зубов, разъехался в разные стороны.

Женская фигура тоже меняла свои пропорции: руки удлинялись, пока не начали доставать почти до земли, выгнулась дугой спина, на которой выросли жесткие кожаные крылья. Отвратительное существо, представляющее собой нечто среднее между обезьянкой и летучей мышью, злобно ухмылялось прямо в лицо Конану, а потом прыгнуло прямо на него, вытянув передние конечности с острыми когтями, не уступающими по размеру стилетам — излюбленному оружию придворных аристократов Кофа.

Конан лишь отступил на шаг, выставив перед собой меч, и страшное существо, не видяшее ничего кроме своей предполагаемой жертвы, со всего размаха налетело прямо на сверкающее лезвие. Пытаясь дотянуться до киммерийца своими страшными лапами, то, что еще недавно было симпатичной женщиной, двинулось, было, вперед, не обращая внимания на клинок, который на ширину ладони торчал из спины между беше-

но машущих крыльев. Но, не успело ужасное сознание продвинуться и на полшага, как его уродливые задние лапы подкосились, сверкающие злобой глаза заволокла пленка и оно медленно завалилось набок. Убедившись, что тварь окончательно мертва, Конан устремился в гостиницу выручать Маленх, который, должно быть, еще не знал о нависшей над ними смертельной опасности.

Не успев добежать до двери его комнаты, он услышал шум, свидетельствующий о том, что еще немного и выручать было бы некого. Дверь была заперта изнутри на засов, но Конан выбил его одним небрежным движением. Маленх на котором из одежды были только штаны, пытался с помощью ножа, обычно использующегося для приготовления пищи, отбиться от такой же твари, только поменьше ростом. На его спине и груди красовалось уже не менее десятка царапин от когтей. Конан не стал долго раздумывать. Описав полукруг, его меч отсек существу голову и одно из крыльев. В этот момент иранистанец изловчившись, вонзил кухонный нож прямо в сердце жуткой твари. С пронзительным визгом, от которого у Конана зазвенело в ушах, жуткое существо испустило дух.

И только сейчас они заметили, что здание гостиницы становится все дряхлее и дряхлее. В еще недавно таких прочных деревянных стенах образовалось множество щелей, которые стремительно расширялись, полосатый коврик на полу потерял всякий цвет и казался сплетенным из су-

хой болотной травы. Потолок прогнулся и угрожающе навис на самыми головами. Все кругом трещало и шаталось.

Велев спутнику бежать отсюда пока цел, Конан в несколько прыжков достиг двери своей комнаты. Там царilo полное запустение, посреди которого одиноко стоял фиолетовый трон. Взвалив его на спину и наскоро закинув на плечо дорожный мешок, Конан устремился к выходу. Пол скрипел и прогибался под ним, лестница, казалось, готова была развалиться, да и сама гостиница напоминала плохо сложенный карточный домик. Маленх ждал его во дворе. Он был уже полностью одет и настороженно оглядывался вокруг, сжимая в руке все тот же «кухонный» нож.

Но больше на них никто не нападал. То, что окружало их теперь, совершенно не походило на чистенький постоялый двор, в который они еще недавно входили, полные мыслей об отдыхе. Но Конан счел отмщение недостаточным. Разбежавшись, он ударил всем своим весом в стенку гостиницы. Та пошатнулась и с шумом обрушилась, увлекая за собой все здание. Точно так же варвар поступил с конюшней и сарайчиком, в котором уже давно не держали домашних животных.

Ступив на дорогу, путешественники заметили, что красные шестиугольники, которые еще недавно были уложены плотными рядами, теперь шатаются и вываливаются со своих мест при малейшем прикосновении. Между ними зеленела трава, покачивались под ветром сухие былинки. Куча старого дерева, оставшаяся на месте

гостиницы, прямо на глазах проседала, пока окончательно не сравнялась с землей. Пройдя несколько шагов, Конан и Маленх обнаружили, что ступают не по мощеному тракту, а по сухой рас才是真正 скавшейся земле. Красные шестиугольники крошились у них под ногами и уходили глубоко вниз.

Выругавшись на нескольких языках, они заспешили подальше от этого места. До захода солнца нужно было успеть найти удобное место для ночевки.

Хозяин замка, стоящего в месяце пути отсюда, в оазисе посреди самой ужасной пустыни этого континента в ярости отбросил в сторону кубок, темно-красная жидкость из которого расплескалась по полу. Отвратительная темно-бурая крыса, не уступающая по величине комнатной собачке, выскочила из темноты и принялась жадно лакать неожиданно доставшееся ей лакомство. Хозяин замка бросил на нее полный гнева взгляд и произнес пару слов на всеми забытом древнем языке. Бушующее пламя охватило животное от покрытого чешуйками хвоста до кончика острой мордочки. Издав жалобный писк, крыса попыталась бежать, но, не успев даже сдвинуться с места, обратилась в горстку пепла.

Немного успокоившись, чародей подошел к черному сундуку, на котором виднелись зловещие символы, инкрустированные желтоватой kostью. Он извлек оттуда пару перчаток из тонкой замши, цвета самой непроглядной тьмы, не спеша надел их и только после этого вынул книгу,

переплетенную в кожу, которая не могла принадлежать никому из известных животных.

Ничего, киммериец, я все равно возьму то, чём желаю владеть!

***

Обратный путь они продолжили по уже знакомым местам. Железную рощу, где листья-лезвия имеют обыкновение падать на тех, кто неосторожно приблизится к какому-нибудь из деревьев, они обошли еще дальше, чем в прошлый раз. Снова пришлось переночевать посреди полянки с костяными «цветами» несмотря на то, что теперь они казались обоим еще более омерзительными. Но уж лучше это порождение неведомой магии, которое, несмотря на свой отталкивающий вид, не причиняет никому зла, чем твари, которые бродят в долине после захода солнца. Вершина горы, на которой согласно преданию сидит окаменевший колдун, была затянута тучами, отчего Конан не мог отделаться от ощущения, что вершина пуста, а каменный старик отлучился куда-то по своим делам.

Через несколько дневных переходов они должны были покинуть Гирканские горы и ступить на ровную дорогу, где можно рассчитывать на помощь других путников. Может быть, удастся проделать остаток пути в телеге какого-нибудь крестьянина, возвращающегося с ярмарки, или даже купить себе коней взамен тех, съеденных неведомыми тварями.

Но за несколько дней до этого Конан заметил, что поведение его спутника становится каким-то другим. Нельзя сказать, чтобы за это время они стали друзьями, но все же пережитые вместе опасности сблизили этих двух так непохожих друг на друга людей. Киммериец в глубине души радовался, что не настоял на том, чтобы отправиться за фиолетовым троном одному. Маленх по-прежнему спокойно переносил все тяготы путешествия, все так же охотно готовил, рассказывал забавные истории, но взгляд его упорно ускользал от Конана, а веселье казалось каким-то вымученным, как будто что-то беспокоит его, не давая покоя ни днем, ни ночью. Благородный варвар не придал этому никакого значения: мало ли какая причина заставляет человека печалиться, а приставать с расспросами о том, что его не касается — занятие, достойное лишь старых сплетниц.

Однажды вечером вкус травяного отвара показался Конану каким-то странным не таким как всегда а, украдкой взглянув на Маленха, варвар увидел, что тот как будто ожидает чего-то, так и не прикоснувшись к своей чашке. Но Конан умел извлекать уроки из всего, с чем сталкивалась его судьба. Искусно сделав вид, что допил отвар до конца, он растянулся у костра, но вскоре почувствовал, что и двух глотков, по неведению выпитых им, оказалось достаточно. Мощное тело варвара перестало ему повиноваться. Единственно, что он мог, это открывать и закрывать глаза. Полным гнева взглядом Конан уставился на пре-

дателя. Как он мог; это даже хуже, чем ударить в спину! Тот покраснел и опустил глаза, но тут же справился с собой и заговорил:

— Мне очень жаль, господин Конан, что пришлось это сделать. Знаю, что такой честный и благородный человек как вы не найдет оправдания моему поступку, но все же, пока вы живы, я хочу, чтобы вы выслушали меня и не держали на меня зла, оказавшись за Чертой Тьмы. Дело в том, что фиолетовый трон должен попасть в руки моего настоящего господина, а не этого надутого аристократишкы, который даже не понимает истинной ценности той вещи, которую мечтает заполучить в свою коллекцию. Вы спросите, что в нем такого? Все, что я знаю — обладание им придает человеку какие-то особые сверхъестественные качества, но для этого нужно уметь с ним обращаться или обладать особыми качествами. Мой хозяин — настоящий чародей, сила его несказанно велика. Мне очень не по душе, господин Конан, что пришлось отравить вас, но тот, кто вздумает перечить моему господину, теряет больше, чем жизнь. И у него в услужении моя сестра... Не беспокойтесь, это был сок стигийского кактуса; ваша смерть будет легкой, вы просто уснете и будете видеть приятные сны...

Слушая сбивчивую речь своего недавнего товарища, Конан безуспешно старался если не пошевелиться, то, хотя бы, сжать кулаки, чтобы найти выход охватившему его гневу. Но, услышав, что гнусное предательство было совершено с ним по приказу чародея, он ощущил, как ярость

заполняет все его существо подобно лесному пожару в джунглях Черных королевств. Действие яда прекратилось, руки и ноги снова слушались его. Внезапно вскочив, он схватил за шиворот потрясенного иранистанца, поднял его высоко над головой и, сделав пару шагов, со всего размаха швырнул в пропасть, на дне которой глубоко внизу протекала бурная горная речка.

— Зато твоя смерть не будет приятной, трус!

И, от души пожелав, чтобы слуги Эрлика «погорячились» о его душе, варвар продолжил путь в одиночестве.

* * *

Но, едва Конан снова тронулся в путь, как дорогу ему преградила гряда из осыпавшихся камней. Киммериец знал, что, однажды начав осыпаться, камни могут снова начать падать в любое мгновение.

Поэтому он решил обогнуть гору и вернуться на тропу чуть позже. Но, стоило ему отойти на несколько десятков шагов, как все вокруг затянуло туманом, двигаться в котором приходилось на ощупь. Когда же туман, наконец, рассеялся, варвар с удивлением обнаружил, что находится в совершенно незнакомом месте. Не было рыжих скал, похожих на застывшие потоки пенной жидкости, не было даже тропы, которая привела его сюда. Всюду, куда хватало взгляда, простирались горы из светло-серого камня. Оглянувшись вокруг, он невозмутимо пожал могучими плечами.

Ничего, он найдет нужную дорогу, ориентируясь по солнцу.

Прошло еще несколько дней. Варвар шел с утра до вечера, неся на себе трон из подземного города, все также завернутый в шкуры и дорожный мешок с самым необходимым. Теперь ему не нужно было умерять свои шаги, заботясь о том, чтобы не отстал более слабый спутник. Он был один и останавливался только для того, чтобы добыть пищу и позволить себе краткий отдых.

Звезды и солнце указывали дорогу верно, но однажды вечером вместо торгового пути Конан увидел перед собой бескрайнюю пустыню, прозванную путешественниками Адским Пеклом. Здесь не было даже той скучной растительности, которая встречается обычно в подобных местах, не водилось даже змей и ящериц. В этих ослепительно-белых песках не было вообще никакой жизни и горе тем самонадеянным, которые, понадеявшись на запасы воды и выносливость выночных дромадеров, решались пересечь это бескрайнее песчаное море. Кости их навсегда оставались в Адском Пекле, служа предостережением всем прочим...

Остановившись, Конан развернул карту, которую предусмотрительно достал из дорожного мешка своего горе-проводника и попытался определить, в какой из уголков Адского Пекла забросила его судьба. Выходит, из-за тумана он сделал круг и двинулся прямо в противоположном направлении. Нужно повернуть назад и поискать более удобную тропу. А пока что он передохнет и

покрепится мясом добытого накануне горного козла. Не самая лучшая еда, но все же лучше, чем ничего.

Но не успел варвар расположиться на отдых, как прямо перед ним закрутился непонятно откуда возникший смерч, на месте которого возникла мужская фигура, как будто сотканная из множества песчинок. Конан, который всегда выделялся среди окружающих своим мощным ростом и телосложением, вдруг почувствовал то же самое, что чувствует ребенок рядом со взрослым. Некоторое время двое мужчин стояли, глядя друг на друга. Необычный собеседник первым нарушил молчание. Голос его напоминал отдаленные раскаты грома.

— Ты убил моих слуг!

— Каких еще слуг? Ты имеешь в виду того трусливого предателя, недостойного называться мужчиной?

Песчаная фигура отрицательно покачала головой.

— Или ты об этих великанских блохах?

Но его слова не были даже удостоены ответа, будто они не были сказаны вовсе. Голос странного явления прозвучал неожиданно спокойно.

— Эти существа принадлежали к очень древней расе, древней человеческого рода. Они умели принимать вид любого существа живого и когда-либо жившего, создавать иллюзию любой картины из прошлого и настоящего. Так выглядела гостиница «Горный козел» в период наибольшего процветания. Гораздо лучше той жал-

кой халупы, мимо которой вы с этим хитрым иранистанцем благополучно проскочили. Они хорошо служили мне, и гибель их меня очень огорчила. Но я не стану отнимать твою жизнь: уничтожать такого воина как ты было бы слишком расточительно. Ты заменишь мне тех, кого я лишился по твоей вине, киммериец, и тогда я проявлю милосердие и сохранию тебе часть разума.

Чтобы он, Конан, стал игрушкой в руках какого-то колдуна?! От ярости у него на мгновение потемнело в глазах, а легкие заработали подобно кузнецким мехам. Но врожденная варварская хитрость подсказала ему, что сила и ловкость сейчас не являются преимуществом и не приведут к победе над созданием темного волшебства. Следовало немного потянуть время и присмотреться к неведомому противнику в поисках слабых мест. Конан взглянул на него с выражением наивного любопытства. Песчаная фигура благосклонно кивнула.

— Я вижу, ты хочешь о чем-то меня спросить, смертный. Спрашивай!

— Зачем ты велел своему слуге отравить меня?

Песчаный силуэт заколыхался, меняя свои очертания, издавая непонятные клекочущие звуки. Конан с трудом догадался, что это был смех.

— Я не держу у себя на службе глупцов, которым ведом стыд и угрызения совести; разве ты не понял то, что я тебе только что сказал? На самом деле тебя интересует вовсе не это. Ты хочешь знать, что послужило причиной трагедии подземного города.

Конан утвердительно кивнул, косясь на фиолетовый трон, который он поместил между двумя валунами. Можно не беспокоиться, даже самый сильный ураган не сможет унести его.

— Разве тебя не удивило, что изваяния на площади изображают морские существа, в то время как море находится очень далеко отсюда? Когда-то давно много столетий назад эта пустыня и большая часть гор были морским дном. Город же, жители которого тогда видели небо, находился на берегу залива. Море мелело, уходя все дальше и дальше, но жители продолжали поклоняться тем же самым богам, веря, что в один прекрасный день соленая вода снова заплещется у городских стен и все снова будет по-старому. Но боги не слышали их и тогда пятнадцать самых могущественных чародеев собрались на городской площади. Они намеревались принести жертву, которая вернула бы милость старых богов. Но силы, которые уже давно были главными в этих местах, сочли их поступок великим непотребством и земля поглотила город... Но достаточно разговоров, я удовлетворил твое любопытство. Сейчас ты принесешь мне трон и признаешь меня своим повелителем. Ну же, я жду!

— На, получи!

И Конан быстрым как молния движением выхватил меч и несколько раз рассек песчаную фигуру. Но, вместо того, чтобы упасть, та еще больше увеличилась в размерах и продолжала расти, пока не закрыла собой все вокруг. Песчинки, составляющие ее, начали двигаться все быстрее и

быстрее, издавая тихое жужжение, которое постепенно перешло в оглушительный рев. Вскоре песчаный смерч крутился вокруг Конана. Горячий песок лез в глаза, набивался в рот, не давая дышать. Варвар почувствовал, как его пальцы, держащие оружие, помимо воли медленно разжимаются. Меч, поднять который было под силу далеко не всякому, легко как перышко унесло ревущим потоком воздуха.

Последним отчаянным усилием Конан поднес руку к поясу, ища хоть что-нибудь, что могло бы послужить оружием. И вдруг пальцы его ощутили какой-то фигурный предмет. Пояс со дна озера! И варвар, поудобнее перехватив находку, хлестнул вокруг себя, выписывая круги и спирали.

Когда-то гладиаторов, среди которых находился и молодой пленник из Киммерии, чтобы удивить публику необычным зрелищем, заставляли учиться владению экзотическим оружием. В том числе и оружием кхитайских странствующих монахов. Два колокольчика, подвешенные на концах длинной веревки, не производили впечатления чего-то грозного, однако в умелых руках помогали своему хозяину выстоять против целого отряда...

Песчаный ураган успокоился и снова собрался в подобие человеческой фигуры. Выходит, с этим врагом можно справиться при помощи серебряного пояса! И, повинуясь скорее инстинкту, чем голосу разума, Конан точным движением набросил серебряный пояс на шею песчаной фигуры. Раздался ужасный вой, по сравнению с которым

голос Поющей горы показался бы чарующей мелодией и неведомый враг рассыпался, превратившись в обыкновенный бархан.

Далеко отсюда, в замке посреди оазиса, чародей, имя которого никто не решился бы произнести вслух, сполз на пол, корчась и хватаясь за шею, как будто пытался освободиться от невидимой веревки. Восстановив дыхание, он произнес полным ненависти голосом:

— Киммериец, где бы ты ни был, я найду тебя! Ты мне заплатишь за это!

* * *

Невозмутимо пожав плечами, Конан снова взвалил на спину свою ношу и двинулся дальше. Теперь он знал, в каком направлении ему следует идти.

Он избрал самую короткую, но самую трудную дорогу, ведущую по самой высокой части горной цепи, именуемой Змеиный Хребет. Здесь на камнях не росло ничего, что могло бы послужить пищей для костра — сплошной камень, если не считать чахлых травинок, то тут, то там выглядывающих из трещин. Зато в этих местах не бушевала когда-то война магов, и можно было не опасаться, что неожиданно наткнешься на один из сюрпризов, которыми воющие стороны щедро одаривали друг друга. Обычные горы, а, что касается трудностей пути, то киммериец, с детства привыкший к тяготам и лишениям, не видел в них ничего особенного.

Однажды, проснувшись с первыми лучами солнца, он заметил нечто удивительное. На самой вершине одной из ближних гор стояло настоящее каменное кресло. Как оно могло сюда попасть, кто и с какой целью сделал это? Будучи любознательным и жадным до всего нового и неизвестного, Конан не мог пройти мимо этой диковины. Потратив почти целый день, он наконец достиг вершины горы и оказался возле каменного кресла.

Он несколько раз обошел вокруг него, пытаясь определить, что же такое перед ним — работа дождя и ветра, неведомый каприз богов или нечто, сделанное человеческими руками? Кусок скалы, стоящий на самой вершине, действительно напоминал грубо сработанное кресло или, скорее, трон.

Там были сиденье, спинка, даже подлокотники и ступенька для ног. Фиолетовый трон, который варвар для сравнения поставил рядом с каменным креслом, выглядел рядом с ним как-то легковесно. Наверно, так же смотрелись бы позолоченные стульчики и столики на тонких изогнутых ножках, которые недавно вошли в моду среди огирских богачей, рядом с табуретами и столом из цельного ствола дерева, который стоял в доме его отца.

От каменного кресла веяло каким-то спокойствием, уверенной мудрой силой, как будто старый убеленный сединами воин протягивал ему руку для приветствия. Повинуясь внезапно возникшему порыву, варвар сел на темное каменное

сиденье, откинувшись на спинку и положив руки на подлокотники.

Отсюда, с вершины горы, открывался вид, от которого захватывало дух. Перед Конаном расстилалась целая горная страна. Ему казалось, что он вдыхает запах моря, находящегося в нескольких месяцах пути отсюда, слышит шум городов, хотя до ближайшего города идти нужно было не менее недели. Сидя здесь, он как будто находился в центре мира и сам был его центром.

* * *

Оставшийся путь до Шадизара не был отмечен особыми событиями, и вот около десяти дней спустя ранним утром Конан снова отворил дверь «Выщербленной монеты». Там за это время практически ничего не изменилось, разве что мрачного бродягу заменила компания неряшливо одетых юношей, да в углу наливался дешевым вином какой-то старик, по виду, вышедший на пенсию стражник.

Конан небрежным жестом бросил на стойку несколько серебряных монет и заказал самую лучшую комнату и ужин. Он никого не предупреждал о своем появлении и должно пройти несколько дней, прежде чем заказчик узнает, что он вместе с фиолетовым троном уже здесь. После такого путешествия неплохо будет передохнуть... Но, не успел Конан растянуться во весь громадный рост на кровати, занимающей собой большую часть комнаты, как в дверь осторожно

постучали. Что там еще; он больше ничего не заказывал и желает отдохнуть!

— Извините, господин Конан, человек, которого вы ожидаете, просит передать, что ждет вас в той же самой комнате.

С недовольным ворчанием поднявшись и кое-как натянув на себя одежду, он направился вслед за служанкой, не забыв прихватить с собой добычу из подземного города. Что такое Шадизар, он знал намного лучше многих и немало ценных вещей, чьи размеры не уступали фиолетовому трону, исчезло с его помощью из сокровищниц, которые охранялись гораздо лучше, чем номер в подозрительной таверне. А то, что однажды удалось одному человеку, вполне может получиться и у другого...

Заказчик ждал его, сидя за тем же самым столом, изо всех сил стараясь сохранить видимость невозмутимого спокойствия. Но от Конана не укрылось, что тот едва сдерживается, чтобы не вскочить ему навстречу. Ну, что же, аристократ, неизвестно когда в последний раз выезжавший за городские стены без сопровождения целого отряда и привыкший, что все нужное доставляется тебе и подается с низким поклоном, посмотрим, насколько хватит твоей выдержки! И Конан нарочито медленно, даже немного неуклюже, вышел на середину комнаты, поставил на пол фиолетовый трон и начал, не торопясь, освобождать его от тряпок и шкур, в которые тот был завернут. На лице аристократа не дрогнул ни один мускул и только учащенное дыхание и лихора-

доно блестящие глаза говорили о том, в каком страшном волнении он пребывает.

Наконец находка из подземного города предстала во всей красе. Даже Конан, который видел эту вещь много раз, невольно залюбовался искусственной работой. А ведь, если бы не он, произведение древних мастеров так и осталось бы в пещере, где, в конце концов, бесславно прекратило бы свое существование. А красивая вещь это все равно, что красивая женщина... Но усилием воли варвар заставил себя обратить внимание на более насущные заботы:

— Вот ваш фиолетовый трон. Где мое золото?

— Вы получите его, как только я смогу удостовериться, что передо мной та самая вещь, о которой мы договаривались. Кстати, где ваш проводник?

— Погиб... во время обвала — недовольно буркнул Конан. Отчего-то ему не захотелось, чтобы его хозяин узнал, что маленький иранистанец на самом деле служил двум господам и готовился его предать. Он уже получил по заслугам, незачем лишний раз позорить его. Но на заказчика эта новость, казалось, не произвела никакого впечатления.

— Что ж, в горах такое иногда случается. Прощу вас! — Он махнул рукой куда-то в глубину комнаты и из темноты появилась высокая худая фигура в темном балахоне с капюшоном, закрывающим лицо. Конан почувствовал, что рука его помимо воли устремляется к поясу, где обычно висит оружие. Чародей! Неужели его присутст-

вие настолько необходимо и вообще, договор был лишь о том, чтобы доставить требуемую вещь и получить за нее золото. Ни о какой проверке подлинности речь не шла, к тому же, как понял киммериец из предыдущих разговоров, фиолетовый трон был единственным в своем роде и вряд ли у кого-нибудь получилось бы сработать достаточно убедительную подделку.

Тем временем чародей вышел на середину комнаты, остановился напротив резного кресла, расставил руки, как будто хотел обнять кого-то очень большого, стоящего перед ним и произнес несколько слов на непонятном певучем языке. Голос его с одинаковым успехом мог быть высоким мужским или низким женским, маленькие изящные руки, виднеющиеся из рукавов балахона, так же могли принадлежать и чародею и чародейке. А, впрочем, какая разница: там, где прибегают к помощи колдовства, не остается места для честности.

Колдун очертил в воздухе контуры фиолетового трона, не касаясь его, снова что-то произнес и наконец сказал, обращаясь в основном к заказчику:

— Это не то кресло.

— Как, не то?!! — возмутился Конан. — Никто и никогда не посмеет меня обвинить в нарушении сделки! Этот тот самый трон из дворца в подземном городе или вы хотите сказать, что я собираюсь подсунуть вам подделку?

— Это не тот трон — снова повторил человек в балахоне. — В нем нет никакой силы.

— Какая еще, к Эрлику, сила?!! — зарычал киммериец, чувствуя, что кровь его закипает. — Я заключил договор с этим господином и не желаю говорить ни с кем кроме него. Я доставил нужный вам предмет и желаю получить причитающееся мне золото.

— Какое еще золото? — вежливо спросил аристократ, поднимая одну бровь. Вот договор, составленный по всей форме. Здесь написано: «означенный предмет, именуемый фиолетовым троном». Вы хоть читать-то умеете? Мне очень жаль, что вы ошиблись и принесли мне не то, что требуется. Попробуйте предложить свою добычу кому-нибудь из торговцев заморскими диковинками, вот все, что я могу вам посоветовать. Надеюсь, вы проявите благородство, и мне не придется вызывать стражу...

Сказать, что Конан почувствовал бешеный гнев, значило бы не сказать ничего. Он предпринял путешествие на самый край света по местности, так и кишащей магическими штучками, полз под землей, рисковал жизнью и все для того, чтобы этот аристократишка обманул его подобно тому, как какой-нибудь судейский крючкотвор обводит вокруг пальца наивного провинциала. С грозным рычанием варвар одним прыжком преодолел расстояние, отделяющее его от бесчестного заказчика. Стол, за которым тот важно восседал, отлетел в сторону, с грохотом ударился о стену и рассыпался множеством обломков. Но аристократ неожиданно ловко соскочил со стула и швырнул его в своего противника, пы-

таясь достать из ножен кинжал, висевший у него на поясе. С обычным человеком это прошло бы удачно, но не с Конаном, который большую часть жизни провел в сражениях, а из побежденных им грозных воителей можно было бы составить целую армию.

Бесспорно, этот человек знал, с какого конца браться за меч, и для своего возраста был достаточно силен, но дело все в том, что о настоящей войне он судил исключительно по книгам и древним сказаниям, и не имел ни малейшего понятия о той науке, которую постигает каждый гладиатор и каждый обитатель городского дна. Поэтому прошло не больше времени, чем понадобилось бы старому солдату, чтобы выпить стакан крепкого вина, как неудавшийся обманщик оказался лежащим на полу, самым позорным образом скрученный собственным поясом.

Но, не успел Конан сказать все, что он думает о таком недостойном поведении, как чародей, который во время всего поединка спокойно простоял в стороне, вдруг вознамерился показать, что и он на что-то способен.

Он щелкнул пальцами, и в воздухе что-то затрещало, как это бывает жарким летом перед грозой. По одежде его забегало множество ярко-синих искорок, которые постепенно собирались у него на ладони, превращаясь в ослепительно сверкающий шар.

Но Конан не стал ожидать, чем закончится демонстрация магического искусства. Не теряя ни единого мгновения, он подобрал с пола кинжал,

выпавший из рук любителя редкостей и метнул его прямо в центр шара.

Раздался ужасающий звук, как будто прямо в комнате взорвался кувшин с китайской огненной смесью. Худой мужчина неопределенного возраста, одежду которого составляли жалкие еще дымящиеся лохмотья, жалобно причитая, выскочил в коридор. Хозяин таверны, который, не покидая своего места за стойкой, был в курсе происходящего благодаря хитро расположенной слуховой трубе, продолжал сохранять полное спокойствие. Здесь привыкли и не к такому, а Конан — постоянный и почетный клиент заведения, никогда не отказывался оплатить непредвиденные расходы, не говоря уже о том, чтобы накинуть пару монет за беспокойство. Какая ему печаль до чужих скандалов? Своих забот достаточно!

Но Конан не считал дело законченным. Он подобрал в пола валяющийся там лист толстого пергамента, на котором несколько месяцев назад был записан договор, касающийся поисков и доставки фиолетового трона. Затем, злобно улыбнувшись, скатал его в угловатый комок.

— Значит, договор? Тогда попробуй, каков он на вкус! Может быть, это научит тебя деловой честности!

И, невзирая на бурный протест, он затолкал пергамент прямо в рот обманщика. После этого, подняв своего недавнего противника одной рукой, он энергично встрихнул его. Услышав металлический звон, варвар извлек из поясной сум-

ки аристократа довольно толстый кошелек и, тщательно отсчитав нужную сумму, спрятал остальное назад. Он не грабитель, он берет лишь то, что причитается ему по праву! Горе-заказчик остался сидеть, привязанный к фиолетовому трону, извиваясь как зеленый заморийский уж и тщетно пытаясь выплюнуть изо рта документ, который попытался так превратно истолковать.

* * *

Вечер этого дня Конан встретил в обществе одного из немногих, кого он мог назвать своим другом. Молодой аристократ, который чурался общества себе подобных, а о занятиях, которым обычно посвящают свое время избалованные богачи, отзывался исключительно в пренебрежительном тоне. Владея громадным состоянием, он тратил его не на удовольствия и дорогие игрушки, а на то, что считал более достойным внимания. Его коллекция древних манускриптов была в несколько раз больше, чем императорская библиотека в Немедии, а знания о культе Темных богов не уступали знаниям главы магического ордена. Он был своим в подозрительных кварталах, в тавернах, куда никто из подобных ему не смог бы даже заглянуть, не рискуя при этом остаться как минимум без кошелька. Его можно было встретить в домике какого-нибудь из скопщиков краденого, внимательно разглядывающего непонятно как оказавшиеся здесь предметы домашней утвари. Еще он писал стихи, в которых

повествовал о своей удивительной жизни и Конан был один из немногих, кому выпадала честь их слышать. Ну, а помимо прочего, он всегда хорошо платил за все, что могло представлять для него интерес.

Сидя в большой полутемной комнате, загроможденной самыми неожиданным предметами, они пили красное охирское вино, вновь и вновь возвращаясь к каждому моменту из путешествия Конана в подземный город. Коллекция свитков привела эксцентричного аристократа в детский восторг и, несмотря на множество свежих пятачков, оценена в стоимость нескольких боевых коней с селами и упряжью. Беседа немного утомила их обоих и Конан уже собрался удалиться в отведенные ему гостевые покой, как вдруг неожиданно вспомнил:

— Ты не знаешь, что за сила должна была находиться в этом кресле?

— Существует такая легенда — ответил ему собеседник, задумчиво перекатывая в ладони шары из черного камня. — Трон, однажды сев на который, ты становишься просто обречен на власть. Ты можешь оказаться незаконным или даже законным наследником престола, можешь по-иному оказаться во главе государства. Упав с высоты трона, ты неминуемо оказываешься снова вознесен на него, независимо от своего желания. Даже если тебе вздумается отречься от престола — это изменит твою судьбу лишь на короткое время. Но для этого нужно быть достойным такой участи. Эти люди оказались во власти рас-

пространенных заблуждений. Трон, за которым охотятся все, жаждущие престола, находится во все не в подземном городе. В неком заслуживающем безусловного доверия источнике говорится, что он стоит на вершине недоступной горы в центре мира. Лишь самому достойному дано увидеть его и лишь тому, кто в силах вынести тяжесть власти, позволено сесть на него. Также там говорится, что в эти мгновения человек способен постигнуть мудрость мироздания.

— Каменный трон, стоящий на вершине горы? — И Конан принял рассказывать о том дне, который, казалось бы, совершенно изгладился из его памяти. И чем больше он рассказывал, тем более удивленным и восхищенным становилось лицо его собеседника.

— Ты понимаешь, что с тобой произошло? — спросил он наконец варвара. — Теперь ты король, Конан. Что бы с тобой ни случилось, ты будешь им, и любая из выбранных тобой дорог неминуемо приведет тебя к короне. Что же, мои поздравления, ваше величество!

— Королевский престол... — недовольно протянул киммериец. — В мире есть много гораздо более интересных и приятных вещей. Например, хорошая драка, путешествия, красивые женщины или добрая выпивка... Кстати, осталось ли у нас еще красное оффирское?..

ФОНТАН ЖИЗНИ

Введение

О том, что было

важаемые читатели, соизвольте выслушать краткий пересказ тех событий, впутанными в которые оказались капитан «Вестрела» Конан-киммериец и его первый помощник Сигурда.

...В Сартосе, маленьком городке на Побережье Стигии, «Вестрел» оказался волею невероятного по силе шторма, который, как потом выяснилось, имел магическое происхождение. Необходимость срочно отыскать деньги на ремонт корабля толкает Конана и Сигурда на отчаянное предприятие. Они отправляются на поиски клада, основной особенностью которого является то, что все наглецы, на него покушавшиеся, непременно расставались с жизнью.

Было, правда, одно исключение... Но об этом лучше прочитать в романе «Конан и Хозяева Побережья».

Однако как бы там у Конана с Сигурдом с сокровищем ни сложилось, за время их отсутствия в Сартосе произошло немало занимательного. В городе объявились четыре древних духа, что жили в артефакте под названием Камень, разрушение которого и вызвало магическую бурю. У каждого духа была своя собственная цель.

Первый, избравший имя Коратцо, хотел стать богом. В свое прошлое воплощение он уже был близок к этой цели, но его подвело незнание человеческой природы. Другие духи по праву полагают Коратцо опаснейшим из своих противников. Именно так — противников! Они, все четверо, ненавидят друг друга и желают учинить скорейшую расправу над сотоварищами. Этим намеревается воспользоваться человек, которого они почитают своим отцом. Некогда он был величайшим магом, что призвал духов в мир Хайбории, но сейчас он не более чем призрак, обитающий в их сознании.

Для второго духа значимы лишь плотские утехи. В деле удовлетворения этого своего желания он проявляет немалую фантазию и, вообще, действует с размахом, но всё-таки не с тем, что прежде. Да и появился он в городе намного раньше остальных братьев, что, в принципе, противоречит всем физическим и магическим законом.

Третьего духа зовут Ксарти. Его страсть — магия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что местом своего пребывания он избрал поместье Хозяев Побережья, по ходу подчинив себе сознания всех его обитателей. С помощью магов

и их тайной службы, «лиловых» Ксарти планирует отыскать и уничтожить остальных братьев. Братья — именно этот термин духи используют по отношению друг к другу.

Последний обитатель Камня самый загадочный. Граней его силы не ведает ни один из братьев. То же самое относится и к граням его разума. Этот дух безумен. Что он задумал, неизвестно никому. Но, судя по косвенным признакам, пробыв в Сартосе пару дней, он покинул его пределы.

И каким же образом это всё коснулось пиратов с «Вестрела», спросите вы?!

Самым прямым! Пятеро моряков, в том числе боцман Зелтран и его помощник Грув, за день до возвращения Конана и Сигурда отправились в бордель, организованный духом-любовником. Туда же в это время наведался и его безумный братец. Как результат, трое матросов погибли, а Зелтрана обратили в собаку. Лишь Грув не пострадал.

Досталось ему лишь тогда, когда на корабле объявились киммериец и ванир. Распинали они Грува за то, что тот отвел Зелтрана к Хозяевам, стигийским магам, в надежде, что те вернут ему прежний облик. Вместо этого они пса реквизировали. Но одними поучениями в адрес команды, здесь было не обойтись. Зелтрана надо было спасать.

Конан начал готовиться к тайному проникновению в поместье, а Сигурд отправился в город оценить обстановку. Первым заинтересовавшим его объектом оказалась лавочка «Сто золотых за человека», которую организовал Коратцо для ро-

зыска своих братьев. Описания, которые дал ваниру помощник духа Черс, практически в точности соответствовали тем, что ранее предоставил ему Грув. Сигурд сказал, что знает, в чьем теле скрывается дух-любовник. В ответ на свою помощь он потребовал, чтоб Коратцо расколдовал Зелтрана, когда всё закончится. Дух согласился. Немного побродив по городу и «поговорив» с отдельно взятыми его обитателями, Сигурд, Коратцо и Черс установили то место, где обитает любовник.

Но не стоит забывать и о властителях Сартоса! О Хозяевах Побережья!

Двоим магам, Биресу и Карун-Ра, благодаря невероятным способностям последнего, удалось вырваться из-под ярма Ксарти. Напасть на дух-мага, чтобы отвоевать свободу и для других Хозяев, они не решились, предпочтя для начала опробовать силы на любовнике, который казался им самой легкой целью. С помощью длительного и сравнительно кровавого обряда им удалось создать амулет, указывающий, где искать любвебильного духа. Но охота эта обернулась провалом. Дух ускользнул, не преминув при этом прощить магов так, чтоб им надолго запомнилось.

Творилось сиё непотребство прямо на глазах у Сигурда, Коратцо и Черса, до ловушки, организованной которыми, дух не дошел совсем немного. Единственное утешение, что им удалось спасти жизнь той девушке, в теле которой пребывал любовник. Сигурд и его товарищи не без основания надеялись, что она и сможет рассказать немало

интересного. Надежды эти оправдались лишь на половину. Повесть Тары, а так звали девушку, оказалась занимательной, но практической пользы от неё было немного.

У Конана тоже всё складывалось не особо хорошо. В начале попал в лапы к бандитам, переговоры с которыми по поводу планов поместья Хозяев, он намеревался вести с позиции силы или хотя бы на равных. Но ничего, договориться сумели. Глава бандитов помог киммерийцу разработать план проникновения в обитель магов. Хороший план. И с претворением его в жизнь всё вышло нормально, вот только встретился Конану на выходе из сокровищницы, на визите в которую настаивал бандит, третий маг первого круга приближения — Арзарес. Он заколдовал киммерийца таким образом, что теперь тот жизни своей не видел без того, чтобы убить двух названных магом людей.

Кстати, пришло время поговорить и о них.

Изначально в Обществе, один из членов которого так напугал Ксарти и магов, состояло трое человек. Маг-иранистанец Ясуд, библиотекарь из Немедии Себер и туранский отравитель Дамар. Общество существовало со времени предыдущего воплощения духов, один из которых, вероятно, и является его основателем. В Сартос эти трое прибыли, чтобы предоставить в распоряжение ожидавшего их духа-полубога свои тела и слиться с ним в его могуществе. Но внезапно образовалась одна маленькая проблема. Во время обряда «обнаружения божества» пред изумленными лицами

собравшихся проплыли образы всех четырех духов, а не какого-то одного, отдельно взятого. Первым Обществу явил свой лик Ксарти. Потому к нему и отправился Дамар. Сделал он это тайно, не поставив в известность ни Себера, ни Ясуга.

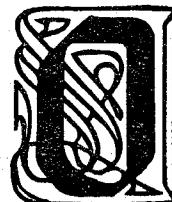
Бот почти и всё. Осталось лишь два человека, о которых стоит рассказать.

Первого зовут Монтейро. Он монах-митрианец, сосланный в Сартос за плотский грех. Здесь, на Побережье, над всеми поклонниками Митры висит проклятье. Каждый второй монах через некоторое время обращается в безумца, коих на улицах Сартоса не меньше, чем собак. По всем признакам Монтейро должен был пополнить ряды блаженных. Желая избежать этой участи, он вступил в сговор с главой «лиловых» Карфотом, и сейчас пребывает в состоянии напряженного ожидания. Сдержат ли стигийцы своё слово и освободят его от кошмаров?

Второй персонаж — это старый некромант, которого величают Харольдом. Для друзей, Харви. Жизненный путь этого мага был исполнен боли и страдания. Лишь на старости лет он обрел желанный покой. Он вполне комфортно обустроился в заброшенном поместье неподалеку от Сартоса. Вместе с Харольдом там проживают четверо его подопечных, живых мертвцев. Казалось, ничто не способно нарушить тягучести бытия старого некроманта. Но у безумного духа свой взгляд на эту проблему...

Глава 1

О потаенных уголках души

щущения были очень странные. Монтейро вновь очутился в одном из видений грядущего, но на этот раз ему выпала не просто роль наблюдателя. Он оказался одним из главных героев своего сновидения, в то же время он не был собой. Уж в этом он не сомневался.

Его сознание переселилось в чужое тело, чей обладатель совершал ночное путешествие по Сартосу.

Монтейро раздражала незначительность собственной личности на фоне окружающих процессов. Для начала, он не мог оказать никакого влияния на человека, глазами которого видел мир. Тот был полностью самостоятелен в своих решениях и внушению не поддавался. Не то чтобы подобное было очень надо зингарцу, но просто хотелось знать, что всегда можно взять власть

в свои руки. Но и это еще не всё. Видение не оставил ему даже элементарной возможности думать. Он лишь созерцал, будучи не в силах осмыслить увиденное.

Конечно, у Монтеира происходили отдельные всплески сознания, но выносить сложные суждения он был не в состоянии.

Так Монтеир тряся в неведомо чьей голове, озирался по сторонам чужими глазами, испытывал чужой страх и чужое отчаяние и через пару мгновений забывал всё это. Оставался лишь неприятный осадок в душе, что то, что он чувствует сейчас, он ощущал и в прошлом.

Но наконец наступил желанный момент перемен к лучшему. Зингарец погрузился чуть более глубоко в сознание любителяочных прогулок, одновременно заполучив назад способность анализировать текущие события. Инстинкт самосохранения, недвусмысленно намекавший на важность видения, всё-таки поборол в Монтеире ненависть и злобу, одолевавшие душу зингарца, и заставил сосредоточиться на окружающей действительности, а не пытаться взять под контроль чужое тело.

Человек находился где-то в бедняцком районе. Двигался он медленно, то и дело останавливался и озирался по сторонам, ждал чего-то, потом продолжал путешествие. Объяснялось подобное поведение очень просто. Человек боялся, сильно, очень сильно. Но он боролся со своим страхом, побеждал его и использовал. Эмоции его Монтеир чувствовал очень глубоко, хотя к мыс-

лительным процессам доступа так и не заполучил.

Но вот вроде бы прогулка приблизилась к своему завершению. Целью её было дряхлое двухэтажное здание, едва различимое в лунном свете. Человек долго смотрел на него, укрывшись в узком переулке. Наконец он решился и совершил быструю перебежку к избранному дому.

И только он очутился внутри, как Монтеир понял, куда именно пришел человек!

В тот же миг зингарец проснулся. Посыпать проклятъя небесам времени не оставалось. Монтеир бесшумно поднялся с дивана и прильнул к стене у двери. Стараясь не дышать, зингарец стал ждать, когда появится ночной визитер. В то, что после столь нетривиального предупреждения гость обойдет вниманием его комнату, бывший монах решительно не верил.

И действительно, вскорости раздались шаги. Похоже, достигнув пределов дома, человек растянул часть своей осторожности и позволил себе слегка расслабиться. Это было на руку Монтеиру.

Человек поднялся по лестнице, замер перед дверным проемом, словно учуял что-то неладное. Но здесь могла сработать лишь его интуиция, Монтеир не выдал себя ни единным звуком. Однако сил на сомнения у ночного гостя, похоже, уже не осталось и он, нисколько не таясь, вошел в комнату.

Монтеир, не тратя время на приветствия, предложения или угрозы, схватил незнакомца за волосы и со всей силы приложил лбом об стену.

Тот попытался вывернуться из объятий зингарца, но второй и третий удары охладили его жар. Добивать гостя Монтеиро не стал, лишь удостоверился, что тот потерял сознание.

После этого бывший монах подобрал с пола чудом уцелевшую лампу, что изначально находилась в правой руке гостя. К счастью, в момент столкновения зингарца и ночного визитера она находилась в погашенном состоянии, иначе пожара было не миновать. На поясе у поверженного незнакомца обнаружилось и огниво.

— Зачем тебе здесь эти вещи? — спросил Монтеиро у бессознательного тела.

Оно ему не ответило.

В голове у зингарца зародилось одно нехорошее подозрение. Гость с очень большой вероятностью мог оказаться «лиловым». Тогда, скорее всего, лампа предназначалась для отправки тайных сообщений. Монтеиро читал о таком способе связи. Значит, зажигать свет в комнате небезопасно, но без него тоже не обойтись. Обязательно надо рассмотреть, кого это принесла сюда нелегкая в столь поздний час. Вряд ли, видение пришло бы к нему на помощь без веских на то оснований.

Монтеиро схватил тело за ноги и оттащил его в коридор, подальше от дверного проема, чтобы отблески света лампы не проникли наружу. Огонек зингарец зажег совсем слабенький, на всякий случай. Но и его хватило, чтобы различить черты лица ночного гостя.

Им оказался сам Карфот. Глава «лиловых».

«Интересно, — подумал Монтеиро. Страха или

волнения он не испытывал, наоборот был собран и полон решимости. — Что ему могло здесь понадобиться в такое время? Насколько безопасно и дальше оставаться в доме?»

Еще зингарца очень сильно смущало поведение Карфота, предшествовавшее его появлению в гостях у Монтеиро. К монаху вернулись все воспоминания из видения, обретя при этом стройность, четкость и протяженность. Глава «лиловых» явно от кого-то прятался. Не вязался с обликом зеленоглазого мага и тот ужас, что переполнял его существо с головы до пят.

«Хватит с меня стигийцев, — решил Монтеиро. — Я ухожу».

Но что-то остановило его. Некое неясное чувство, порыв. Его руки уже сомкнулись на горле Карфота, готовые оборвать нить жизни Хозяина Побережья. Но лишь затем, чтобы спустя мгновенье, вцепиться в одежду Карфота, дабы порвать её на веревки, которыми можно было бы спеленать руки и ноги мага. Затем зингарец приспособил к процессу нож, найденный за пазухой у «лилового», и дело пошло быстрее.

— Сет, — раздалось шипение Карфота. Маг понемногу начал приходить в сознание.

Но к этому времени он уже был надежно связан, а неподалеку от его правого глаза находился нож, который Монтеиро собирался погрузить в голову «лилового» при первых признаках волшбы.

Карфот, однако, быстро оценил обстановку и к колдовству прибегать не стал.

— Если не везет, — пробормотал он, — то не везет во всем.

— Что ты здесь делаешь? — спросил «лилового» Монтейро.

— То же, что и ты, — ответил Карфот. Окружающую обстановку он уже успел изучить и сейчас внимательно вглядывался в лицо зингарца. Еще изредка бросал взгляды на лампу. — Прячусь. Так что лучше убери свет. Надежней будет.

Зингарец ударил «лилового» по лицу тыльной стороной ладони. Не сильно, но ощутимо.

— Не дерзи мне, — приказал он. — И не пытайся обмануть. Для тебя это может плохо закончиться.

— Знаю, — усмехнулся стигиец. — Уже наслышан о твоих похождениях.

Теперь Монтейро нанес два удара.

— Больше предупреждений не будет, — сказал зингарец.

— Хорошо, — согласился зеленоглазый. — Я всё понял.

— От кого ты прятался? — спросил Монтейро.

— От своих же, — ответил Карфот и пояснил. — От «лиловых». Против меня выдвинули ложное обвинение в краже артефактов из сокровищницы поместья. Сфабриковано оно качественно. Большинство «лиловых» поверило в эту обманку, и сейчас они охотятся за мной.

— У тебя остались союзники? — поинтересовался Монтейро. Если зеленоглазый назовет имя Рашила, он не жилец. Лучше будет поскорее пограть ниточку, связывающую его с Хозяевами.

Карфот и толстый офицер — это те два человека, которым большего всего известно о договоре с митрианцем по имени Монтейро. Остальные о нем если и вспомнят, то в третью очередь.

— Мало, — признался маг. — Все высшие чины наверняка уже переметнулись на сторону Арзареса. Лично мне верны от силы человек пятнадцать, но связаться с ними не получится. Благодаря тебе.

Монтейро занес руку для удара, но наносить его не стал. Дал зеленоглазому возможность объясниться.

— Так получилось, — сказал Карфот, — что это место, помимо прочего еще и та точка, в которой может назначить встречу своим товарищам человек, попавший в ситуацию, вроде моей. За окнами этого дома следили. Я должен был подать серию сигналов с помощью лампы и сделать это некоторое время назад.

— Ты так уверен, что не успел? — удивился Монтейро.

— Я и так опаздывал, — ответил маг. — Поступал к самому концу описанного срока. Поэтому осторожность и утратил. Теперь с моими людьми мне до следующей ночи не связаться.

— Если я дам тебе такой шанс, — сказал зингарец.

— Думаю, мы сумеем договориться, — уверен-но произнес Карфот. — Ты ведь хочешь жить? Лично я — хочу.

— Угрожаешь? — спросил Монтейро и приблизил лезвие ножа к глазу «лилового».

Тот и бровью не повел.

— Нет, — ответил он. — Просто желаю сообщить, что завтра на тебя устроят настоящую охоту. Митрианцы преодолеют робость и обратятся к Хозяевам с официальной просьбой о твоей помику. Им не откажут. Но выдавать тебя монахам никто не будет. Ты умрешь, и вместе с тобой на Серые Равнины отправится тайна нашего маленького соглашения. Поиски начали бы уже сегодня, но Рашилу и другим посвященным нужен повод для выделения на это предприятие значительных сил.

— Звучит реалистично, — согласился Монтеиро, — но может быть и выдумкой.

— Рискни и проверь, — посоветовал Карфот.

Наказания за дерзость не последовало. Зингарец успел убедиться в тщетности своих усилий в деле перевоспитания мага.

— Если сохранишь мне жизнь, — продолжал зеленоглазый, — я проведу тебя мимо патрулей и помогу покинуть город.

— Первая часть предложения меня заинтересовала, — сказал зингарец. — Вторая — нет. У меня есть еще дела в Сартосе, но проводник мне и впрямь может понадобиться. Я должен отыскать одного человека. После того, как я встречусь с ним, ты сможешь отправиться на все четыре стороны. Устраивает? Думаю, да. Выбора у тебя нет.

— Я согласен, — Карфот не стал спорить.

— Теперь подумаем, — сказал Монтеиро, — как обеспечить твою преданность. Помни, ты читал мне лекции о служении богам. Думаю, если

ты поклянешься Сетом, это даст мне некоторые гарантии.

— Дасть, — ответил «лиловый».

— Клянись, что не причинишь мне вреда, — начал диктовать Монтеиро, — и что будешь строго придерживаться установленных договоренностей и оберегать мою жизнь.

Карфот повторил слова зингарца, присовокупив к ним имя Сета.

— И еще, — сказал Монтеиро, — поклянись не прибегать в течение следующего дня к помощи магии. Так будет надежнее. Не хочу тебя недооценивать.

— Это заметно усложнит наше положение, — попытался оспорить предложение Карфот. — Я не смогу навести даже элементарных личин. Какой тебе вред от моей магии?

— Не спорь, — скрипнул зубами зингарец. — Условия здесь ставлю я.

— Хорошо, — сказал «лиловый». — Клянусь именем Сета не колдовать следующие двадцать четыре колокола! Теперь всё?

— Нет, — ответил Монтеиро. — Теперь обязательство не сходить с этого места, пока я тебя об этом не попрошу. Мне непременно нужно спать, и я не желаю, чтобы ты в это время сбежал.

Карфот выругался, но просьбу исполнил.

Больше для Монтеиро он интереса не представлял. В данный конкретный момент. Куда важнее было посетить иллюзорный мир с осязаемой темнотой. И он отправился спать.

Воспоминаний о каких-либо сновидениях в голове зингарца на утро не обнаружилось. Однако он ощущал, что теперь способен преодолеть весь путь до незнакомца из синего огонька.

«Хорошо, что удалось заручиться поддержкой Карфота, — подумал Монтеиро. — Без него я бы, скорее всего, очень быстро попался в лапы «лиловых».

— Долго спиши, — попрекнул его зеленоглазый.

Этим утром он смотрелся более уверенным в своих силах.

— Привычка, — ответил Монтеиро и лишь спустя мгновение понял, что сказал глупость. Служителям Митры надлежало вставать с рас-светом.

Карфот улыбнулся уголком губ. Нехорошо так, с нескрываемой иронией. Похоже, он много успел переосмыслить за эту ночь.

— Ты не забыл о нашей договоренности? — поинтересовался у него Монтеиро.

— Я поклялся, — напомнил Карфот. — Можешь не беспокоиться на свой счет. Твою жизнь сегодня я буду оберегать изо всех сил. К чему торопиться? Согласившись отречься от своего бога, ты вынес сам себе смертный приговор. Митра исполнит его, когда сочтет нужным, и я не буду вмешиваться в его промысел.

— Не боишься, что я убью тебя? — спросил Монтеиро, положив ладонь на рукоятку ножа.

Бывший монах всерьез задумался, а не пустить ли его, и в самом деле, в ход.

— Я уже мертв, — усмехнулся зеленоглазый. — В этом отношении я ничем не лучше тебя. Мои шансы на спасение равны нулю. Рано или поздно «лиловые» поймают меня. Даже если Арзарес решится казнить всю верхушку тайной службы, всё равно даже среди второго эшелона отыщется немало толковых людей, способных правильно организовать мои поиски. В лучшем случае у меня в запасе два-три дня.

— Неужели не хватит сил, — спросил зингарец, — убедить Хозяев в своей невиновности?

— Арзарес не предоставит мне такой возможности, — ответил Карфот. — Он не позволит мне живым добраться до Карун-Ра или до Биреса. Нельзя его недооценивать, я уже допустил эту ошибку и теперь расплачиваюсь. Никогда бы не подумал, что он сумеет организовать это похищение да так, чтобы сомнений в моей виновности ни у кого не осталось.

— И что из всего этого следует? — руки с ножом Монтеиро не убирали. Стигиец, каким он стал, мог быть для него опасен.

— Я собираюсь поквитаться, — сказал Карфот. — Начну с того, что уведу тебя из-под носа у «лиловых». Пусть Арзарес себе голову поломает, как не позволить правде о договоре с митрианцем выплыть на поверхность. Потом еще чего-нибудь придумаю. Узнаю, кто активней всех под меня копал, и отправлю их на Серые Равнины.

— Как всё-таки переменчива судьба! — озвучил зингарец мысль, возникшую во время рассказа стигийца. — Сначала кажется, что ты ко-

роль мира, а через мгновение жизнь твоя не стоит и гроша.

— Полностью согласен! — расхохотался зеленоглазый маг. — Посмотреть хотя бы на тебя. От проклятья ты обрел спасенье, а вот от внутреннего безумия не уберегся.

— Я не сумасшедший, — произнес зингарец с громадной внутренней убежденностью. — Ты ошибаешься, «лиловый». Всё, что произошло со мной вчера, всего лишь недоразумение.

— Есть много видов помутнения рассудка, — продолжал Карфот. — Ты вовсе не обязан ходить по улицам и приставать ко всем с нелепыми предсказаниями о скором конце света или пускать слюни себе на рубаху. Главное это то, что гибнет твоя личность. Внешние проявления не столь важны, хоть и любопытны. Поверь мне, зингарец, ты стал совершенно другим человеком. Прежний Монтейро умер, его разум не выдержал переживаний. А быть может это Митра постаралася, не исключаю такого варианта. И теперь...

— Заткнись! — бывший монах в два шага преодолел расстояние до стигийца и приставил кинжал тому к горлу. Зубы зингарца были скаты в оскале, подобном звериному. В глазах читался страх.

Монтейро чувствовал, что маг говорит правду. На смену его старой личности приходила новая, и он ничего не мог с этим поделать.

«Чушь! — мысленно воскликнул зингарец и в отчаянье замотал головой. — Всё со мной в порядке. Просто переволновался».

— Кто тот человек, которого мы собираемся искать? — Карфот, казалось, не замечал кинжала. — Ты его знаешь?

Сам того не желая, зеленоглазый маг даровал зингарцу желанное успокоение. Монтейро вернулся воспоминаниями к огоньку, сиявшему в тьме. Этой ночью он преодолел весь путь. Так и днем он отыщет того человека, и тогда всё будет, как прежде. Нет, Карфот не прав — Монтейро жив! Ему тяжело, но он обязательно справится и обретет спасение.

— Не твоё дело, — мрачно ответил Монтейро. Кинжал он засунул за пояс. Больше нельзя позво-лять этому стигийцу выводить себя из равнове-сия.

— Где его искать, — сказал Карфот, — я так полагаю, ты мне тоже не скажешь?

— Оставь свои намеки, — в голосе зингарца явственно чувствовалась угроза. — Я не гоняюсь за фантомом, рожденным моим болезненным сознанием. Однако приводить доказательства и убеждать тебя в чем-либо я не намерен. Просто запомни: еще один такой выпад, и ты покойник.

Карфот ничего не ответил, лишь кивнул головой. Монтейро показалось, что сделал он это, чтобы скрыть свою извечную ехидную ухмылку.

— Достаточно бессмысленного словоблудства, — сказал зингарец. — Отправляемся в путь, я укажу направление.

— Не спеши, — попридержал его порыв зеленоглазый. — Выйти в город без подготовки значит передать себя в руки моих бывших подчи-

ненных. Магией ты мне запретил пользоваться, но к счастью у меня кое-что припасено на случай вроде этого.

Монтеиро ждал продолжения. По тону стигийца он понял, что время шуток и острот прошло. Карфот сейчас вполне серьезен.

— Одолжи мне ножичек, — сказал маг. Зингарец после небольшой паузы протянул ему кинжал. «Лиловый» подошел к дивану, на котором провел эту ночь Монтеиро, и аккуратно вскрыл лезвием обшивку. Внутри под слоем соломы обнаружился целый ворох одежды. — Сейчас подберем пару вещичек понеприметней для меня и что-нибудь яркое для тебя.

— Зачем яркое? — не понял Монтеиро.

— Ты свою рожу когда последний раз видел? — и вновь Карфоту не удалось скрыть иронии. — Со времени нашего знакомства она претерпела значительные изменения. Узнать тебя, конечно, можно, но с трудом. А словесным портретам ты вообще практически полностью соответствовать перестал.

— Отчего это? — со страхом спросил зингарец. Хоть он сердцем и чувствовал, что всё происходит так, как должно происходить, но головой понимал, что это ненормально.

— Причин много может быть, — холодно ответил Карфот. Монтеиро показалось, что стигиец и впрямь воспринимает его как ходячего покойника. — Я думаю изменения во внешности связаны с тем же, что вызвало помутнение твоего рассудка. Впрочем, ты просил не затрагивать эту тему.

Тут стигиец как-то странно воззрился на Монтеиро. Тот от удивления даже шаг назад сделал, но потом взял себя в руки и вернулся на оставленную позицию.

— А ведь ты мне кого-то напоминаешь, — объяснился «лиловый». — До боли знакомая рожа, но никак не могу вспомнить, где её видел. Обычно со мной такого не случается. Странно...

— Не думаю, что это сейчас так важно, — сказал Монтеиро.

— Ты прав, — неожиданно быстро согласился Карфот. — Вернемся к теме одежды. Наряд тебе следует подбирать, исходя из того, что опознать теперь тебя можно, только если долго к тебе приглядываться. На блистающего модной рубахой щеголя внимание редкий «лиловый» обратит. Со мной же картина обратная. Я затеряюсь смогу, слившись с окружающим пейзажем.

— На моем фоне не получится, — резонно заметил Монтеиро.

— Разумеется! — принял довод зеленоглазый. — Но нам и не обязательно всё время находиться вместе. Ты будешь двигаться чуть впереди, я сзади. Если тебе удастся миновать дозор, то и я спокойненько мимо него проскользну. В случае же опасности приду тебе на выручку. Либо словом, либо кинжалом. Надеюсь, ты мне его оставил. Так пользы будет больше.

— Хорошо, — ответил зингарец. Клятве «лилового» он верил.

Примерно треть колокола Карфот занимался подбором надлежащей одежды. На себя четыре

рубахи и две пары штанов успел примерить, а на зингарца так вообще в два раза больше. Тот держался из последних сил, но держался. Когда с нарядами было покончено, «лиловый» приступил к преобразованию собственного лица, посредством хранившихся по соседству с тряпками кремов, порошков и прочих красителей. Монтеиро решили к наложению грима не привлекать. От добра — добра не ищут, тот и так на себя прежнего слабо походил.

— Всё-таки очень у тебя лицо знакомое, — вздохнул стигиец.

— Может, хватит? — попросил его Монтеиро.

— Хорошо, — кивнул «лиловый». — С подготовкой покончено, пора приступать к активным действиям.

На улицу первым вышел Карфот. Убедившись, что всё в порядке и заслонов поблизости не наблюдается, подал знак зингарцу, чтобы тот к нему присоединялся.

Дальше двигались по согласованному в доме плану. Впереди шел Монтеиро. Не скрываясь, важно, по середине улицы. Пытался соответствовать образу. Карфот предупреждал зингарца, чтобы тот не волновался, если его остановят «лиловые». Это даже к лучшему, говорил он, вступить в контакт всё равно придется и лучше раньше, чем позже.

Несколько раз Монтеиро оборачивался, хоть Карфот и умолял его этого не делать. Стигийца позади видно не было. Мало того, зингарец не мог разглядеть даже следов, как-то указывающих

на его присутствие. В душу Монтеиро закрадывались сомнения, уж не дал ли «лиловый» деру, однако бывший монах неизменно себя одергивал, вспоминая о принесенной клятве и том, что его случайный товарищ истинный мастер своего дела. Он где-то здесь, просто прячется. Очень хорошо прячется.

Карфот напомнил о себе, когда Монтеиро уже приближался к границе бедняцкого района.

— Монтеиро, — раздался шепот из окна полуразвалившегося дома. Голос принадлежал стигийцу. — Лезь сюда.

Зингарец не стал понимать совет буквально и вошел через дверь.

— Смотри, кого я заловил, — похвастался Карфот, указывая мыском на двух избитых бессознательных людей. — Молодчики эти тебя пропустили, а вот я от соблазна вызвать их на откровенный разговор не удержался. Тем более место подходящее, домов пустующих полно.

— Уже поговорили? — спросил Монтеиро.

Сказать по правде, его захваченные «лиловые» не сильно интересовали. В сознании зингарца начал вырисовываться путь, открывшийся ему этой ночью. Он уже находился на грани перемещения в иллюзорный мир, чувствовал его соприкосновение с реальностью. Еще один шаг, и он уже там.

Но Монтеиро помнил и об осторожности. Чудо, что вчера он не лишился жизни из-за своей нерассудительности. Повторять прошлые свои ошибки зингарец не собирался. Он будет дер-

жать себя в руках, сколь бы ни был велик соблазн махнуть рукой на всё и устремиться на встречу иллюзии.

— Нет, — сказал Карфот и, прислонив одного из пленников к стене, стал отвешивать ему пощечины. Тот застонал и начал медленно приходить в себя. — Решил дождаться тебя. Послушай, что скажут. Аишним не будет.

— Пожалуй, — ответил Монтеиро.

Зеленоглазый окатил пленника водой из отобранной у него же фляги. «Лиловый» фыркнул и очнулся окончательно.

— Признаешь, ублюдок? — поинтересовался у него Карфот.

Пленник попытался ответить, но вместо слов изо рта пошла кровавая слюна вперемешку с осколками зубов. Карфот протянул ему флягу и велел «промыть свою поганую пасть».

— Теперь говорить можешь? — спросил зеленоглазый по завершению процедуры.

— Да, — сказал пленный.

— Вот и отлично, — порадовался маг. — Сейчас и расскажешь нам с другом-митрианцем о последних полученных приказах. И, вообще, новостями поделишься.

— В живых оставил? — с надеждой спросил «лиловый».

— Ишь ты, размечтался! — хмыкнул Карфот. — Что-то я не помню тебя среди моих ближайших сподвижников, а это, дружок, уже смертный приговор. Ты же сразу о случившемся докладываться побежиши. К чему мне свидете-

ли? А вот легкую смерть я тебе пообещать могу. Это если всё честно расскажешь. Если нет, придется помучиться. Веришь, что я могу заставить тебя боль испытывать, или тебе пример нужен?

— Верю, — дрожащими губами произнес пленник. Страх его перед бывшим начальником, казалось, был столь велик, что парень готов был расплакаться.

— Значит, беседа состоится? — уточнил Карфот.

— Состоится, — вновь однозначно ответил пленник.

— Что же ты так немногословен? — зеленоглазый маг тоже обратил внимание на этот момент. — Мне это очень не нравится. Ведь тебе предстоит подробно поведать мне обо всем. Ну-ка, соберись.

После этих слов Карфот улыбнулся и стал выжидавше смотреть на парня.

— Я буду говорить так, — сказал тот, отводя глаза, — как вы того пожелаете.

— Знаешь, — продолжал Карфот. — Еще мне не нравится нездоровое дрожание твоего голоса.

Пленник сжал зубы, попытался сконцентрироваться. Монтеиро, однако, подозревал, что ему сейчас ни что не поможет избавиться от предательской дрожи.

— Ладно, — сказал зеленоглазый, — потерплю. Но на твоей участи это с положительной стороны не отразится.

— Я жить хочу, — взмолился парень. В этот момент зашевелился второй пленник.

Карфот схватил его за волосы и приложил головой об пол, не очень сильно, чтобы не прикончить ненароком.

— Давай, не будем терять время на глупости, — обратился он к допрашиваемому. — Не принуждай меня к излишней жестокости. Отвечай, какие перестановки произошли в руководстве!

— За главного теперь Арзарес, — ответил парень. Ему вроде бы удалось слегка успокоиться. — Приказы исходят непосредственно от него. Он завязал всю службу непосредственно на себя, устранил все промежуточные звенья, какие только мог.

Карфот нехорошо посмотрел на пленника, затем схватил его правую руку, прижал её к полу и коротким движением ножа отрубил мизинец и безымянный палец.

Несчастный парень заорал. Из глаз брызнули слезы.

— За преданность надо платить, — сказал ему зеленоглазый. — Но не надейся, это всего лишь предупреждение, напоминание о цене. Ты понял меня?

— Понял, — процедил сквозь зубы пленник. Ненависть ненадолго одолела в нем страх.

— Злишься, ублюдок? — спросил Карфот. — Считаешь себя невинно обиженным? А теперь представь каково мне. Я жизнь своему служению посвятил, а меня предали, с грязью смешали. Как я должен со своими врагами поступать? Или с их пособниками, вроде тебя?

Монтейро внезапно понял, что всё это зеленоглазый говорит для себя. Оправдаться перед собой пытается или ненависть распалить, а быть может и то, и другое. Жалко «лиловому» пареня, но обида всё же сильнее. Или нет?

Вновь зингарца посетила мысль, что Карфот может быть для него опасен. Предать он не предаст, но в самый неподходящий момент может поддаться сомнениям и тем самым погубит и себя, и Монтейро.

И тут же поколебалось равновесие окружающего мира, исчезли ориентиры. Темнота, огонек, человек, иллюзорный мир — они долго ждали, и вот наконец получили свой шанс. Монтейро ощущал, как преображается реальность. Звуки, запахи, цвета — всё становилось иным.

«Нет! — мысленно осек себя зингарец — Рано, еще рано. Я должен держаться, иначе мне не дойти. Один, без Карфота, я не справлюсь, меня неизменно схватят. А это конец».

Тогда иллюзорность отступила. Не исчезла, а просто отошла в тень и застыла там в ожидании.

Из-за этой внутренней борьбы Монтейро упустил часть разговора Карфота с его бывшим подчиненным. Но похоже, что ничего важного. Сейчас «лиловый» перечислял имена и посты.

— Что с Рашилом? — спросил Карфот, когда парень закончил со списком назначенцев. — Он перебежал к Арзаресу?

— На словах — да, — ответил пленный «лиловый». — Как на самом деле, никто не знает.

Монтейро думал, что зеленоглазый сейчас со-

творит очередное членовредительство, но тот лишь расхохотался. Добродушно.

— С ним всегда так, — сказал он. — Загадочный человек, но работник хороший.

Тут Карфот запнулся. Видимо, хотел еще что-то сказать о своей службе, но поймал себя на мысли, что всё это в прошлом. И загрустил. И замолчал.

— Это неправда? — нарушил тишину пленник. На искалеченную руку он старался не смотреть. — Та кража, в которой вас обвинили?

— Нет, конечно, — рявкнул Карфот.

— Вернитесь тогда в поместье, — убежденно произнес парень. — Карун-Ра во всем разберется, виновных найдут и накажут.

Зеленоглазый маг не отвечал, думал. Глядел при этом куда-то в пустоту и вздыхал изредка, словно давая понять окружающим, что еще жив.

А иллюзорная реальность покинула своё убежище и изготовилась к очередной атаке. Монтеиро понял, что не сможет её отразить. В его силах лишь было отодвинуть срок окончательного погружения в иллюзорный мир. И то ненадолго, уже сейчас он видел огни призрачного океана бытия.

— Не могу, — сказал Карфот. — Не пройду, не пробьюсь, не сумею. Только лишу себя возможности отомстить. Лучше уж так, как сейчас.

— Но почему?! — воскликнул пленник.

За свою горячность он расплатился еще одним пальцем.

Его вопль ненадолго вернул Монтеиро в при-

вычный мир. Но вот минуло несколько мгновений, и вместо рыдающего юноши возник язык алого пламени. Хорошо хоть внутри просматривались контуры искалеченного «лилового». И способности воспринимать речь зингарец пока не потерял.

— Не пытайся заговорить мне зубы, — предупредил пленника Карфот.

— Я ничего не пытаюсь, — сквозь слезы произнес парень. Нож, вновь приставленный к руке, заставил его завершить на этом фразу.

— Теперь поговорим о приказах, — предложил Карфот.

— Вас велено доставить в поместье, — ответил пленник, — живым или мертвым. Предпочтительно, живым.

— Как и ожидалось, — сказал зеленоглазый маг. — Какие-нибудь дополнения были? Полуофициальные.

— Нет, — покачал было головой парень, а потом добавил. — Только степень опасности Арзарес назначил шестую.

Карфота проняло. Он даже присвистнул.

— Ничего себе! — восхитился он и пояснил для Монтеиро. — Магу уровня Тот-Амона и то определили бы только пятую. И как они меня живым брать собирались?

Пленный «лиловый» хотел попытаться ответить, но потом сообразил, что вопрос риторический.

— А с митрианцем-то что? — поинтересовался Карфот.

— С каким? — дрожащим голосом произнес пленник, полагавший, что за недогадливость его накажут.

Но Карфот решил проявить терпение.

— С этим, — сказал он и указал на Монтеиро.

Парень вылупился на зингарца полными страха глазами. Смотрел долго, но узнавание во взгляде так и не промелькнуло.

— И что с ним не так? — решился еще на одну отчаянную реплику пленник.

Эффект вышел, однако, обратный тому, который он ожидал. Карфот расплылся в довольной улыбке.

— Ты так и не понял, кто перед тобой? — спросил он.

Парень замотал головой из стороны в сторону. Произнести вслух еще одно отрицание сил уже не оставалось.

— Монтеиро, — обратился к «лиловому» Карфот, — это имя тебе что-нибудь говорит?

Вместо ответа парень обернулся к зингарцу, и теперь чувствовалось, что он сумел соотнести описание Монтеиро с представшим перед ним человеком.

— Его не узнать, — не удержался от восклицания пленник. — Магия?

— Нет, — не счел нужным врать смертнику зеленоглазый. — Он тебе никого, кстати, не напоминает?

— Не знаю, — ответил «лиловый». — Черты лица чуть более стигийские, что ли, чем на портрете, который нам показывали. Больше ничего

сказать не могу. С ним нам приказали не церемониться, живым даже и не пытаться брать. Разве что в темный уголок отвести, где прикончить сподручнее.

— Чьё именно распоряжение? — спросил Карфот.

— Рашила, — сказал пленник, — но Арзарес одобрил.

— Куда уж без него! — фыркнул зеленоглазый.

Иллюзия отвоевывала для себя всё новые и новые участки в мироощущении Монтеиро. Чтобы сохранить хоть минимальный контроль над своим рассудком, зингарцу пришлось сосредоточить почти всё своё внимание на внутренней борьбе. Он слышал, как Карфот о чём-то спрашивал пленника, слышал ответы на вопросы, но всё это представлялось ему лишь бессмысленным набором звуков.

Вскоре начались проблемы и со зрительными образами. Фигуры, облеченные в языки пламени, постепенно утрачивали четкость. Последним, что Монтеиро удалось различить, было то, как Карфот лишил жизни своего бывшего подчиненного.

Зеленоглазый маг сдержал обещание. Он нанес смертельный удар в тот момент, когда парень этого не ожидал. Он не успел ничего понять, да и практически ничего не почувствовал. Пламя его жизни опало очень ровно. На зингарца в этот миг снизошло некое необъяснимое умиротворение.

Очертания реальности таяли теперь с неверо-

ятной скоростью. Монтейро понял, что продолжать схватку бессмысленно. Иллюзия гнала его к человеку из грез, не оставляя иного выбора, кроме как следовать зову. И он смирился.

Монтейро отступил на шаг от пламени, бывшего Карфотом, что склонилось над пламенем пленника. Призрачный мир словно почувствовал готовность зингарца сотрудничать и предоставил ему маленькую поблажку. К Монтейро частично вернулся слух. Он смог различить интонации Карфота, допрашивающего второго «лилового». Зеленоглазый был разгневан; этот пленник оказался более стойким. О Монтейро бывший глава тайной службы, похоже, и думать забыл. Тогда зингарец продолжил своё движение к выходу из дома.

Оказавшись на улице, Монтейро не смог сдержать восхищенного вздоха. Мир превратился в мириады сверкающих огней. Часть из них сохранила неподвижность, другие выделявали в воздухе самые невообразимые пируэты. Звуки, окружавшие в тот миг Монтейро, не были звуками человеческого мира. Голоса исходили отовсюду и ниоткуда одновременно. Они пели, смеялись, плакали, щебетали, жужжали и не делали ничего из вышеперечисленного. Для описания происходящего просто не нашлось бы слов ни в одном из человеческих языков.

Монтейро не решался сдвинуться с места, боясь обрушить это великолепие. И тогда иллюзия сама выстроила для него путь, по которому зингарцу надлежало следовать. Тысяча оранжевых и

красных огоньков сорвалась с небес, чтобы пасть под ноги бывшему монаху, образовать для него дорогу, ведущую к человеку, что так долго его ждал.

Течение времени в иллюзорном мире ощущалось иначе. Привычные ориентиры отсутствовали. Лишь наблюдая за перемещениями языков пламени, что в реальности были людьми, можно было отслеживать скорость временного потока. Потеряв зрение, слух, обоняние и осязание, Монтейро вернул себе свою волю. Он осознано следовал на зов человека из грез. Он помнил, что может не дойти, если не будет соблюдать осторожность.

Зингарец сознавал свой шаг по дорожке из огней с тем, как двигались другие люди. Он старательно избегал их крупных скоплений, но и не шарахался в сторону от каждого встречного. Проблем не возникало, и Монтейро уверился в мысли, что подобная тактика принесет ему успех.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное. К Монтейро начали постепенно возвращаться утраченные чувства, хотя никаких видимых предпосылок для этого не имелось. Зингарец точно знал, что цель путешествия еще достаточно далека, преодолел он только две третьих пути.

«Значит что-то другое, — насторожился Монтейро. — Иллюзия сегодня более живая, чем вчера. С неё стало бы и предупредить об опасности».

Если это действительно так, то впереди таится нечто серьезное. Мелких поводов для волнения во время путешествия наверняка набралось с два десятка, но мир ради них не менялся.

Однако постепенно первоначальное волнение начало сходить на нет. В Монтеиро укрепилась вера в то, что иллюзия не просто укажет ему на опасность, но и поможет её преодолеть.

Каждый следующий шаг зингарца был шагом из мира призрачных огней в мир реальный. Уже не языки пламени шествовали навстречу Монтеиро, а погрязшие в повседневных делах и заботах жители Сартоса. Под ногами уже не устилась переливающаяся красками дорожка, но чувство направления, к счастью, не исчезло.

Подсказала ли ему иллюзия, на кого следует обратить внимание, или он сам не сплоховал, зингарец так и разобрался. Очевидным было лишь то, что трое «лиловых», находившихся от него шагах в десяти, готовились отправить его на Серые Равнины. Таиться они не собирались. Мечи всех троих уже покинули ножны.

Самый высокий из троицы первым сделал шаг навстречу зингарцу.

Монтеиро хотел испугаться, но не успел.

Сознание его раздвоилось, а время стало двигаться со скоростью черепахи.

Первый Монтеиро сделал шаг вперед, навстречу своему противнику.

Второй, поразившись происходящему, повторил его маневр.

Стигиец на миг замер, удивленный тем, что

безоружный человек не стремится уклониться от боя, но потом продолжил наступление.

Первый Монтеиро сблизился с ним, плонул в глаза и попытался сбить с ног. «Лиловый» успел отскочить и нанес колющий удар мечом. Он достиг цели. Первый Монтеиро свалился пораженный в сердце у ног своего противника.

Второй Монтеиро внимательно наблюдал за схваткой. Конечно, он мог и не повторять не принесшей успеха подсечки, но предпочел рискнуть. Вновь стигиец увернулся и вновь атаковал колющим ударом. Но на этот раз он пришелся в пустоту. Ускользнувший в последний момент от разящей стали, второй Монтеиро ударили своего противника кулаком по носу. Тонкая косточка хрустнула внутри черепа стигийца и пробила его мозг. Второй Монтеиро усмехнулся. Он впервые применил этот прием на практике, до этого ему удавалось лишь лицезреть его.

Следующий «лиловый» двинулся навстречу бывшему монаху, желая исполнить приказ и отомстить за своего товарища. Третий стигиец замер в нерешительности. Зингарец чувствовал его страх и радовался ему. Атакуй они вдвоем у них еще оставались бы шансы, а так...

Первый Монтеиро, что ожидал сразу же после смерти своего палача, вынул меч из руки мертвеца и вступил в сражение с «лиловым». Стигиец оказался превосходным фехтовальщиком. Меч воистину был продолжением его руки. Первый Монтеиро держался достойно, но недолго. Слишком уж неравными были силы.

Второй Монтеиро предпочел не рисковать. Этот противник был опасен. Зингарец помнил все движения меча «лилового», но ему хватило бы и одного. Того, которым он отвел первый удар его предшественника. Достаточно было направить меч чуть-чуть левее, и вот уже второй стигиец спешит на свидание к Нергалу.

Последний «лиловый» всё-таки решился напасть. Следовало отдать ему должное, он был быстр. Стигиец оказался рядом с Монтеиро, когда тот доставал меч из груди его товарища.

Не тратя времени на подготовку, слуга Хозяев с ходу сделал выпад. Первый Монтеиро чудом успел увернуться от клинка. Тут же на него обрушился рубящий удар сверху. Блок. Слева. Нырок в сторону и попытка контратаковать. Но стигиец читает этот маневр и легко ускользает от меча зингарца. Первому Монтеиро приходится несладко, но не потому что «лиловый» хороший фехтовальщик, его предшественник был куда мастеровитее. Всё дело в том, что зингарец сам стал невероятно тяжело двигаться. Он был столь медлителен, что кажется, будто стигиец порхает вокруг него, как невесомый мотылек. Умер первый Монтеиро в тот момент, когда второй понял, что видит перед собой искаженную картину боя, которой повториться не суждено. Он будет действовать иначе, равно как и его противник.

Второй, и теперь уже единственный Монтеиро, постарался достать стигийца первым же ударом после его выпада. Но тот успел закрыться. Он действовал в том же стиле, что и против-

вого Монтеиро, но всё же чуть-чуть иначе. Предположение об искажении оказалось верным. Теперь оставалось только сражаться самому или умереть. Второй вариант представлялся Монтеиро куда более вероятным, и он начал паниковать. Так не должно было закончиться!

«Лиственный» почувствовал, что с его противником что-то не так и усилил натиск. Дважды его меч ранил зингарца, но не сильно. Монтеиро даже не замечал этих порезов. Он изо всех сил старался вернуть к жизни своего двойника. Лишь с ним он связывал надежды на спасения. Однако все усилия были тщетны. Меч стигийца всё ближе и ближе подбирался к своей цели. Тогда Монтеиро понял, что конец неизбежен. Он проиграл. Еще два-три удара он отведет, а потом смерть.

Но вдруг ни с того, ни с сего стигиец начал медленно оседать на землю. Не сразу Монтеиро различил торчащий из его живота стальной кончик кинжала. В последний момент Карфот успел прийти ему на выручку.

— Скорее, уходим! — крикнул зеленоглазый. — Сейчас сюда «лиловые» со всего города сбегутся!

Не давая времени ответить, Карфот схватил Монтеиро за руку и поволок в один из переулков. Потом они пробежали шагов двадцать по параллельной улице, чтобы затем, протиснувшись в щель между домами, выйти в переплетение дворов, засаженных абрикосовыми деревьями.

Ни на миг Карфот не позволял Монтеиро сбить темп. Погони не было не видно и не слыш-

но, но это не означало, что её нет. Зингарец это прекрасно понимал, а потому тупо следовал за зеленоглазым, полагая, что тому лучше знать, где можно спрятаться.

Миновав сад, пару улиц, пробежавшись по крыше сарай, Карфот и Монтеиро наконец укрылись в старом бревенчатом курятнике. Вонь здесь стояла невыносимая, да и бесконечное кудахтанье действовало на нервы.

— Вроде оторвались, — сказал Карфот, отдохнувшись. — Вряд ли они станут тебя здесь искать, а меня, надеюсь, опознать не успели.

— Я должен тебя поблагодарить, — признал Монтеиро. — Ты спас мне жизнь.

— Расскажи, что с тобой произошло, — попросил зеленоглазый. Из его голоса напрочь исчезло привычное ехидство. Наоборот, ощущалось некое благоволение, — после того, как ты исчез.

Монтеиро собирался послать Карфота с его просьбами Нергалу прислуживать, но передумал. Маг спас ему жизнь, почему бы не проявить к нему великодушие.

— Это вроде одного из тех видений, — сказал Монтеиро, — вызванных митрианским проклятьем. И всё-таки нечто иное. Во сне я вижу темноту, а в ней того человека, которого стремлюсь отыскать. Чтобы найти его в реальности, я должен был найти его и во тьме. Сегодня ночью мне удалось это сделать, и путь открылся передо мной. В том доме, куда ты завел «лиловых» на меня накатило непреодолимое желание немедля отправиться в дорогу. Мое зрение изменилось. И

слух. Наш мир стал для меня подобен тьме, в которой я следовал по дороге из красных и оранжевых огоньков, а потом я встретился с этими трёхмя и...

— Постой, — перебил его Карфот. — А то, что происходило до этого?

— И что же происходило до этого? — не понял Монтеиро.

— Ты не знаешь? — изумился зеленоглазый.

Конечно, его удивление могло оказаться и дёланым, но ситуация слабо располагала к розыгрышу спектаклей.

— Рассказывай, — то ли приказал, то ли попросил Монтеиро.

— Когда я прикончил первого пленника, — сказал Карфот, — то обернулся посмотреть, как ты на это отреагировал. Мне еще тогда насторожиться стоило. Взгляд у тебя совершенно пустой был, но я решил, что так даже лучше — не станешь в наш разговор вмешиваться. А потом я этой самой беседой чересчур увлекся, парень крепкий оказался да еще смекнул, что я магией почему-то пользоваться не могу. Долго он держался, но я ему в конце концов язык развязал. Самое обидное, ничего нового он мне не рассказал. И тут выясняется, что тебя к тому моменту уже и след простишь. Какими я словами тогда себя только не крыл?! Но, как выяснялось, напрасно. Буквально через пару кварталов я тебя нагнал. Двигался ты, похоже, по первости совсем не быстро или запутал в темноте своей. Сначала хотел тебя окликнуть, но потом передумал. Ре-

шил проследить, вдруг тебя магией заманивают. Тут мне вспомнилось, что клятвы не определять наличие волшбы ты с меня не брал. Процесс этот не на магии основан, а на определенных способностях человеческого сознания, развитых при помощи регулярных тренировок.

— Зря я скупился в формулировках, — посетовал Монтеиро, хотя особого сожаления в голосе не слышалось.

— Зря ты на магию запрет наложил! — ответил Карфот. — Сейчас бы мои способности нам обоим очень сильно бы пригодились. Когда я твою ауру проверил, меня чуть удар не хватил. Вокруг тебя образовалось сильнейшее магическое поле. Похоже, что твоя темнота — это заклятье, созданное магом, каких в Хайбории единицы.

— И что же это за волшба такая? — Монтеиро постарался не выдать охватившего его волнения. Слова Карфота очень походили на правду.

— Проводник, я полагаю, — сказал зеленоглазый. — Если то, что ты рассказал о своих снах, правда. Подробностей я не знаю, а потому могу только предполагать, что некий могущественный маг сначала испытал тебя, а теперь призывает к себе. Зачем-то ты ему нужен.

— То, что я изменился, — сейчас Монтеиро, вспоминая вчерашний разговор с Карфотом, признавал правоту мага. Его личность претерпевала столь значительные метаморфозы, что на них нельзя было не обращать внимания. Зингарца это пугало. А еще он знал, что пройдет совсем немного времени, и он вновь будет воспринимать

все изменения, как должное. Но пока в нем живо желание бороться и добиваться правды, он будет искать ответы на вопросы, — может быть связано с этим заклятьем?

Глава «лиловых» задумался.

— Наверное, да, — ответил он. — Но не совсем в том смысле, который ты подразумеваешь. Изменение могло быть тем условием, без которого ты не преодолел бы путь во тьме, не прошел бы испытания. Вполне возможно, что ты именно под влиянием необходимости достичь той своей цели и преобразовывал себя. Как — не знаю. Всё это очень сложно. Волшба, что вела тебя по Сартосу, хоть и сильна, но узор её сплетен очень хитро.

— Так что же всё-таки случилось? — Монтеиро поспешил вернуть Карфота к основной теме разговора. Волнение за судьбу собственной личности постепенно отступало. — Что-то связанное с заклятьем?

— Да, — сказал зеленоглазый маг. — Оно не только вело, но еще и охраняло. Такого я на своем веку еще не видел. Первый пост «лиловых» ты миновал незамеченным, ну и я вслед за тобой проскочил, хотя хотелось задержаться, прикончить одного молодчика, дружка Арзареса. Со вторым та же историю. А вот на третьем и начались приключения. «Лиловые» тебя опознали и двинулись на перехват. Я только собирался вмешаться, как один из них поскользнулся и упал на собственный кинжал, толкнув при этом второго под колеса проезжавшей мимо телеги. Последний заклятье какой-то попытался сотворить, но в сло-

вах запутался и самого себя магией и приложил. Насмерть. А ты этого вроде даже и не заметил, как брел неспешным шагом, так и продолжал.

— В темноте этого не отразилось, — сообщил зингарец.

— Или это, или твоей выдержке можно позавидовать, — усмехнулся Карфот. — Следующий пост твое заклятье также быстро и надежно пропроводило на Серые Равнины, а на четвертом дало сбой. Четверых убило, а вот пятом удалось уйти. Думаю, спасло его то, что он не рвался тебе вредчинить. Посмотрел на гибель товарищей и деру дал. Тех троих, что тебя с мечами встречали, именно он предупредил. Сейчас еще где-нибудь докладывается. Но это пустяки, главное, что ты и без магии «лиловых» порубить смог. На помочь я к тебе опаздывал.

— Ошибаешься, — сказал Монтейро. — Заклятье по-прежнему действовало, просто несколько иным образом. В конце только ослабло немножко.

Карфот покачал головой.

— Поверь мне, — сказал он, — то поле, в котором ты находился, распалось незадолго до начала драки. Если бы я это не почувствовал, то и вмешиваться бы не стал из опасения ненароком от твоей защиты подарок получить.

Монтейро задумался, решая стоит ли рассказывать Карфоту о своих двойниках и поединках, что они проводили. В итоге счел, что ни к чему ему об этом знать. Кто знает, как жизнь обернется? А зеленоглазый, он, из каждой мелочи пользу извлечь сумеет.

— Ну, значит, — ответил зингарец, — и вправду я сам с ними сладил.

Уголок рта у стигийца слегка дернулся, словно тот хотел улыбнуться, но сдержался. Не поверил. Ну, и Сет с ним!

— Долго нам тут стоять придется? — спросил Монтейро. — Вонь дикая, задохнемся ведь скоро.

— Путь сможешь указать? — спросил «лиловый».

Монтейро закрыл глаза и попытался представить себе дорожку из оранжевых и красных огоньков. Но вместо видения пришло простое осознание того, что надлежит двигаться на восход. Путь исчез, но отпечаток его навсегда остался в голове зингарца.

— Да, — ответил он. — Мы почти у цели. Четверть колокола и доберемся.

— Тогда пошли, — сказал Карфот. — Знаешь, мне тоже захотелось повидаться с этим твоим неизнакомцем из грез. Быть может, он и моей беде сумеет помочь.

— Быть может, — ответил Монтейро, а сам подумал, что по прибытию на место с «лиловым» нужно будет непременно разделаться. Он не собирался делить внимание человека из тьмы с какой-то ищечкой.

На улице Карфот преподнес зингарцу очередной неприятный сюрприз. Вместо оговоренного восходного направления, маг повернул на полночь. Монтейро немедленно потребовал объяснений.

— Здесь совсем неподалеку, — заговорщицким

тоном произнес Карфот, — есть еще одна наша склонка. Не всех «лиловых», а, так сказать, избранных. Вроде дома, где мы ночевали. Ну, я тебе рассказывал. Но в том месте, куда я тебя веду не только убежище располагается, там еще и шикарный алхимический склад имеется. Запасались на тот случай, если вдруг магией не с руки пользоваться будет.

— Зачем?! — гневно спросил Мондейро.

— Не пройдем мы без маскировки, — вздохнул Карфот. — Сетом клянусь, не пройдем, если не повезет нам, как в жизни никому не везло.

— Не думаешь, что там засада? — поинтересовался зингарец.

— Если что и было, то сняли, — ответил зеленоглазый маг. — Всех «лиловых», что поблизости располагались, на твои поиски отрядили. Надо рискнуть.

— Хорошо, я согласен, — сказал зингарец. — Веди.

Склад, и правда, оказался в двух шагах. В голову Мондейро закрались подозрения, что не просто так Карфот в этот курятник прятаться побежал. Хотел «лиловый» в своем тайном убежище побывать, вот и забрался поближе к нему. Наверняка, и в том саду с абрикосами от погони укрыться можно было. Но это дело прошлое.

— Что-то тихо здесь, — задумчиво произнес «лиловый», глядя на неказистое одноэтажное здание, в котором находилась склонка.

Мондейро прислушался, но ничего такого не заметил. Птицы поют, насекомые журчат, с со-

седних улиц голоса человеческие доносятся. Слишком мнительным Карфот стал. Не ко времени это.

— Я один пойду, — сказал зеленоглазый. — Жди меня на этом месте.

Зингарец собирался возразить, но Карфот ему не позволил.

— И не спорь! — велел он и направился к складу.

Слушаться приказов мага Мондейро, разумеется, не собирался. Нельзя позволять стигийцу бесконтрольно запасаться алхимическими снадобьями, которые он может исхитриться и применить против него. Дождавшись когда Карфот скроется за дверью, зингарец двинулся следом.

Ступал бывший монах мягко, аккуратно, стараясь, чтобы «лиловый» не рассыпал его шагов. К счастью, внутри домик оказался еще меньше, чем это представлялось снаружи. От входной двери шел узкий коридор, направо было ответвление к кухне, налево к крохотной комнатке неизвестного назначения. Путь Мондейро лежал прямо, к комнате, вход в которую прикрывало толстое синее полотнище. Из-за него доносился приглушенный голос Карфота. Слов зингарец разобрать не мог.

Немного постояв перед тканью, дабы убедиться, что никто не заметил его появления в доме, Мондейро слегка сдвинул в сторону полотнище и заглянул внутрь комнаты.

Там царил настоящий хаос. В тусклом свете двух лампад зингарец сумел различить тысячи

стеклянных осколков на полу, погруженных на полфаланги пальца в маслянистый раствор сизого цвета. На поверхности его плавали стебельки, листики, корешки, листья бумаги и остатки порошков, что не желали стать составной частью жидкости. Еще в комнате находилось шесть мертвцевов. Тела их были обезображенены до неузнаваемости, отличить их друг от друга возможным не представлялось. Похоже, многие алхимические составы перед тем, как оказаться на полу, успели засвидетельствовать своё почтение лицам мертвцевов.

Карфот замер на коленях посреди комнаты и плакал. Его не пугало то, что маслянистый раствор касается его кожи. То ли он знал, что смесь не имеет силы, то ли ему было всё равно.

Монтейро стоял не в силах стронуться с места. Он даже не решался сделать щель пошире или же наоборот задернуть ткань. В груди зингарца неприятно покалывало. Он не сразу распознал это чувство, словно оно было и не его вовсе. Звалось оно жалостью.

Монтейро явственно представлял себе, как мучились эти шестеро перед смертью, и было его от этого мелкой дрожью. Из глаз его полились слезы. Он оплакивал ту боль через, которую прошли эти «лиловые». До смерти их ему не было никакого дела. Все люди смертны. Смешно отрицать неизбежное, а вот тем, кто причиняет боль нет оправдания.

Временами Монтейро отрывался от причитаний и ловил себя на мысли, что не его это пере-

живания. Он настоящей боли и не испытывал-то никогда, а сейчас так убивается.

«Всё-таки прав Карфот, — думал он. — Я схожу с ума или уже сошел. Не помог мне договор с Хозяевами; мой собственный мозг меня и предал».

Но вскоре он выбросил этот и прочий бред из своей головы. В такой момент должно проявлять сострадание к несчастным, а не бороздить океаны собственного сознания, гоняясь за несуществующими призраками. С ним всё хорошо, а этим беднягам было очень плохо.

Карфот так и не заметил, что за ним наблюдают. Он поднялся с колен, подошел к самому дальнему от зингарца мертвцу. Усевшись рядом с ним и уложив его обезображенную голову у себя на коленях, «лиловый» начал ему о чём-то шепотом рассказывать. Иногда он срывался на плач, иногда его лицо искажала гримаса гнева. В конце он в полный голос вознес молитву Сету, прося Змея позаботиться о душе несчастного, и перешёл к следующему телу. Здесь всё повторилось. Снова долгий монолог, снова боль и гнев. Но никакой наигранности не ощущалось. Зеленоглазый маг не просто отдавал свой долг, ему и вправду было что сказать этим людям. При жизни он, видимо, не успел и стремился заполнить этот пробел сейчас, пока еще сам ходит по земле.

Монтейро чувствовал, как неумолимо убегает время. Ему надо было спешить, а он ждал. Столь велико было его почтение к этим несчастным. Когда Карфот направился к последнему из мертв-

вцев, зингарец задвинул ткань и покинул дом. Столь же бесшумно, как и проник внутрь.

Через четверть колокола вышел и Карфот.

— Замаскироваться не получится, — сказал он, подходя к Мондейро.

Зингарец всем своим видом демонстрировал нетерпение. Переминался с ноги на ногу, тер руки. Ни к чему Карфоту знать, что он был внутри и всё видел.

— Следовало ожидать, — фыркнул Мондейро. — Идем.

Он первым сделал шаг в сторону восхода, туда, где его ждал незнакомец из темноты.

— Перебью ублюдков, — прошептал себе под нос Карфот. — Сетом клянусь.

— Ты что-то сказал? — переспросил всё прекрасно слышавший Мондейро.

— Нет, — покачал головой «лиловый». — Тебе показалось.

И снова зингарец шагал впереди, зато Карфот отставал от него теперь всего на несколько шагов. Как действовать в случае, если им повстречаются «лиловые», Мондейро и его связанный клятвой и жаждой мести подручный не договаривались.

Несколько раз Мондейро оборачивался, чтобы убедиться, что Карфот всё еще следует за ним. Стигиец в силу выработанной годами привычки ходил совершенно бесшумно вне зависимости от того состояния, в котором пребывал. Сбегать и идти резать своих бывших подчиненных зелено-глазый вроде бы не собирался, но вид у него был

препоганый. На лице грифаса боли, правое веко то и дело дергалось.

Зингарец отлично понимал чувства своего попутчика. Привычный мир рушится, а ты ничего не можешь сделать. Только смотришь, как события приобретают всё более зловещие очертания. И самое неприятное это знать, что во всем этом твоей вины нет ни на грош. Просто так сложилось, что судьба избрала своей жертвой именно тебя. Но он, Мондейро, сумел выпутаться, с честью преодолеть все испытания, а в том, что это получится у Карфота, он сильно сомневался.

Неожиданно «лиловый» расхохотался. Смех у него был безумный.

— Митрианец, ты богами проклятый везунчик! — не прекращая смеяться, сказал он Мондейро. — Нас уже должны были десять раз схватить! Так просто не бывает. Ни одного патруля не повстречали, а их здесь должно быть как блох на собаке. Далеко нам еще?

— Почти пришли, — сказал Мондейро. — Где-то в следующем квартале.

— Хорошее место твой маг выбрал, — без иронии поведал Карфот. — В этом районе раньше заезжие конфиденты селились, комнату здесь всегда без проблем найти можно было. Сейчас агенты предпочитают ближе к базару устраиваться, но у народа местного прежние привычки остались. Болтают мало, лишнего стараются не замечать.

— И о чём это говорит? — спросил Мондейро. Он уже окончательно уверился в собственной

удаче в деле незапланированных встреч с «лиловыми» и мог позволить себе отвлечься на беседу.

— Скорее всего, твой человек — стигиец, — ответил зеленоглазый. — Из Черного Круга. За их людьми замечена приязнь к этому месту.

— Сейчас всё узнаем, — сказал зингарец, указывая на крепкий трехэтажный дом. — Вот она — цель нашего путешествия. Ты исполнил свою часть договора, можешь быть свободен.

Карфот окинул взглядом строение, словно силясь понять, кто или что может находиться за его стенами.

— Я уже сказал, — напомнил зингарцу маг. — Я с тобой, желаю лично поприветствовать твоего человека из грез.

— Нам наверх, — не стал спорить Монтеиро. Он же сделал и первый шаг по направлению к лестнице, ведущей на третий этаж. Дверь была вынесена наружу.

— Внутри, наверняка, есть еще один вход, — попытался остановить зингарца Карфот, положив тому руку на плечо. — Может лучше через него?

— К чему таиться? — усмехнулся зингарец.

Зеленоглазый маг пожал плечами и последовал за ним.

Перед самой дверью на мгновенье Монтеиро замер в нерешительности. Карфот тоже не рвался проявить инициативу. То, что он нервничает, заметил бы, наверное, и слепой.

Наконец митрианец преодолел волнение и постучал.

— Входите, — хозяин комнаты не замедлил выслать приглашение. Говорил на стигийском, без акцента жителя Побережья.

Монтеиро толкнул дверь и вошел внутрь.

Его примеру последовал и Карфот. «Лилово-му» к этому моменту удалось взять себя в руки, он был собран и готов действовать. Оттеснив плечом зингарца, он сделал несколько широких шагов по направлению к хозяину комнаты... и неожиданно замер на месте.

Монтеиро очень жалел, что не видел в тот миг выражение его лица. Зрелище, скорее всего, было стоящее.

— Это ты? — обратился «лиловый» к человеку из снов. Был это типичный стигиец. Высокий, худой, с наголо бритой головой. Очень глубоко посаженные глаза были настолько темны, что казались черными. Тонкие, бесцветные губы и нос с горбинкой дополняли картину, делая хозяина комнаты идеально похожим на образ стигийца из детских страшилок.

Впрочем, если верить реакции Карфота, человека этого и впрямь бояться стоило.

— Сомневаешься? — спросил хозяин. Ни тени улыбки не возникло на его лице. — Я думал, у людей твоей профессии хорошая память.

— Что ты здесь делаешь? — судя по тону, «лиловый» так и не отошел от шока.

— Ты пришел, чтобы вести допрос? — зло поинтересовался хозяин. — Предложиши мне заполнить одну из стандартных форм? Или это уже не в твоей компетенции?

— Нет, я хотел просить о помощи! — выпалил Карфот.

— Я не собираюсь оповещать Ксарти о своем присутствии в городе, — покачал головой человек из темноты. Теперь Монтеиро точно вспомнил, что именно его лицо он видел в том огоньке. Никакого волнения, в отличие от Карфота, он не испытывал. Его здесь ждали. — Слишком много сил придется потратить, чтобы очищать те образы, что он забирает из твоей головы, от мыслей обо мне. Прости, в другой ситуации ты мог бы оказаться полезным союзником.

— Но... — попытался возразить «лиловый».

Договорить ему темноглазый хозяин комнаты не позволил. Он щелкнул большим и указательным пальцем правой руки, и сердце Карфота остановилось.

— Ты... Подойди ко мне, — обратился он к Монтеиро.

Зингарец послушался. Перешагнув через бездыханное тело «лилового», он приблизился к стигийцу. Внутри Монтеиро зарождалось чувство, что он когда-то знал этого человека.

— Зачем ты еще носишь эту маску? — ласково спросил стигиец у монаха. — Время возрождения настало.

Монтеиро открыл рот, чтобы узнать у хозяина комнаты, что тот имеет ввиду, но тут его сознание подхватил уже порядком забытый вихрь, что вверг в ничто все краски и звуки.

Мир стал тьмой.

Монтеиро стал её частью.

Возникший свет уже не был благом. Добра от него зингарец не ждал.

— Пришла пора нам снова повидаться, — сказал митрианцу его двойник, сидевший на деревянной лавке в деревянном доме. Вновь Монтеиро очутился в этом странном месте. — Не стой, садись. Что за странная у тебя привычка? Разговор нам предстоит непростой, и лучше тебе иметь надежную точку опоры.

Зингарец не нашел сил спорить и занял то же место, что и во время своего прошлого «визита» в этот дом.

— Неважно выглядишь, — сообщил Монтеиро двойник. — Наверное, недоволен, что я выдернул тебя из реальности. Зря, надо радоваться. Ведь это твой шанс прожить еще несколько мгновений.

— Что произошло? — спросил зингарец. На слова о смерти он внимания не обратил. — Почему я здесь очутился? Ведь Хозяева сняли с меня бремя своего проклятья.

Двойник расхохотался так, будто Монтеиро явил свету лучший образчик юмора за несколько столетий. Сначала зингарец собирался разозлиться на свою бурно веселящуюся копию, потом решил не обращать внимания. Ведь это же он сам, только взгляд со стороны. Неприятно, конечно, что часть его сознания несколько неадекватна, но жить с этим можно. Лучше поскорее разобраться с тем, зачем его затащило в это место. В прошлый «визит» он обрел здесь путь к избавлению от проклятья.

«Может, и в этот раз двойник мне поможет, — подумал Монтеиро. — Что там говорил стигиец о масках и возрождении?»

— Прекращай смеяться! — приказал своей копии зингарец. — Нам нужно поговорить.

Эти слова вызывали очередной взрыв смеха, но вскоре двойник утомился и стал способен к продолжению разговора.

— До чего ж ты забавный! — сказал двойник, утирая слезы. — Как твердо ты уцепился за ту сказочку, что я тебе скормил!

— О чём ты? — нервно спросил Монтеиро. Его начала уже серьезно бесить вольность в поведении собеседника.

— Кто, ты думаешь, я такой? — поинтересовался двойник.

— У меня нет желания философствовать, — ответил Монтеиро. — Ты — одно из проявлений моего сознания, уточнять не собираюсь.

— А если я тебе скажу, что ты ошибаешься? — предложил двойник. — Как ты на это отреагируешь?

— Постараюсь выбраться в реальность, — зло сказал зингарец. — Ни к чему мне слушать твой бред. Я и так знаю, что голова у меня варит не самым лучшим образом. Мне хватит духу обратиться к хорошему лекарю или магу. Надеюсь, съществует лекарство. Так что — проваливай!

— Жаль, — вздохнул двойник. — Умрешь так и не узнав правды.

Монтеиро вдруг испугался. Если этот весельчак не врет?

— Ладно, — сказал он. — Я согласен поиграть в твою игру. Если ты не я, то кто?

— Зовут меня Ганеш, — отвечал двойник. — Но это имя давным-давно прокляли и забыли, да и мне оно нисколько не дорого. Слишком много с ним связано боли и страданий. Что же до моей сути, то я это нечто вроде блуждающей души. Никогда не слышал ни о чём подобном и дать тебе подробных разъяснений не могу. Сам надеюсь их получить по завершению нашего разговора, но тебе тогда уже будет всё равно. Вот уже несколько столетий тело мое находится на границе между миром живых и миром мертвых. Мне казалось, что если я и сделаю шаг, то только в сторону последнего. Но недавно я получил тот шанс, о котором мечтал все эти долгие годы. Когда меня посетило очередное видение, ничего хорошего я не ждал. Я успел свыкнуться с тем, что мои предсказания несут людям войны, мор и смерть. Но ничего такого я не увидел. Ко мне явился незнакомый человек и сказал, чтобы я внимательно слушал, ибо у него очень мало времени. Он поведал мне, что в Сартосе объявилось существо, что прямо-таки пышет магической энергией и часть её вылилась на меня. Эффект от такого воздействия мог выйти самый невероятный, но он предпочел не рисковать и направил изменения в определенное русло. Вскоре моя душа должна была начать переселяться в тело одного из обитателей Сартоса. Им не посчастливилось оказаться тебе.

— Это несправедливо, — простонал Монтеиро. Во время рассказа двойника он вспоминал свои

ощущения. То, что в его тело вселилась вторая душа, объясняло очень многое, почти всё. Если это только не бред...

— Нет, — покачал головой Ганеш. — О несправедливости и разговора быть не может. Я вел игру по-честному.

— Какую игру?! — заорал Монтеиро. — Ты отобрал мое тело. Или собираешься это сделать.

— Снова ошибка, — сказал Ганеш. — Эту оболочку я получу в дар от твоего бога. И вообще зря ты озабочиваешься этим вопросом. Я бы на твоем месте лил слезы по душе, что доживает последние мгновенья. Ты исчезнешь, Монтеиро. Тебя не будет ни здесь, ни на Серых Равнинах. Ставки в нашей игре были высоки. В случае проигрыша меня постигла бы та же участь.

Кровь ударила в голову Монтеиро. В ярости он врезал Ганешу по правой скуле, затем схватил за волосы и приложил его дважды головой об стол. Совсем недавно он точно так же расправлялся с отцом-настоятелем. Затем он бросил своего двойника на пол и начался обрабатывать его ногами.

— Получай, негодяй! — орал Монтеиро, круша ребра Ганеша. — Сетов выродыш!

Сначала двойник пытался закрываться от ударов зингарца, но потом у него сил на это не осталось, и все самые чувствительные места оказались открытыми для Монтеиро. Он зверел всё больше и больше. Ноги, руки и даже зубы шли в ход в его стремлении покарать Ганеша и защитить свою душу.

Но самым удивительным было то, что за время этой экзекуции двойник так и не потерял сознания. Он смотрел на Монтеиро полными боли глазами... и ждал.

— Когда же ты сдохнешь, сволочь?! — взмолился наконец зингарец и в последний раз ударил распостертого на полу Ганеша. После этого усился на лавку и начал раскачиваться взад-вперед, обхватив голову руками.

Лишившийся внимания зингарца двойник попытался подняться на ноги. Как ему это удалось, оставалось непонятным.

Ганеш превратился в страшную пародию на человеческое тело. Половина костей изломана, вся одежда в крови. Лица так вообще просто не стало.

Со вздохом, обернувшись приступом кашля, двойник опустился на противоположную от Монтеиро скамью.

— Скотина, — произнес Монтеиро, не соизволив поднять взгляд на Ганеша. — Ты ведь даже ничего не почувствовал.

— Тебе бы так, — прохрипел двойник. Видимо, один из ударов зингарца повредил ему связки. Про зубы-то и разговора не шло, осталось их не более десятка. — Враз молодость свою вспомнил. Только тогда я хотя бы отключиться мог, а сейчас решил позволить тебе по полной душу отвести.

— Зачем? — спросил продолжавший раскачиваться зингарец. — Ты же говоришь, всё справедливо вышло. А теперь долги какие-то раздаешь.

— Ты — гадкое, самовлюбленное существо, — сказал Ганеш. — Но уподобляться тебе я не собираюсь. Перед окончательной гибелью человек имеет право чуть-чуть порадоваться жизни.

Монтеиро грустно усмехнулся. Ненависть прошла, место её медленно занимал страх. Вкупе с безысходностью он образовывал пренеприятнейшую смесь.

— Расскажи мне о той игре, в которой ты одержал надо мной верх, — попросил зингарец. Ему было не очень интересно. Он скорее хотел потянуть время, отсрочить момент гибели. — Я ведь даже не знал, что она шла. Не говоря уж о правилах.

— Знание правил было моей привилегией, — объяснил Ганеш. — Оно же было и моей обузой. Чтобы победить мне надлежало заставить Митру отказаться от твоей души. Это очень непросто, поверь мне. Боги дорожат душами даже самых распоследних грешников. Руководить твоими действиями я не мог, равно как и давать указаний. Впрочем, конкретных границ дозволенного никто не устанавливала. Человек из моего видения просто сообщил мне, что они существуют. И как видишь, твой бог вполне благосклонно отнесся к моему пониманию, как ты говоришь, правил.

— Ты заставил меня отвернуться от Митры, — чувства исчезли из голоса Монтеиро. Он просто констатировал факт.

— Я мог наслать на тебя призраков, от вида которых твоя кровь застыла бы в жилах, — сооб-

щил зингарцу Ганеш. — Мог явиться в образе бога или одного из митрианских святых. Сделать так, чтобы у тебя не осталось иного выбора, кроме как поверить мне. Вот это было принуждение, и за него я расплатился бы душой.

— Ты поставил передо мной дилемму, — сказал Монтеиро. — Принять безумие или отвернуться от бога. И я бы не сказал, что ты не смешал акценты. Почему же Митра тебя не покарал?

— Боги с трудом понимают человеческие чувства, — ответил Ганеш. — У них иная природа, а потому они смотрят на слова и поступки. Я ведь убеждал тебя принять свою судьбу, не противиться ей, рассказывал о прелестях новой жизни. Митре и невдомек было, что эти слова тебе, как соль на открытую рану.

— Вот мы и вернулись к справедливости, — усмехнулся Монтеиро.

— Я себя виноватым перед тобой не ошущаю, — сказал Ганеш. — У меня больше прав на жизнь, чем у тебя. Так рассудили боги. Вспомни сам свои деяния!

— Ты об убийстве настоятеля? — спросил зингарец. — Думаешь, я не знаю, что это был ты, а не я?!

— Это были мы, — ответил двойник. — Ты уже потерял душу, но тело цеплялось за неё и не хотело пускать меня внутрь. Отсюда и эти постоянные смены настроения. К тому же я хотел поскорее вновь ощутить мир, а мне постоянно кто-то мешал. Но я говорил о другом. Когда ты договорился с Карфотом о снятии проклятья, ты

отверг своего бога. Но он не отверг тебя. Тогда я думал, что проиграл, что нарушил границы и теперь обречен на гибель души. Но, видимо, Митра просто услышал мои слова о добрых делах. Он дал тебе шанс вернуться. Вспомни того паренька, что убили грабители, и мальчика со змеей. Именно в тот момент, когда ты прошел мимо них, ты подписал себе приговор.

— Если бы не проклятье, — сказал Монтеиро, — я бы так не поступил. Митра первый предал меня!

— Не было никакого проклятья, — разочаровал зингарца Ганеш. — Ты не попал в число тех, кому надлежало обратиться в безумцев. Они, кстати, самые обыкновенные идиоты, а не какие-то там бессловесные слуги Митры.

— Но эти видения, — возразил Монтеиро. — Откуда они взялись?

— Они пришли к тебе вместе с моей душой, — сказал Ганеш. — Я пророк, что три столетия предрекал только смерть. Рассказывал о том, что будет, о том, что нельзя изменить. Когда же я очутился в твоем теле, то понял, что всё стало иначе. Вновь я видел гибель людей, но зато я знал, что могу предотвратить грядущие события. Можешь мне не верить, но я утешал себя тем, что если сгину в пучине небытия, то ты с моими способностями сумеешь изменить этот мир к лучшему. Потому я и пытался свести нашу с тобой игру к двум вероятностям. Либо ты найдешь в себе силы спасти тех людей, либо твоё место займу я.

Монтеиро молчал. Последних слов Ганеша он уже не слышал. Страх полностью завладел его существом.

— Как это произойдет? — спросил он у своего двойника.

— Сейчас узнаешь, — ответил Ганеш. — Я исполнил свой последний долг.

Медленно, очень медленно деревянная комната начала исчезать. Всё вокруг становилось седым. Это была не такая привычная тьма. Теперь её власти здесь не было.

Монтеиро закричал в полный голос...
...и вернулся в реальный мир.

Он снова стал самим собой, но в тоже время всё было иначе. Он ощущал своё тело, но руководить им не мог. Слышал свой голос, но говорил вместо него кто-то другой. Он потерял контроль, но не жизнь.

Не жизнь!

Ганеш ошибся. Он думал, что Монтеиро не выбраться живым из деревянной комнаты, но оказалось, что погубить бывшего монаха не так-то просто. Он еще поборется за свое тело.

— Как долго я шел к тебе! — воскликнул Ганеш и обнял стигийца. — Ты вернул мне мою жизнь! Тот-Амон?

— Да, это я, — ответил темноглазый. — И я тоже очень рад тебя видеть. Прости, но я не мог позволить тебе прийти ко мне раньше срока. Твоей душе нужно было время, чтобы освоиться в новом теле. Да и я хотел кое-что проверить.

— Я слышу грусть в твоем голосе, великий, —

Ганеш встал на колени перед Тот-Амоном. — Поведай мне. Если бы я только мог помочь.

— Я вынужден буду огорчить тебя, Ганеш, — сказал маг. — Сегодня-завтра ты утратишь свои способности. Почему это произошло, я не знаю, но сомневаться не приходится. По пути сюда я устроил тебе испытание, вспомни результат.

— Те трое «лиловых»? — спросил Ганеш. Глаза пророка были полны печали.

Тот-Амон кивнул.

— Я не смог воспользоваться даром предвидения в схватке с третьим, — скорее сам для себя сказал Ганеш. — Неужели нет никакого средства вернуть то, что было утрачено. Я только обрел власть над своими видениями. Я мог менять будущее.

— Знаю, — сказал Тот-Амон. — Ради этого я и помог тебе раздобыть тело. Сделал так, чтоб магия древнего духа преобразовала твой дар. А он изменился... и исчез. Но я рад, что ты вернулся к жизни, Ганеш. Глядя на тебя, я всегда буду вспоминать свой успех. Редкому магу удавалось подобное.

— Я благодарен тебе, — сказал пророк.

— Знаю, — улыбнулся Тот-Амон. — Что же ты теперь намерен делать?

— Если позволишь, — сказал Ганеш, — я воспользуюсь теми остатками знаний, что у меня есть. Быть может, пророчество насчет меня правильно и без моей помощи духов не одолеть.

— Правильный выбор, — похвалил предсказателя Тот-Амон. — Только прислушайся к одному

совету. Не подходи близко к поместью. Вскорости там будет очень жарко. Хотя ты же всё это видел...

Дальнейшего Монтеiro не услышал, ибо в этот миг его душа погибла.

Глава 2

О колдовстве

Б стать Биресу пришлось рано. И дело было не в том, что некий незваный визитер принял ломиться в покой мага. Таковых, к счастью, не наблюдалось. Просто Биреса снедали нехорошие предчувствия относительно предстоящих суток, и нормальный глубокий сон подходить к магу ближе, чем на десять шагов отказывался. Как результат, два предрассветных колокола несчастный Хозяин Побережья первого круга приближения ворочался с боку на бок и посыпал проклятия всем известным богам.

На шестом послеполуночном колоколе маг решил, что с этим маразмом надо заканчивать. Бирес кряхтя поднялся с постели и отправился приводить себя в порядок. За этими процедурами он проснулся окончательно и даже вернул себе более-менее сносное состояние духа. Далее перед магом встал вопрос, куда себя приложить.

Дел, в принципе, имелось множество. Неотложных среди них не наблюдалось, равно как и тех, что принято считать приятными. Чтобы хоть как-то растянуть время, Бирес решил соорудить себе хороший, качественный завтрак. Обычно он пользовал пищу изготовленную магами третьего круга, специализирующимися на готовке, которых в поместье так и называли — поварами. Иногда, когда спешил, кидал простенькое заклятье, и перед ним возникала краюха хлеба и сыр или яичница, или еще чего-нибудь. Случалось так, что волшба срывалась, и пред очи мага являлось такое непотребство, что после этого есть он не хотел целый день.

Однако практика с вызовом винных изделий настолько пришлась Биресу по душе, что он решил в более полной мере раскрыть для себя область магической кулинарии.

«После завтрака, — решил Бирес, — можно будет еще и на базар заглянуть. Взять трех девочек помоложе да покрасивее, а потом напиться... Никак нам Ксарти не побороть!»

И впрямь напоследок стоило бы уладить свое бренное тело, раз обрести душевное спокойствие и веру в будущее не получается. Только, всё равно, хорошо бы еще сделать так, чтоб и о духе не думалось. Маг вполне резонно предполагал, что в обратном случае даже самый изысканный деликатес покажется ему травой, а уж о девочках лучше сразу забыть.

Со злости стигиец долбанул кулаком по столу и грязно выругался.

От этих звуков проснулся пес и вопросительно уставился на мага. Тот примирительно махнул рукой, давая понять, что всё в порядке. Хвостатый постоялец вроде бы успокоился, но Бирес решил подстраховаться и накодовал звуковую завесу, которая бы защищала пространство вокруг пса от посторонних шумов.

«Точно также и Ксарти, — подумал маг. — Если захочет, возьмет да и спеленает нас со Слепцом, как младенцев. Мы даже пикнуть не успеем. Против кого заговор устраивать собрались? Дух этот проклятый сильнее всего Черного Круга в десятки или даже сотни раз. На что мы, дураки, надеемся? На собаку?»

Бирес представил как патетично выглядела бы сцена гибели Ксарти от зубов маленького пса, науськанного им и Карун-Ра. Потом бы Слепец создал исцеляющее заклинание и в торжественной обстановке вернул спасителю Побережья человеческий облик. Какой же идиотизм! Бирес не выдержал и расхохотался, хотя на душе было так погано, что плакать хотелось.

— Всё, хватит! — одернул себя маг. — Так или с ума сойду, или счеты с жизнью свести попытаюсь. Надо отвлечься. Обязательно. Задумал завтрак готовить — приступай!

И Бирес начал думать, чего ему хочется. Первым, что пришло на ум, оказался апельсиновый шербет. Мага аж скривило от столь убого образчика собственного вкуса. Предполагалось же накодовать нечто изысканное, а не то, что и так каждый день пользуешь. Но как стигиец фанта-

зию не напрягал, ничего оригинально на ум не приходило.

Тогда он начал вспоминать, что он уже некогда ел. И тут же на него снизошло озарение. Однажды к Хозяевам Сартоса приезжала на переговоры во вопросам покупки трех атлайских артефактов делегация магов из этой дальней полуденной страны. Чтобы уважить гостей в поместье пригласили повара, специализирующегося на экзотической кухне. Тот наготовил столько яств, что от них столы ломились, но от конфуза стигийцев это не спасло. Выяснилось, что все атлайские маги, что по совместительству являются жрецами тамошнего бога, имя которого Бирес забыл, с рождения исповедуют аскетический образ жизни.

Соответственно увидев всё это кулинарное великолепие, гости оскорбились в лучших чувствах и в спешном порядке покинули Сартос. Артефакты, по которым собирались вести переговоры, спустя два года выкрад один из наемников-пиратов. Но суть не в этом. Выбрасывать атлайскую еду маги не стали, а употребили по прямому назначению. Кому-то понравилось, кому-то нет. Бирес относился к числу первых. Он тогда очень сильно сокрушался, что повару второпях устроили показательное отсечение головы.

Больше всего в душу магу запало блюдо под названием — «Крокодил, фаршированный пятью сортами рыбы морской и тремя рыбы речной, с добавлением ананасов, апельсинов, бамбука, цукини и приправ всевозможных, число койх рав-

няется тридцати». На атлайском это умещалось в семь слов.

Творить пищу, на самом деле, ничуть не проще, чем готовить. И там, и здесь надобно умение да и усилие прикладывать приходиться. В первые годы своего ученичества Бирес недоумевал, как вообще возможно просто так наколдовывать себе еды, взять её, можно сказать, из воздуха. Вопрос этот разрешился во время курса по теоретическим основам магического искусства.

Энергия, потребная для колдовства, является неотъемлемой составляющей нашего мира. Маг может использовать её для своих нужд, переводя в стихийный или материальный вид. Соприкасаясь с предметами или людьми, эта энергия преобразует их, что в обязательном порядке изменяет и их духовную сущность, то есть тот самый свой изначальный пласт.

Часть магов-теоретиков в предыдущие годы настаивала на том, что данная деформация вещей материального мира не всегда увеличивает количественный состав энергии, влияя лишь на качественный. В результате, считали они, может наступить истощение «колдовского» пласта и тогда магия навсегда покинет мир.

Но сейчас этих позиций уже почти никто не придерживается. В чести другая теория, по которой маг, касаясь «колдовского» пласта, не всегда забирает оттуда энергию. Наоборот он может истощать её из себя или видоизменять, здесь всё зависит от заклятья. Таким образом соблюдается равновесие.

Создать желаемое блюдо можно было двумя способами. Первый вариант: исходить из объективных свойств продуктовой составляющей. Именно так и готовят маги-кулинары. Данный метод достаточно трудоемкий, требующий от колдуна познаний в области традиционной кухни. Зато результат такой волшбы наверняка окажется если и не удовлетворяющим запросы каждого приятельского гурмана, то хотя бы удобоваримым. Либо можно было ориентироваться на собственные воспоминания или представления о вкусовых качествах конечного продукта и о его внешнем виде. В данном случае, никто не мог гарантировать, что результатом такого пиршества не окажется несварение.

Как именно крокодильчика готовить, Бирес не имел ни малейшего представления, а потому оказался вынужден прибегнуть ко второму способу. Прежде всего следовало задать консистенцию блюда. Использовал он на этом этапе, впрочем как и на остальных, стандартные заклинания творения и видоизменения стигийской школы. Задал основные составляющие: шкуру крокодила, его мясо, рыбу, фрукты и овощи. Прибегать к делению сортов рыбы и сотворению приправ на данном этапе маг счел нецелесообразным. Далее надлежало наградить получившуюся субстанцию питательными свойствами. Тут Бирес решил поберечься и взял за основу говядину и апельсины, вещи полезные и безопасные. В результате, рыба будет на вкус как рыба, но на самом-то деле она будет представлять собой ничто иное, как мясо

молодой стигийской коровы. Теперь предстояло вспомнить в подробностях, какой же он был из себя «Крокодил фаршированный». Современные заклинания неплохо работали с мысленными образами. Родись Бирес четыреста лет назад, ему пришлось бы наколдовывать вручную все вкусовые свойства желаемого блюда, а так достаточно было напрячь память. Вот собственно и всё, оставались последние штрихи. Маг решил конкретизировать несколько сортов рыб и часть приправ, остальное было отдано на откуп воспоминаниям.

Шедевр стигийско-атлайской кухни возник на обеденном столике, лишь только Бирес произнес последние слова заклятья. Выглядел крокодильчик вполне даже аппетитно, и хоть магу так и не удалось выкинуть из головы мысли о Ксарти, к трапезе он был готов приступить немедля. Но без вина шедевр по достоинству оценить не имелось ни малейшего шанса, и Бирес наколдовал себе бутылочку белого.

Однако, одновременно с вином в комнате начало возникать и кое-что другое. Сначала Бирес этого явления даже не заметил, но когда оно заполнило почти всё пространство под потолком оказался вынужден обратить на него своё внимание. Представляло оно собой вполне натуральные облака, каковых в небе над Сартосом в холодное время года наблюдалась великое множество. В том, кто является виновником этого происшествия, сомневаться не приходилось. В поместье был лишь один выявленный и ненаказанный любитель подобных эффектов.

— Собрался покончить жизнь самоубийством? — поприветствовал Карун-Ра собрата по магическому ремеслу. Светловолосая голова вылезла из облачного слоя и обозревала крокодильчика. — Поверь мне, это есть нельзя.

— Как фантом мог это понять? — фыркнул Бирес. — Или ты просто решил использовать столь неординарный способ для перемещения в пространстве. Коли так, признаю, смотрится неплохо, но падать вниз будет больно.

— Нет, я пока всё еще у себя, — покачал головой Карун-Ра. В облаках это смотрелось дико. — Зайду к тебе попозже. Это я так заглянул, убедиться, что всё в порядке. Больно уж обстановка нервная.

— От темы не уходи! — одернул альбиноса Бирес. — Отвечай, чем тебе мой завтрак не понравился!

В глубине души маг подозревал, что блюдо и впрямь могло получиться не совсем для здоровья безопасное.

— Выглядит как крокодил, набитый рыбой, — Карун-Ра при этих словах явственно морщился, а потом на него словно снизошло прозрение. — Или ты это и пытался приготовить?

Бирес кивнул.

— Извращенец! — вынес вердикт альбинос. — При мне хотя бы не ешь.

— Не буду, — согласился Бирес. — Ладно, говори, чего еще хотел? Не верю, что ты здесь только из-за заботы о моем здоровье.

— Помнишь наш план? — спросил Карун-Ра.

Бирес план помнил. Вчера его разработке они посвятили немало времени.

После того, как Карун-Ра забрал Биреса из его покоя, тут же приступил к подготовке своего союзника по части сложных магических заклятий. Трижды он входил в искаженное пространство, перемещаясь в различные части поместья. Воспроизвести волшбу он от Биреса не требовал, хотя вполне прозрачно намекал на то, что тому было бы неплохо выступить с подобной инициативой. Последний делал вид, что не понимал, и просто старательно запоминал магические конструкции.

Перед путешествием в белую комнату Карун-Ра основательно подготовился, соорудив сеть отвлекающих заклятий. Всё-таки Слепец заметно побаивался Ксарти, хоть и говорил, что тот ослабил свой контроль за обитателями поместья.

Стоило магам оказаться в мастерской альбиноса, находящейся вне власти духа, как Карун-Ра приступил к корректировке поведения астральных двойников. Бирес уселся за стол, что заменил в белой комнате кушетку, и принялся выводить на папирусе формулы перемещения по искаженному пространству. Плохо, когда знаешь как звучит заклятье, но не представляешь себе принципов его работы. Карун-Ра между делом кивнул ему в знак одобрения.

Закончив с двойниками, он начал вычислять тот момент, когда Ксарти покончит со всеми приготовлениями и начнет свою волшбу с непрерывными человеческими жертвоприношениями.

Слепец считал, что снижение контроля за магами связано с тем, что духу приходится все больше внимания уделять составлению формулы своего коронного заклятья. Так проследив движение от полноценного наблюдения за всеми, даже самыми тайными, мыслями Хозяев до полного его исчезновения, можно будет установить время жертвоприношения. Исходил Карун-Ра из того, что Ксарти по своей природе и складу ума, обязан являться существом сверхрациональным и творить заклятье начнет именно в тот момент, когда маги обретут свободу. Разумеется, в следующий же миг он их её лишит, чтобы удобней было вести на убой.

Слепец объяснил Биресу, что когда в твой мозг проникает чужое сознание, оно оставляет там своего рода метки. Отыскать их тяжело, но не невозможно. Именно с их помощью Карун-Ра и собирался установить срок окончания подготовки. Конечно, лучше было бы поработать с магом, не ускользнувшим из-под власти духа, но из соображений безопасности этого решили не делать и ограничились присутствующими в комнате Хозяевами. Первым процедуре подвергся Карун-Ра. Он же и колдовал, Бирес только помогал ему энергией. Волшба вышла достаточно тяжелой. Уже после проверки сознания Слепца оба мага почувствовали слабость, а когда покончили и с Биресом, то с трудом могли устоять на ногах. По молчаливому согласию с полколокола отыхали, не мудрствуя растянувшись прямо на полу. Когда силы удалось более-менее восстановить,

Карун-Ра огласил не самые приятные результаты. Полностью контроль спадет на завтрашний второй послеполуденный колокол. В это же время, соответственно, и начнется жертвоприношение.

После этого начались споры. Бирес считал, что предпринимать покушение на Ксарти лучше этой ночью или, в крайнем случае, утром. Устраивать долгую подготовку он смысла не видел. Сходить в сокровищницу, набрать артефактов и постараться устроить для пса прикрытие. В качестве основного аргумента Бирес приводил то, что Ксарти будет занят подготовкой формулы и попытается отбить атаку в полсилы. Карун-Ра с этими доводами не соглашался. Дух, по его мнению, трусив настолько, что заподозрив угрозу для своей жизни, в миг забудет о своем заклятье. Ксарти уже не раз показывал, что склонен всюду видеть происки братьев, в особенности того, что желает стать богом, потому и защищаться станет по полной. Слепец предлагал назначить временным покушения момент жертвоприношения или предшествующей ему вводной волшбы. Пса он брался незаметно протащить в заклинательную залу. А там уже следовало положиться на чутче Зелтрана. Если тот выберет подходящий момент для атаки, Ксарти ничего даже не успеет понять. Бирес хоть и видел слабые моменты в своем плане, но предложение Карун-Ра казалось ему и во все форменным безумием. Слепец собирался поставить всё на то, что псу удастся добраться до духа. И никаких запасных вариантов. В случае

провала — верная смерть. Но маг-альбинос продолжал настаивать, что только столь сумасшедший план может принести успех. На стандартные ходы у Ксарти, наверняка, припасено противоядие. Еще Карун-Ра клялся Сетом, Нергалом и Дэркето, что до завтрашнего утра успеет составить такое заклинание невидимости, что дух ни за что не разглядит пса, если тот будет вести себя смирно. Слов на ветер Слепец бросать не привык, раз обещал значит сделает. А это значило, что невероятная задумка альбиноса может и сработать.

Еще около колокола маги обсуждали конкретные детали предстоящего покушения.

Следует ли пытаться привлечь внимание Ксарти, когда пес пойдет в атаку? Нет. Нужно ли давать знак псу, что настал подходящий момент? Нет. Когда лучше заколдовать зубы и когти пса? Утром, чтобы Ксарти ничего ненароком не учаял. Можно ли позволить духу убить нескольких магов? Нужно.

И пса следует поставить в известность, что нападать лучше, когда Ксарти займется заклятьем и жертвоприношением.

Но окончательное решение, всё равно, должно было остаться за Зелтраном, с этим согласились и Бирес, и Карун-Ра.

— Решил что-то пересмотреть? — поинтересовался у альбиноса Бирес.

— Вынужден был, — признался Карун-Ра. — Вышли небольшие проблемы с заклинанием невидимости. Оно намного лучше сработает, если

после применения пес будет длительное время стоять. Движение его разрушает. На рывок к Ксарти запаса хватит, а вот вводить пса в заклинательную залу придется в его нормальном виде.

— Используй для этого более слабое заклятье, — предложил Бирес, — а основное используешь в зале.

— Не смогу, — ответил Слепец, — сил не хватит.

Бирес удивился. Редко подобное приходилось слышать от Карун-Ра. Похоже, заклятье невидимости, над которым он работал всю ночь, вещь, и правда, стоящая. Бирес порадовался такому ходу своих мыслей.

— Если я поколдую, — спросил он, — дух это заметит?

— Что-то слабенькое навряд ли, — сказал альбинос. — Сделай что-нибудь совсем элементарное, вроде отвода глаз. Другим Хозяевам до нашего пса никакого дела не будет, Ксарти их на крепким поводке к себе потащит.

— Договорились, — кивнул Бирес.

— Вот и хорошо, — сказала из заоблачных высот голова Слепца. — Оставляю тебя наедине с этой кулинарной мерзопакостью.

Карун-Ра напоследок загадочно улыбнулся и исчез в толще облаков, которые проболтались под потолком еще не менее десятой части колокола.

К трапезе Бирес приступил только тогда, когда его комната полностью очистилась от чужеродных магических явлений. После разговора со

Слепцом маг почувствовал себя заметно лучше, ощутил в себе решимость и жажду действия.

Под такие настроения фаршированный крокодильчик улетел в мгновение ока. Поспособствовало этому и оказавшееся просто превосходным вино.

Удовлетворенный сытной и на удивление вкусной трапезой Бирес направился к псу. Тот уже давным-давно не спал. Разговора со Слепцом из-за звуковой завесы Зелтран услышать не мог, но вот зреющим парящей в облаках головы насладиться сумел.

План по устраниению Ксарти, разработанный Биресом и Карун-Ра, пес воспринял вполне normally. Кое-где гавкал одобрительно, кое-где, как казалось магу, скептически.

Но главное, что на основной вопрос, согласен ли принять участие в этой авантюре, заколдованный моряк ответил яростным лаем, символизирующим крайнюю степень решимости порвать на клочки злостного духа.

Солнце к тому времени только-только поднялось над верхушкой храма Сета, вид на который открывался из окон комнаты Биреса. Выходило так, что визита Карун-Ра ждать еще два-три колокола. Раньше полдня он вряд ли появится.

И вновь началось мучительное ожидание.

Чтобы скрасить сей нерадостный период, Бирес наколдовал себе еще бутылочку белого вина по образу и подобию её предшественницы. Принятый кисловато-терпкий вкус заставил мага довольно улыбнуться.

«Не всё так плохо, — подумал он. — Вот и пророк, наконец, на Серые Равнины отправился».

Весть о гибели скелетоподобного прорицателя по сути своей была и не плохой, и не хорошей, но символично, что это произошло именно сейчас. Посыльному вчера трижды пришлось повторить сообщение прежде, чем Бирес убедился, что не ослышался. Произошедшее казалось немыслимым. Это, как если бы все кошки и собаки вмиг научились говорить или в Ванахейме стали бы растить бананы. Умер тот, что уже триста лет предсказывал немыслимые беды и несчастья. Жил-то он собственно лишь ради того, чтобы исполнить древнее пророчество и спасти мир. А он вместо этого взял да и отправился спокойненько на Серые Равнины. Выходило так, что зря столько времени в нем жизнь поддерживали. С одной стороны — обидно, а с другой чувствуешь облегчение от того, что этот гад завтра очередное смертоносное пророчество не выдаст. Об этом вчера и говорили Бирес, Арзарес и Карун-Ра, стоя над телом мертвого пророка, в комнате, которая наконец увидела свет, пусть он был и лунный. Ксарти о кончине прорицателя решили не оповещать.

Перед тем, как заснуть этой ночью, маг думал, а не могло ли последнее предсказание пророка и быть тем самым, что должно было спасти мир. Вдруг он исполнил свой долг перед человечеством, показав ему, Биресу, как Сартос гибнет в пламени, объятый безумием.

Сейчас лежа на кровати и потягивая белое вино, маг всячески старался утвердить себя в этой

мысли. Что он избранный или они с Карун-Ра на пару, что это именно видение подвигло их на борьбу с Ксарти и его братьями. Быть может, без пророка всё было бы иначе, и через несколько колоколов они как покорные овцы пошли бы на заклание. Если это действительно так, то их предприятие не просто имеет шансы на успех, оно обречено на него.

От гибели пророка мысли стигийца перетекли на другое важное событие в жизни поместье, на проникновение в сокровищницу. Бирес так и не смог до конца проникнуться фаталистической позицией Слепца по этому вопросу. Его пугало, что один из Хозяев сосредоточил в руках столь великую силу, что даровало соединение похищенных артефактов. Неведомый игрок в партии, которую им с альбиносом предстояло разыграть против Ксарти, казался совершенно лишним.

И ладно бы, если точно знать, что это Карфот. Его люди Арзареса, уже официально возглавившего службу «лиловых», сейчас по всему Сартосу ищут. В условиях, когда необходимо постоянно прятаться и перебегать с места на место, у него не хватит времени, чтобы соорудить цепочку. Но несмотря на кажущиеся неоспоримыми доказательства, Бирес не мог до конца поверить, что похититель это Карфот.

Не надо ему это, и действовал он бы, скорее всего, иначе. Магу казалось, что истинный виновник происшествия сейчас находится в поместье, радуясь тому, как хорошо удалось замести следы. И скоро, очень скоро он начнет действовать. Би-

рес старательно гнал из головы эти лишенные логики мысли. Он же не какая-то там изнеженная девица, чтобы поступать сообразно интуиции, а не рассудку.

Когда вина в бутылке осталась ровнехонько треть от первоначального количества, в дверь постучали.

— Входи, Арзарес, — крикнул Бирес. Столь четко отчеканить дробь по дереву мог только этот бывший страж.

Магу было интересно повидаться с новым главой «лиловых». У того, наверняка, в запасе имеется пара-тройка свежих новостей. Может, хоть одна из них хорошая.

— Добрый день, Бирес, — поздоровался бывший страж, проходя в комнату.

— Судя по тону, — усмехнулся маг, — ты его таковым не считаешь. Что случилось?

— Много чего, — хмуро ответил Арзарес. — У тебя найдется что-нибудь выпить? Всю ночь не спал, голова раскалывается.

— Держи, — Бирес переправил по воздуху недопитую бутылку вина. — Только это не поможет.

— Сет с ней, с болью, — отмахнулся Арзарес. — Мне расслабиться хоть немного надо.

— Так не пойдет, — ответил Бирес. — Давай, усаживайся в кресло, пей вино, а я пару целебных заклятий пока на тебя наложу.

— Если несложно, — сказал страж.

Почти четверть колокола Бирес трудился над здоровьем нового главы «лиловых». Занимался он этим не из человеколюбия или сострадания, а

ввиду того, что именно от Арзареса зависело, как быстро найдут Карфота. С большой головой правильно организовать поиски не получится. К тому же маг очень сильно подозревал, что печальная мина бывшего стража связана с тем, что ему пока не удалось выйти на след беглеца.

— Спасибо, — поблагодарил мага Арзарес, когда лечение было окончено. Вино к этому времени он уже успел допить, а предлагать ему новую бутыль никто не спешил. Еще не хватало, чтобы он и дальше продолжал расслабляться. — Так намного лучше.

— Теперь можешь рассказать, — сказал Бирес, — чем ты себя до такого состояния довел.

— С Карфотом проблемы, — подтвердил подозрения мага Арзарес. — Вчера ему удалось ускользнуть от нас. Пару раз казалось, что мы выходили на его след, но каждый раз надежды оказывались ложными. Похоже, у него имелся план на случай, если ему придется скрываться от своих же подчиненных.

— Разумеется! — воскликнул Бирес, пораженный недогадливостью бывшего стража.

— Это моя вина, — покаялся Арзарес. — Карфот казался мне человеком, не ставящим под сомнение личную преданность ему всех «лиловых». К слову, чтобы убедить их в его предательстве пришлось приложить немало усилий, да и то многие, если и увидят его в толпе, докладываться не побегут. Верить можно только тем людям, что служили мне еще при Карфоте.

— Ты не мог со мной посоветоваться?! — злил-

ся Бирес. — Я его знаю получше многих, и можешь не сомневаться, просветил бы тебя, что у него в Сартосе два десятка нор, где можно спрятаться. Да и агентов, официально в «лиловых» не числящихся, что и сейчас продолжают работать на него, предостаточно. Карфот предпочтает предусмотреть всё, что имеет хоть малейший шанс стать реальностью.

— Теперь я это знаю, — горько усмехнулся Арзарес. — Этой ночью я как раз и занимался тем, что искал в наших рядах тех, кто мог бы знать об этих заготовленных укрытиях.

— И как? — спросил Бирес. — Многих запытал?

— Тридцать двух «лиловых», — ответил бывший страж. — И еще тринадцать горожан, на которых они указали. Узнали от них об одиннадцати убежищах, но ни в одном из них Карфота не оказалось.

— Плохо, — нахмурился Бирес. — Значит у него была целая ночь, чтобы задействовать цепочку. Чудо, что он этого не сделал.

— Не факт, — нехотя ответил Арзарес.

— Что?! — воскликнул Бирес.

— Рано утром, — сказал Арзарес, — к нам через Рашила обратились представители митрианской общины с просьбой изловить одного из их монахов. Он, вроде как, кого-то у них в обители убил. Намекнули, что лучше с ним не церемониться и доставить в виде трупа. С чего Рашил отрядил на его поиски достаточно значительные силы, я не знаю. Интуиция, наверное. В любом

случае, он угадал. Когда мы обнаружили монаха, в его компании оказался и Карфот.

— И вы их упустили?! — Бирес не спрашивал, он обличал.

— Дай рассказать до конца, — одернул мага Арзарес. — С этим монахом такое творилось, что о Карфоте все и думать позабыли. Этот митрианец отправил на Серые Равнины тринадцать «лиловых». Десять погибли как бы сами по себе, от несчастных случаев. Из показаний опрошенных горожан можно сделать вывод, что они столкнулись с охранным заклятием, которое выпотрошило их несмотря на все защитные амулеты. Еще двоих он убил практически голыми руками. Последний его почти достал, но на выручку ему пришел Карфот, и они сбежали.

— Окружите район, — сказал Бирес. — Прoverьте все близлежащие дома.

— Уже поздно, — ответил бывший страж. — Там в первые мгновенья из-за этого митрианца нешуточная паника возникла, всех «лиловых» подняли на его поиски. В том числе и тех, которые убежища Карфота стерегли. Дело в том, что ни одного «лилового» рядом не было, когда он к митрианцу присоединился. Только потом, когда со слов свидетелей портрет пособника монаха составили, кто-то умудрился по нему Карфота опознать. Все снятые дозоры тут же на место вернули. Обнаружили следы в одной из заготовленных нор, высчитали время, когда Карфот в ней побывал. Ну, и осознали, что он три раза успел бы из огражденного района выйти. Ловили ведь митри-

анца, а не «лилового», который всей этой службой руководил.

— Наказал виноватых? — спросил Бирес.

— За что? — не понял Арзарес. — Это же случайность, что так всё получилось. Зачем людей против себя на пустом месте настраивать?

— Твое дело, — согласился Бирес. Наверное, бывший страж в вопросах организации службы и впрямь получше него разбирается. — Что дальше делать собираетесь?

— Я с тобой на счет этого посоветоваться хотел, — неожиданно сказал Арзарес. — Направление, в котором Карфот с митрианцем двинулись, мы вычислили. А дальше полная пустота — как сквозь землю провалились, ни единой зацепки. Есть у тебя идеи, что может Карфот предпринять, если всю силу артефактов он уже истратил на защитное заклинание для митрианца?

— Я же объяснял тебе, — вздохнул Бирес, — что когда он их задействует, то свету явится нечто такое, что сможет весь Сартос уничтожить.

— В зависимости от стержневого артефакта, — возразил бывший страж. — Может, он рассчитан на тонкие эффекты. Если бы защитное заклятье с митрианца неожиданно не спало, он бы немалых бед натворить мог. К тому же, вполне возможно, что мы видели только пробу сил.

— Да не может такого быть, — возразил Бирес. — Цепочка рассчитана на одинарное применение.

— Ну, я тебя и спрашивал, — улыбнулся Арзарес, — что он станет делать, если цепочка раз-

рушена. Карфот не самый сильный маг, он мог допустить ошибку.

— Он будет мстить, — без всякого сочувствия к будущему собеседника произнес Бирес. — Попытается добраться до тех, кто за ним охотится. В первую очередь поквитается с предателями, потом с теми, кто пытал его людей. А если у него появиться хоть малейшая возможность убить тебя, он в неё зубами вцепится.

— За себя не боишься? — спросил Арзарес. — Вы с ним не очень-то дружны были.

— Хочешь использовать меня как приманку? — ответил маг вопросом на вопрос. — Ничего у тебя не получится. Жизнь, в которой мы враждовали, ныне для Карфота прошлая. Теперь его цель ты и твои люди.

— Значит, я смогу его выманить на себя? — спросил бывший страж.

Бирес не сомневался, что тот захочет рискнуть. Жаль, что придется разочаровать нового главу «лиловых».

— Нет, — ответил маг. — Он догадается, что это ловушка, и даже если увидит, как можно безболезненно тебя достать, не станет этого делать. Предпочтет сначала расправиться с твоими людьми. Захочет, чтоб ты помутился перед смертью.

— Сволочь! — скрипнул зубами Арзарес и ударили кулаком по ручке кресла.

— Не ломай мебель, — попросил Бирес.

Бывший страж кинул на него испытующий взгляд, потом рывком поднялся на ноги и направ-

вился в сторону мага. Схватив его за плечи своими огромными руками, он принялся увещевать.

— Ты должен мне помочь! — говорил он, глядя магу в глаза. — Отыщи его для меня, для всех нас. Он предал Хозяев и должен заплатить за это!

Бирес настолько опешил от такого напора, что даже не пытался освободиться.

— А если ты прав, — продолжал Арзарес, — и он еще не задействовал цепочку, то прямо сейчас он может заниматься подготовкой заклятий. Нельзя медлить!

— Успокойся ты! — крикнул уже немного отшедший Бирес. — Отпусти меня, Нергал тебя в бездну!

Арзарес сначала непонимающе посмотрел на него, потом мотнул головой, снял руки с плеч мага и отступил на несколько шагов.

— Прости, — сказал он. — Окунулся ненадолго в поток прежней жизни да и не спал всю ночь, вот и результат.

— Со всеми бывает, — ответил Бирес, подходя к окну. На ярко-голубом небе не было видно ни облачка. В воздухе стоял запах спелых груш, что росли в саду поместья.

До полдня оставался еще колокол.

Скоро Ксарти начнет собирать всех Хозяев на жертвоприношения. Если Карфот с помощью артефактов не освободится от контроля со стороны духа, то и он явится в поместье. Знать бы, что за стержневой предмет он украл, для чего он служит, как действует.

Всё-таки Карун-Ра излишне пренебрежитель-

но отнесся к похищению. Если Карфот избавится от ментального контроля, это наверняка привлечет внимание Ксарти к этой проблеме. И тогда придется надеяться лишь на крепость астральных двойников.

«А если он попытается его убить, — подумал Бирес, — последствия могут быть еще хуже. Или предположим, мы с помощью пса отсылаем духа в небытие, а Карфот, понявший что к чему, тут же, прямо в заклинательной зале, задействует свою цепочку».

— Бирес, а вдруг мы ошиблись? — неожиданно сказал Арзарес. — Тогда истинный похититель сейчас совершенно спокойно готовит обряд соединения артефактов или как это называется.

— Перед тем, как действовать, — сказал Бирес, — надо установить, какой артефакт является стержневым для похищенных. Без этого мы рискуем только усугубить ситуацию, вне зависимости от того виновен Карфот или нет.

— Я так не считаю, — ответил бывший страж. — Но подозрения, что ты откажешься мне помочь, пока не прояснишь все детали, у меня имелись. Я этим утром успел покорпеть над архивной книгой сокровищницы и кое-что оттуда выписал.

— Это может помочь отыскать стержневой артефакт? — удивленно спросил Бирес, отрываясь от созерцания небес.

— Да, — сказал Арзарес.

— Что же ты молчал?! — напустился на него бритый наголо маг.

— Полагал, что лучше обойтись без этого, — невозмутимо ответил Арзарес. — На вычисление нужной вещицы уйдет уйма времени. Легче изловить Карфота и под пытками выведать, крал он артефакты из сокровищницы или нет.

— Идти на него вслепую — это риск, — возразил Бирес. — И расплачиваться за возможную ошибку придется по полной.

— Выжидать не менее опасно, — не сдавался Арзарес. — Ладно, использую последнюю попытку тебя переубедить. Если не получится, пойдем ко мне, отдам тебе все наработки.

Бывший страж вынул из сумочки на поясе папирус и протянул его Биресу.

— Здесь указаны даты получения всех артефактов, — пояснил Арзарес. — Все приобретены в последние два года. Как раз, когда Карфота назначали казначеем поместья.

— Интересно, — хмыкнул Бирес, пробегая глазами по тексту. — Очень интересно. Ты выписывал тех, от кого исходили сведения об артефактах и кто выносил прошение о покупке?

— Да, на всякий случай, — сказал Арзарес. — Но поверь мне, и там всё указывает на Карфота.

— Я должен всё увидеть лично, — едва слышно прошептал Бирес. От волнения его голос выкидывал странные фокусы. — Я почти уверен, что Карфот невиновен.

Арзарес, сам того не желая, умудрился отказать свидетельство того, что бывший глава «лиловых» к похищению артефактов не причастен. Если верить выкладкам Слепца, то вора к актив-

ным действиям побудило появление духа в поместье. Часть вещей он, может, похитил и заранее, но остальные точно утащил в последние дни. Потом он нанял вора для инсценировки, организовав дело таким образом, что виновным должен был казаться Карфот. Он и не надеялся оставаться незамеченным, ему требовалось лишь выиграть время для подготовки. Конечно, не совсем ясен смысл комедии с проникновением наемника в сокровищницу. Попытка перестраховаться или желание подставить Карфота? И всё бы у злоумышленника получилось, если б не записи в архивной книге, указывающие на виновность главы «лиловых». Будь Карфот истинным преступником, похитившим артефакты, чтобы избавиться от власти Ксарти, он бы украл первые попавшиеся вещи с достаточной магической силой. Тот же вор, с которым суждено было столкнуться Хозяевам, действовал не спеша, загодя приобретая вещи для своего набора. Подобное поведение шло глубоко в разрез с привычками Карфота, их Бирес успел хорошо изучить. Главу «лиловых» представляли и подготовка к этому была проведена приличная, но нескольких штрихов не хватило, чтобы можно было поверить в предательство Карфота.

«Вот еще одна опасность на мою голову, — подумал Бирес. — Если вор прознает, что я напал на его след, то покушения мне не избежать. И ведь есть все основания бояться. Раз похититель сумел столь тонко организовать «виновность» Карфота, то и к моему убийству он подойдет со

всей тщательностью. Тогда надо сделать так, чтобы он ни о чем не узнал, попросить Арзареса молчать... Если только вор — это не Арзарес...»

Бывший страж по здравому размышлению представлялся идеальной кандидатурой на эту роль.

В сложившейся ситуации он сориентировался быстрее всех. Он же изловил вора в сокровищнице. Он же требовал помочь ему найти Карфота, который может быть для него опасен. И магический потенциал у него огромный.

Вот только не рассчитал, что озлобленный на Карфота Бирес сумеет его раскусить. Надеялся использовать его ненависть. Но ничего у него из этого не получилось.

Бирес сделал вид, что погружен в изучение деталей предоставленного списка, а сам тем временем решал, как бы получше спеленать Арзареса. Заклинания надо использовать достаточно замысловатые, чтобы бывший страж не смог их разорвать простым стихийным напором.

И только Бирес собирался выкрикнуть начало формулы, как Арзарес молча развернулся и пошел к двери. Маг глупо смотрел ему в спину, не зная что делать. Он ожидал, чего угодно, но не такого.

Однако жизнь решила, что и такого количества сюрпризов на сегодня недостаточно, и преподнесла магу еще один. Прямо посреди комнаты возник фантомный образ Слепца. Выглядел Ка-рун-Ра и ошарашенным, и взбешенным одновременно.

— Не стой на месте, кретин! — рявкнул он на Биреса. — Двигайся! Ходи!

Сказано это было таким тоном, что магу не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться.

— Будь всё проклято! — вещал фантом. — Ксарти начал созывать магов в заклинательную залу. Я ошибся в расчетах. Оказывается, уже колокол назад все Хозяева Сартоса собрались в поместье!

— Что нам делать?! — заорал Бирес. Еще немного и он был готов поддаться панике.

— Не останавливайся! — крикнул в ответ Ка-рун-Ра. — Ксарти может заметить, твой астральный двойник сейчас прикреплен к тебе. Пса мы заколдовать уже не успеем. Остается надеяться, что это не обряд, а нечто иное. Иди в заклинательную залу, Бирес... и молись.

Вот и всё. Фантом исчез.

Бирес словно во сне двинул к выходу из комнаты, взгляд его был направлен в пустоту. Шок от услышанного оказался слишком велик. Но на полпути маг начал понемногу приходить в себя. Очередной смертный приговор, уже не первый за несколько последних дней. Что здесь такого необычного? Скорее стоит удивляться тому, что он так близко к сердцу принял весть о нем. Видимо, слишком сильно тешил себя напрасными надеждами.

Коридоры поместья были заполнены спешащими в заклинательную залу магами низших кругов. Бирес подумал, что где-то среди них и Карфот. От «лиловых» он может и сбежал, а вот

против Ксарти у него шансов не было. Бирес немного завидовал всем этим лишенным воли людям. Они не понимают, куда идут, а если и понимают, то хотя бы не испытывают соблазна бежать. Карун-Ра даже не стал его предупреждать, чтобы он никуда не рыпался. Подобное означало бы верную смерть. Она, наверное, была бы легче той, что предстояло принять в заклинательной зале, но отказаться от надежды, сколь бы мизерной она ни казалось, невероятно тяжело. Наверное, это заложено в самой человеческой природе. Головой понимаешь, что гибель неизбежна, а сердцем всё равно рвешься пожить еще немного.

Бирес глядел на лица магов и вспоминал, что он знал о каждом из них. Оказывается, не так и мало. За годы своего пребывания в поместье он успел перезнакомиться почти со всеми его обитателями. Кто-то ему симпатизировал больше, кто-то меньше. Раньше он думал, что на всех них ему плевать, а сейчас чувствовал, что это были самые близкие для него люди. Если бы он только мог хоть что-нибудь для них сделать...

Двери в заклинательную залу были широко распахнуты. Никаких препятствий на пути желающих принять непосредственное участие в человеческом жертвоприношении. Лишь чудовищным усилием воли Бирес заставил переступить себя этот порог. Когда он наконец это сделал и занял привычную позицию, напряжение слегка спало. Маг даже ощущал нездоровую гордость за то, что собрался посмотреть своей смерти прямо в лицо.

К слову сказать, за прошедшие дни она нисколько не изменилась. Тот же молодой стигийский паренек в слегка поношенном доспехе. Разве что вид у Ксарти теперь был еще более самодовольный.

Картину прибытия магов он наблюдал с явным удовольствием. Оказавшись на месте, Хозяева обрели частичку воли. Они с видимым опасением косились по сторонам, правда, на Ксарти никто подолгу взглянуть не задерживал.

Арзарес, как и предполагал Бирес, пришел в залу еще до него, а вот Карун-Ра пока видно не было. Хотя для этого имелось вполне рациональное объяснение: покой Слепца находились на приличном расстоянии от заклинательной залы. Место Карфота также пустовало. Не повезло, скорее всего, бедняге. Встретил на пути в поместье «лиловых» и не смог выполнить приказа остановиться.

Вот в зале появился и Карун-Ра. Живой Слепец выглядел ни чуть не лучше того фантома, что он прислал в покой Биреса. Оказавшись на месте, альбинос по сторонам крутиться не стал, вперил взгляд в пол и стал ждать.

Вскоре последний из призванных Ксарти Хозяев объявился в пределах залы. Дух отметил это событие широкой улыбкой.

По мановению его руки дверь в залу затворилась.

— Рад вас всех видеть здесь, — поприветствовал дух собравшихся. — Сегодня великий день, будет вершиться история.

Говоря эти слова, Ксарти шествовал от мага к магу, заглядывал им в глаза.

— Этот молодой человек, — произнес дух, приподняв двумя пальцами подбородок одного из Хозяев третьего круга, — очень боится, что не выйдет отсюда живым. И знаете, у него есть все основания испытывать подобные чувства. Я собираюсь принести вас в жертву.

Бирес никак не отреагировал на эти слова. Ничего иного он и не ждал. Хотя надежда даже сейчас теплилась в душе мага.

— Но прежде, — здесь Ксарти выдержал легкую паузу. — Прежде, я нёмного потешу свое самолюбие. Для людей вы все неплохо разбираетесь в магии и сможете по достоинству оценить моё творение. Я хочу почувствовать ваш восторг, увидеть как он возобладает над страхом смерти. Да и вам приятнее будет умирать, зная что ваши жизни послужат фундаментом для истинного чуда.

Ксарти встал в дальний конец залы, куда во время колдовства сводилась вся магическая энергия.

Но, похоже, что на этот раз данная точка была избрана еще по одной причине: она идеально просматривалась с позиции любого из Хозяев. Дух воздел руки вверх и между ними начали мелькать зеленые искры, внешний эффект заклинания «вызыва» высшего порядка. Бирес ожидал, что в зале появится демон из одной из супредельных сфер, но вместо этого возникла полу-прозрачная оболочка существа, похожего на заросшего шерстью человека с головой орла. Вы-

глядел он достаточно противно. Ни уважения, ни трепета не внушал.

Дух обвел многозначительным взглядом всех собравшихся и громко расхохотался, когда сообразил, какую именно реакцию вызвал у магов его питомец.

— Глупцы! — сказал Ксарти. — Дарую вам право заглянуть в его магическую сущность. Смотрите, люди, кто перед вами.

Прежде, чем осматривать оболочку, Бирес прошелся по себе отборнейшими ругательствами. Он чуть было не полез колдовать еще до слов Ксарти. Неужели не мог догадаться, что Ксарти блокировал магические способности Хозяев?! Но медлить с просмотром тоже не стоило.

Бирес аккуратно пропустил внутрь существа заклятье истинной природы... и впечатлился. Перед глазами мага возникла эта тварь в том виде, который она обретет по окончанию обряда. Состоящая из множества миниатюрных демонов, стремящихся к поглощению и воссозданию себе подобных организмов, она была способна переживать за время равное удару сердца около двух сотен перерождений. Твари этой по своей природе надлежало жить охотой. Она уподобится любому существу и через миг его поглотит.

«Ведь ей, наверное, под силу убить бога», — подумал Бирес.

— Если вы полагаете, — сказал Хозяевам Ксарти, — что я извлек этого питомца из какой-нибудь отдаленной сферы, вы ошибаетесь. Он полностью рукотворен. Его родила моя фан-

тазия, а ваша кровь дарует ему жизнь. Он станет залогом моего пребывания в вашем мире. Сначала я натравлю его на братьев, а затем выдвину ультиматум богам. Они не трогают меня, а он не трогает их.

Глаза Ксарти горели от восторга.

— Люди! — крикнул он. — Вы хоть понимаете, частью чего вам предстоит стать?!

Дух еще раз внимательно изучил лица собравшихся. Иногда довольно улыбался, иногда хмурился. Потом подошел к молодому, двадцати пяти лет от роду, магу второго круга и схватил его за горло.

— Ты, тварь, — сказал он ему, — будешь умирать особенно мучительно. Не допущу, чтоб надо мной насмехались.

Бирес порадовался, что нашелся кто-то, сумевший испортить духу удовольствие.

— Не вижу смысла дальше затягивать, — произнес Ксарти, — наше совместное нахождение в этом мире. Готовьтесь к смерти.

Дух подошел к висевшей в воздухе полупрозрачной оболочке, взял её в руки и аккуратно опустил в круг для заклятия живых существ.

«Не брезгует нашей залой, подлец! — разозлился Бирес. Страха он уже почти не чувствовал, настолько сроднился с ним. — А презрения к людям на целый сонм богов хватит».

Наверное, многих посетили подобные мысли, потому как Ксарти недовольно посмотрел на магов, скрежетнув при этом зубами. Твари из круга, тем не менее, не убрали. Встав на точку сосре-

доточения сил, дух принял пять заклятье. Языка, на котором творилась эта волшба, Бирес не знал, но он показался ему чрезвычайно мелодичным и одновременно злым, если вообще это слово можно применять характеризуя речь.

Напряжение среди магов нарастало. Все беспокойно озирались по сторонам в ожидании, когда начнется самое страшное. Не забывали, наверное, и возносить молитвы богам, чтоб не оказаться в числе первых павших.

— А-а-а! — разрезал тишину протяжный крик пожилого мага третьего круга.

Все Хозяева одновременно обернулись к нему. Лицо жертвы исказила гримаса боли. Маг отчаянно махал руками, будто надеялся преодолеть с их помощью заклинание «неподвижности». Затем у него начала трескаться кожа и стали выпадать волосы. Вопли его сделались просто оглушительными. Стоящие рядом маги закрывали руками уши.

Кончилось всё так же неожиданно, как и началось. Несчастный вдруг начал светиться оранжевым, а тело его стало терять форму, обращаясь в желе. Вскоре от мага осталась только маленькая желтоватая лужица на полу.

Следующим суждено было стать молодому магу тоже из третьего круга. Его Бирес хорошо знал, сын одного видного стигийского военачальника, присланный в Сартос на обучение. Довольно талантливый парень. Был. Он в точности повторил судьбу своего предшественника и после долгих мучений обратился в лужу.

Потом был маг второго круга. За ним пятеро из третьего. Затем снова второй.

Смотреть на это сил ни у кого не оставалось. Люди отворачивались и затыкали уши. Многие умоляли Ксарти выбрать их следующими. Бирес не знал, исполнял ли дух эти просьбы, он тоже не смотрел.

И тут неожиданно наступила тишина. Нет, Ксарти продолжал петь своё заклятье. Но стало это заметно лишь потому, что стихли крики.

«Закончилось?» — встрепенулся Бирес и наткнулся взглядом на стоящего от него по правую руку Арзареса.

Лицо бывшего стражника заливалась кровь. Но он стоял молча, закусив губу, и сверлил своими черными глазами духа. Голова Арзареса раскачивалась из стороны в сторону. У него, похоже, просто не хватало сил держать её прямо. Кожа стража пошла трещинами, а он по-прежнему молчал.

«Кричи! — мысленно призывал его Бирес. — Наплюй на ублюдка! Не мучайся, не стоит он этого».

Магу стало безумно гадко, что он совсем недавно подозревал Арзареса в измене. Сейчас он бы отдал за него жизнь. Бывший страж боролся с духом, как мог, как умел. Силой воли.

Уже ни одного живого места не осталось на Арзаресе, а он всё еще молчал. Он дождался того момента, когда его плечистую фигуру объял оранжевый свет, и слегка раздвинул уголки израненных губ в улыбке. В своей битве он одержал верх.

После этого многие маги старались повторить подвиг Арзареса. Некоторым удавалось продержаться достаточно долго, но до конца жертво-приношения не дотягивал никто. Бирес мысленно готовился к тому, чтобы тоже принять этот бой. На победу он не надеялся, но попытаться стоило.

Однако следующим магом первого круга, принесенным в жертву питомцу Ксарти, суждено было стать не ему, а Слепцу. Вот только Ка-рун-Ра просто так сдаваться не собирался.

Альбинос коротко вскрикнул, как если бы обжегся обо что-то горячее, когда его коснулась магия духа Камня. Потом сделал шаг вперед и послал в сторону Ксарти ответное заклятье.

Бирес тут же перешел на магическое зрение. Внешние эффекты при столкновении магии такой силы обычно совсем не показательны.

Пять нитей шли от Слепца к духу Камня. Они одновременно стремились удушить его и разорвать на части. Большая же часть энергии Ксарти была направлена к рожденному его изощренным умом охотнику за братьями. Альбиносу он отвечал лишь в десятую часть силы. И то чудо, что Ка-рун-Ра еще держался. Дух старался сдержать движение нитей, что оплетали его когнечности, одновременно насылая на Слепца подрывающие силы заклятья. Тот пока успевал отводить их в сторону, но напор со стороны Ксарти усиливался.

Тогда Ка-рун-Ра преобразовал структуру своих нитей. Бирес до этого момента считал подобное

невозможным. Ментальная магия в мгновение ока превратилась в стихийную. Дух, похоже, тоже не ожидал такого от человека. Вопль боли раздался в мире вещественном, когда в магическом нити прожгли грудь Ксарти. А Карун-Ра продолжал атаковать. Его оружие вновь подверглось метаморфозам. Теперь оно обрело жизнь. Тысячи жучков проникали под кожу духа сквозь рану в груди. Превозмогая боль, Ксарти обрушил на Слепца град ударов. В дело шла в основном стихийная магия, защиту против которой выстраивать тяжелее всего. Бирес мысленно похоронил альбиноса, но тот вскрывал всё новые резервы сил и отбрасывал прочь сгустки энергий. Жучки же продолжали пожирать тело Ксарти, и дух вынужден был отвлечься, чтобы изгнать их из своего тела. Карун-Ра воспользовался этой перепыхкой, чтобы нанести свой решающий удар. Из руки мага вылетела стрела, что сначала показалась Биресу ледяной, но потом он различил, что она состоит из того же вещества, что и Ксарти. Дух это тоже быстро осознал и испугался не на шутку. Прежде, чем стрела приблизилась к нему, он успел поставить на её пути с десяток преград, но все они разлетелись вдребезги. И когда снаряд уже находился у самой его груди, Ксарти попытался защититься с помощью потока, направленного к охотнику.

Стрела растворилась в сгустке магической энергии, но и охотника, оставшегося без подпитки постигла та же участь. Он покинул мир Хайбории, так толком и не родившись.

Бирес мысленно зааплодировал Слепцу. Ценой своей жизни он сумел предотвратить воплощение твари, заставил Ксарти использовать все силы для спасения своей жизни. Оставалось надеяться, что Карун-Ра успеет покончить с собой прежде, чем дух Камня лишит его такой возможности. В обратном случае Слепцу оставалось только посочувствовать.

Однако вновь маг ошибся со своим прогнозом. Карун-Ра продолжал атаковать, осыпая Ксарти заклятьями такой силы, по сравнению с которыми его изначальные нити казались детской забавой. Бирес перестал вообще что-либо понимать. Дух тоже сначала, казалось, был немного обескуражен, но потом начал отвечать альбиносу. Вот только делал он это не очень удачно, надеясь больше на силу, а Слепцу хватало умения уклоняться и отводить удары.

В какой-то момент у Карун-Ра вновь прошел триюк с преобразованием магии стихийной в животную. Три мелких грызуна с несколькими рядами острых зубов бросились на Ксарти, стремясь добраться до его сердца, печени и желудка. Дух Камня попытался обратить их в пепел, на Карун-Ра воздвиг надежную защиту для зверьков, которая выдержала и этот, и все последующие удары. Тогда Ксарти решил добраться до самого альбиноса. Он жег его, лишил воздуха, травил ядом, но Слепец упорно цеплялся за жизнь и продолжал поддерживать силы в магических зверьках. И вот первый из них пожрал печень духа. Ксарти взывал и попытался покинуть

тело стигийского стражника, но на него обрушилось заклятье, заготовленное альбиносом специально для такого случая, и зашвырнуло его обратно. Он тут же создал молот, что пробил бы отверстие в щите Карун-Ра, но применить его не успел. Два оставшихся зверька добрались до его сердца и желудка.

Так умер Ксарти, дух Камня.

Бирес стоял с открытым ртом, будучи не в состоянии поверить в увиденное. Карун-Ра сумел в одиночку одолеть Ксарти. И сделал он это, опираясь лишь на свои силы. Бирес посмотрел на обессиленного Слепца, лежащего на полу заклинательной залы, и испытал восхищение... и страх.

Вскоре пришло и понимание того, что он должен сделать. Нельзя позволять оставаться в живых магу подобной силы. Неизвестно, к чему он приложит свои способности и чем это обернется для мира. За прошедшую седмицу Бирес научился ценить равновесие и порядок. Как бы он ни относился к Слепцу, сейчас его долг состоит в том, что бы лишить альбиноса жизни.

— Прочь! — рявкнул Бирес на застывших, как истуканы, магов.

Те будто только и ждали его команды. Растигивая друг друга локтями, они рванулись к выходу из заклинательной залы.

Дождавшись когда последний из Хозяев покинет комнату, Бирес медленно подошел к тяжело дышащему альбиносу. Он лежал с открытыми глазами, на губах блуждала блаженная улыбка.

— Я сделал это, Бирес, — прохрипел он.

— Ты молодец, — ответил ему дрожащим голосом лысый маг.

Затем он опустился перед ним на колени, положил ладони на горло и начал душить. Глаза Карун-Ра округлились, ослабевшими руками он старался отпихнуть Биреса прочь, но силы были не равны.

В этот момент Бирес старался ни о чем не думать, вообще отрешиться от происходящего. Надо сделать дело, а слезы лить можно будет потом.

Карун-Ра уже было затих и прекратил сопротивляться, когда некий незримый враг отшвырнул Биреса в противоположную часть заклинательной залы. Маг при этом очень неудачно ударился левой рукой о стену.

«Точно перелом заработал», — между делом подумал Бирес.

Но превозмогая боль, он всё же поднялся на ноги. Слепцу неведомым образом, не прибегая к помощи звуков, обессиленному, удалось создать защитное заклятье! Его надлежало убить, во что бы то ни стало.

Бирес наколдовал большой огненный шар и послал его в сторону Карун-Ра. Хорошее, надежное заклинание. Температура у магического пламени обычно невысокая, но Слепцу должно было хватить. Альбинос постарался увернуться, но не сумел. Часть шара задела его, опалив кожу и волосы.

Карун-Ра кричал, будучи не в состоянии вытерпеть боль от ожогов.

— Что же ты сопротивляешься?! — крикнул Бирес. — Я не желаю тебя мучить!

Он попытался остановить сердце слепца, но тот сумел перехватить смертоносное заклинание. Тогда Бирес решил прибегнуть к более сложной магии. По примеру Ксарти он начал накапливать яды в воздухе вокруг Слепца. Карун-Ра отреагировал, но не сразу, часть отравы попала ему в легкие. Альбинос зашёлся в приступе кашля.

Биреса вновь обуяла жалость к старому товарищу, и он поспешил поскорее прекратить его страдания, прибегнув к простым, но единственным стихийным заклятьям. Делать этого, как выяснялось, не стоило. Разрушать сложные магические конструкции Слепец пока еще не мог, а вот с элементарными уже справлялся. Три потока стихийной энергии, отраженные, помчались назад к Биресу. Разрушил их он без труда, зато не разглядел укрытого среди них ментального, вызывающего паралич заклятья. Единственное, что успел сделать Бирес, это уменьшить его длительность.

Теперь оставалось только ждать.

Сколько времени прошло, прежде чем к нему привыкал Карун-Ра, Бирес не знал. Ориентироваться было совершенно не по чему. На лице Слепца имелся достаточно красочный след от огненного шара, дышал Карун-Ра еще тяжелее, чем тогда на полу, к тому же, то и дело кашлял.

— Зачем ты пытался меня убить? — спросил альбинос. В голосе его слышалось искреннее удивление.

К Биресу вернулась способность говорить, и он решил, что должен ответить.

— Ты стал слишком силен для этого мира, — сказал маг. — Если ты одолел Ксарти, то кто устоит перед тобой...

— Он слишком много энергии потратил на охотника, — возразил Карун-Ра. — Я лишь воспользовался его временной слабостью. Опомнись, Бирес! Мы же всегда были вместе.

— Не хочу врать тебе, — сказал Бирес. — Если освободишь меня, я постараюсь тебя прикончить. Пока есть шанс... Где границы твоих возможностей, кто знает...

— Я не о магии тебе говорю, — настаивал Слепец. — Ты же знаешь меня, как человека. Неужели я настолько плох, что заслуживаю смерти?!

— Ты украл артефакты, — ответил ему Бирес, — и подставил Карфота.

— Они нужны мне, — не стал вдаваться в подробности Карун-Ра. — И мне жаль, что так получилось с Карфотом. Это случайность, я вовсе не желал ему зла.

— Видишь, — сказал Бирес, — ты уже сейчас играешь чужими судьбами. Я своей позиции не изменю. Можешь меня убить.

— Не буду! — оскалился Карун-Ра. — Даже не подумаю! Ты мой друг, а заблуждения это временно...

Бирес промолчал. Просить о смерти он не собирался. Когда сойдет паралич, он сделает всё, чтобы поскорее отправить Слепца на Серые Равнины.

Сначала чувствительность вернулась к пальцам ног и от них начала поступательное движение наверх. Кое-как поднявшись, Бирес побрел к выходу из заклинательной залы. Для надежности он правой рукой опирался о стену, левая болталась плетью. В таком состоянии запертая дверь могла оказаться серьезным препятствием, если бы не возможность использовать магию.

Бирес прошептал заклятье, и дверь нехотя начала отворяться.

За ней обнаружилось десятка три Хозяев из нижних кругов. Все выглядели ошарашенными, испуганными и явно ожидали продолжения не приятностей. Бирес не собирался их разочаровывать, но для начала следовало прояснить некоторые детали.

— Куда направился Слепец? — спросил он.

Ответом ему явилась тишина в обрамление удивленных взглядов.

— Такой сложный вопрос? — поинтересовался Бирес.

— Карун-Ра не покидал заклинательной залы, — промолвил наконец один из магов второго круга.

— Проклятье! — процедил сквозь зубы Бирес.

Значит, альбинос воспользовался искаженным пространством. Переместился в свою любимую белую комнату.

— Ладно, — обратился Бирес к магам. — Слушайте меня все и передайте остальным! Карун-Ра оказался предателем, которого надлежит изловить и предать смерти. Поняли?!

— Но он же убил духа, — удивился всё тот представитель второго Круга. — Кого он предал?

— Всех нас! — ответил Бирес. Объяснить остальным истинные причины, по которым альбиносу дальше жить нельзя, он не собирался. — Он был с самого начала заодно с Ксарти! Или вы думаете, что человек способен в честном бою побеждать существа подобной силы. Я попытался уговорить Слепца сдаться Черному Кругу, однако он оглушил меня и сбежал в искаженное пространство.

Маги внимательно слушали. Бирес и сам не ожидал подобного успеха.

— Вы, наверное, знает об ограблении сокровищницы, — продолжал он. — Но вам известна лишь часть правды. На самом деле было украдено более десятка артефактов. И это тоже дело рук Карун-Ра. Сегодня утром Арзарес предоставил мне убедительные доказательства его вины. Вместе мы собирались установить, какой же артефакт является стрежневым для похищенных. Но в виду всем известных причин сделать этого не успели.

— Для чего Слепцу это могло понадобиться? — сразу несколько младших магов заинтересовались мотивами альбиноса.

— Узнаем это тогда, — ответил Бирес, — когда установим основной артефакт в цепочке. А для этого нам нужно проникнуть в комнату к Арзаресу, у него там хранилась подборка выписок о похищенном. И еще. Нам нужно спешить!

Бирес подумал, что со Слепцом вполне станется

догадаться, кто мог навести его на мысль о подлинном похитителе. Значит, он тоже не преминет заглянуть к Арзаресу в гости. Одна надежда, что сил у него осталось немного. В белую комнату он, наверняка, сбежал отлеживаться. Так что небольшой запас времени имелся.

— Пятеро из второго круга, — начал раздавать конкретные приказы Бирес, — и пятеро из третьего отправятся со мной взламывать дверь Арзареса. Шестеро тех и других отправятся в сокровищницу. Двое принесут оттуда нам побольше «идеальных ключей», остальные останутся сторожить. Если увидите Карун-Ра, бейте без предупреждения. Всех касается!

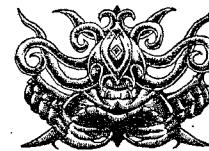
Еще около двух десятков магов осталось незанятыми. Их Бирес разбил на пары и приказал патрулировать поместье. Если натолкнуться на других спасшихся из заклинательной залы, то им все рассказывать и приставлять к делу.

«Что я делаю? — думал Карфот, ведя младших магов к комнате Арзареса. — Собираюсь убить лучшего друга, который нам всем жизнь спас... В кого же я превратился?»

Глава 3

О жизненном интересе

колько можно?! — возмущался Харольд. — Сначала Хирон, теперь Кри и Орч.

— Я их никуда не выгонял, — оправдывался Бруан, сохраняя самое невинное выражение лица.

— Ты позволил им уйти! — на взгляд старого некроманта, это было ничем не лучше.

— Разумеется, — ответил дух Камня. — Я в отличие от братьев и отца никогда никого ни к чему не принуждаю, если это только не делает мир вокруг меня чуточку интересней. Ощущение власти само по себе меня совершенно не прельщает.

Разговор этот происходил на восьмой послеполуночный колокол в комнате Бруана, которую ему любезно предоставил один из его братьев. Харольд, кстати, представлял его совершенно другим. Коратцо оказался вежливым уравнове-

шенным существом, вовсе не одержимым безумными идеями или жаждой крови. О помощниках его некромант не мог сказать ни плохого, ни хорошего. Они вчера, по большей части, помалкивали.

Впрочем, перекинуться парой слов с Коратцо и его подручными маг успел и сегодня. Харольд заходил к ним спросить, не видели ли они его зомби. Рыжий ответил, что некоторое время назад имел беседу с Орчем, но после этого с ним не сталкивался. Остальные тоже не знали, где могут находиться живые мертвецы.

Пропажу их Харольд обнаружил, когда отправился в комнату к Орчу, посмотреть, как дела у бывшего конфидента. Не обнаружив зомби на месте, решил заглянуть к Кри на случай, если мертвецы вздумали поразвлечься. Но и там было пусто. Проверив весь дом, Харольд приступил к опросу его обитателей. Бруана он оставил напоследок.

— Это жестоко по отношению к ним, — настаивал Харви.

Дух Камня загадочно улыбнулся.

— Ты правда так считаешь? — спросил он у некроманта. — Посмотрим, изменится ли твое мнение, скажем, к полудню.

— На что это ты намекаешь? — Харольд не успевал разобраться в хитросплетении мыслей безумца.

— Ты всё увидаишь сам, — сказал Бруан. — Я очень ценю то, что ты отправился со мной в Сартос, и собираюсь вознаградить тебя. Мне хочется,

чтобы ты вспомнил, что такое жизнь. Ты же не всегда влакил серое существование.

— Ты знал, что я отправлюсь их искать, — додгался Харольд. — И чего же интересного ты приготовил для меня в городе?

— Ничего, — улыбнулся безумный дух. — Ты сам найдешь, чем заняться. Выбор сегодня будет огромный.

Некромант понял, что нормального ответа ему от Бруана не добиться. Собственно, поэтому он и откладывал до последнего разговор с ним.

— Я пойду, — сказал Харольд.

Он волновался за Орча и Кри. Это Бруана все эти перемены забавляют, а остальным с этим всем потом еще жить. Страшно подумать, во что могут превратиться его зомби.

— Постой! — окликнул его дух. — Я с тобой.

В два прыжка Бруан догнал, идущего к двери Харольда.

— Я запретил брату и его друзьям, — сказал безумец, — покидать дом раньше меня. Им предстоит сыграть весьма важную роль, и я не хотел, чтобы они раньше времени погибли ненароком. Но теперь, мне кажется, уже пора выпускать их на арену.

Харольда посетила мысль, что, скорее всего, уже сегодня всё это безумие закончится. Бруан старательно выверял время и место, расставлял фигурки по своим местам и готовился насладиться представлением. А что дальше?

«Он и сам не знает», — подумал Харви. — «Слишком любит неопределенность».

День, которому надлежало стать роковым, оказался солнечным. Со стороны моря дул сильный, порывистый ветер. Бруан улыбался, глядя как он лохматит его волосы.

Прощаться дух и некромант не стали. Безумец направился в сторону порта, а Харольд решил побродить немного вокруг дома. Магу не давали покоя слова Бруана про отношение к зомби. Скорее всего, дух подразумевал, что с ними должны произойти какие-то изменения. Хотя сам-то Бруан знал, какие именно.

Харольд расспрашивал прохожих, не видели ли они, кого-нибудь похожего на Орча и Кри, но те в ответ лишь качали головами. Похоже, зомби ушли из дома еще несколько колоколов тому назад.

«Жаль, не спросил об этом у Бруана, — сокрушался маг. — Он бы ответил».

Оставалось одно средство. Испытанное, верное, но, как показал вчерашний опыт, неприятное в использовании. Речь шла о заклинании «поиска мертвый плоти». Отвращение к некромантии в Харольде по-прежнему было достаточно сильно, но теперь он хотя бы знал, каких именно эффектов следует ожидать. На этот раз он не позволит заклинанию распасться, да и цели у него не столь быстроногие как Хирон. Им тоже, кстати, надо будет заняться, но это в последнюю очередь.

Колдовать Харольд ушел в тень одного из домов. Солнце отрицательно влияет на большинство заклятий некромантии. Конечно, хорошо было

бы отыскать еще и безлюдное место, но Харви города не знал и проблуждать в поисках такового мог с колокол, а то и больше. Прохожие оборачивались на него, когда слышали, что старик у стены что-то бормочет на непонятном языке, но неизменно проходили мимо.

Заклинание получилось вполне крепкое. Образ мог выйти и почетче, но хотя бы исчезать никаку не спешил. Образовалась, правда, одна несущрица. Если верить магической картинке, то живых мертвецов в Сартосе находилось не три, а четыре. Бруан был не в счет, его Харольд сознательно исключил из заклятый «поиска». Понять, кто из представленных зомби Хирон, труда не составило, но вот трое оставшихся друг от друга отличались слабо. И Харви, не мудрствуя лукаво, решил идти к ближайшему.

Определившись с направлением, некромант отодвинул картинку заклятый на задний пласт сознания. То есть просто стал поддерживать её энергией, но сверяться с ней каждое мгновение не сверялся. Он помнил слова Бруана, что выбор, чем заняться, в городе будет огромный. Это вполне могло означать, что опасность может подстерегать за каждым углом.

Харольд твердо решил для себя, что после того, как отыщет зомби, немедленно покинет Сартос. С эффектами, полученными от Бруана, можно будет как-нибудь разобраться и у себя в поместье. Оставаться здесь дальше, казалось, магу слишком опасным.

«Поздно я зашевелился, — ругал себя Ха-

рольд. — Не успею выбраться из этого котла. Один бы успел, а когда мертвецов найду поздно уже будет. Хотя и сейчас уже, наверное, поздно».

Последняя мысль посетила некроманта в тот момент, когда он увидел перед собой толпу бурно спорящих горожан. Собралось их человек тридцать прямо посреди улицы, и все что-то кричали друг другу. Разобрать отдельные слова в таком галдеже возможным не представлялось.

Харольд предпочел обойти спорщиков стороной.

Но не тут-то было. Из толпы высунулся щуплый мужичок лет сорока и схватил некроманта за грудки.

— Зачем ты, гад, девочку снасильничал?! — заорал он на Харольда. — И почему один? Почему нас-то не позвал?

Говорить с таким толку не было. Харви бросил простенькое заклятие «близости смерти», и мужичок отскочил от него, как от прокаженного. Эффектная магия. Жертве кажется, что заклинатель собирается её прикончить прямо здесь и сейчас, но главное, она верит, что это у него получится.

— С ненормальными тоже срабатывает, — пробормотал себе под нос Харви и пошел прочь.

Из толпы выдвинулись в его сторону еще двое таких же нездоровых мужиков, и некромант ускорил шаг. К счастью, гнаться за ним они не решались и вскоре забыли о его персоне.

Харольду не раз и не два попадались такие вот сумасшедшие. Буйных среди них было мало,

большинство, предпочитало ограничиваться словами и не доводить дело до рукоприкладства. Встречались и те, чье сознание съезжало в сторону полного отрещения от мирских проблем. Они бредли, казалось, сами не зная куда, с пустыми ничего не видящими глазами. Из чистого любопытства Харви обратился к одному из них с приветствием. Тот, вопреки ожиданиям некроманта, ответил ему и даже поинтересовался состоянием дел мага. Но говорил он совершенно без всякого выражения, словно это и не человек вовсе, а кукла.

Однако в большинстве кварталов безумие никак не касалось людей. Там Харольда окружали доброжелательные улыбки торговцев, жалостливые гримасы попрошайек и хмурые лица простых прохожих. Находясь здесь, некромант всерьез задумывался над тем, уж не он ли сам всех ненормальных выдумал.

«Это было бы слишком просто», — отвергал это предположение Харви. — «Списать всё на игры воображения. Нет, это Бруан постарался».

Однажды маг забрел на улочку, где нормальных людей уже не осталось. Все они позапирались в своих домах, и Харви полностью одобрял такое их поведение. Агрессивно настроенные безумцы здесь не тратили времени и сил на бестолковые споры. Часть из них устраивала междусобойные потасовки. Другие же, наоборот, объединялись в группы и крушили всё вокруг, не брезгую и избиением одинокого прохожего. Харольду вновь пришлось прибегнуть к помощи магии, чтобы отделаться от них.

Но вот прошел колокол, и волна безумия откатила от Сартоса. Лишь редкие горожане несли на себе его отпечаток. Харви догадывался, что это лишь затаище перед следующим ударом. Сколько оно продлиться, одним лишь богам известно.

К этому времени некромант почти настиг первого из мертвецов.

Обиталищем своим зомби выбрал место безлюдное. И дома окрестные иным словом, кроме как лачуги, язык не поворачивался назвать. В одной из них живой мертвец и прятался.

Харви приблизил к себе магическую картинку «поиска» и начал аккуратно продвигаться в направлении избранной цели, боясь проскочить нужный дом.

И когда до зомби рукой уже было подать, его символ пропал из заклинания. Мертвецов вновь, как и положено, оказалось трое. Только для Харольда это утешение было слабое.

— Будь всё проклято! — ругался некромант. — Умудрился выбрать не того!

Со злости Харольд пнул валявшийся под ногой камешек. Тот отлетел к дверному проему одного из домов. Оттуда высунулась рука и подняла снаряд. Вслед за ней показались и остальные части тела Орча.

— Не меня ищешь? — спросил он у Харольда.

— Сет! — воскликнул некромант. — Как же я не догадался? Ты просто перешел в другое состояние, вот заклятье и перестало тебя замечать.

— Не объяснишь мне, — попросил Орч, — что

я здесь делаю? Ты ведь занимался тем, что искал меня, так?

— Я проснулся утром, — ответил Харольд. — Хотел поговорить с тобой и обнаружил, что вы с Кри пропали. Бруан отказался говорить, куда вы направились, вот и пришлось воспользоваться магией. Хорошо, что ты только сейчас стал человеком, иначе я бы ни за что не нашел тебя.

— Значит он жив? — спросил бывший конфидент.

— Бруан? — не понял Харольд, но Орч кивком показал, что предположение правильное. — Живее некуда. Отправился куда-то к морю очередные гадости творить.

— Удивительно, — сказал Орч и начал ощупывать своё тело. — Я ведь снова стал человеком, настоящим, живым.

— Уверен? — поинтересовался Харви.

— Более чем, — ответил Орч. — Это ни с чем не спутаешь. Получается, что ванир ошибся, и я вовсе не скатился к полужизни. Великолепно!

— Сигурд сказал мне, — заметил некромант, — что вы с ним вчера беседовали.

— Он собирался убить Бруана, — сказал Орч. — Я решал, стоит ли мне вмешиваться. В конце концов, ванир убедил меня остаться в стороне. Хорошо, что у него ничего не вышло. Теперь я жив полностью и совершенно! Хвала Бруану!

— Погоди бросаться такими словами, — Харольд духу Камня не доверял.

— Почему? — удивился Орч. — Он вырвал ме-

ня из лап небытия, а до того, умышленно он это сделал или случайно, мне нет никакого дела.

— Помолчи, пожалуйста, — попросил маг своего ожившего подопечного. — Я что-то чувствую.

Одним из основных плюсов анимагии является то, что после занятий ею у колдуна появляется некое сродство с природой.

Он чувствует духовную сущность зверей, птиц, рыб и даже деревьев без обращения к заклятьям. Чем опытней маг, тем сильнее развито в нем это свойство. Когда-то Харольд был очень хорошим анимагом, и сейчас вместе со страстью к этому искусству к нему вернулась и способность ощущать живое.

— Орч! — обратился он к бывшему зомби. — Надо уходить отсюда и побыстрее!

Харви на удивление резво для своего возраста побежал в сторону заката. Орч последовал за ним.

— Что произошло? — поинтересовался он у мага на бегу.

Некромант очень боялся сбить дыхание, но всё-таки ответил.

— Я понял, — сказал он, — почему Бруан направил тебя именно сюда. Не спрашивай больше ни о чем. Беги!

Маг переставлял ноги так быстро, как мог, но понимал, что этого недостаточно. У более молодого Орча, конечно же, сил было в разы больше, но он умышленно держался рядом с некромантом. Харольд хотел приказать ему бежать вперед в одиночку, но не успел. Из боковой улочки пе-

ред ними выскочил первый представитель тех, кого почувствовал Харви.

Пес глухо зарычал и начал надвигаться на людей. Шерсть на загривке стояла дыбом, рот был в пене. И без магии было понятно, что этот образчик животного мира страдает от бешенства.

«Всё-таки схватки не избежать», — подумал Харольд. — «Бруан решил посмотреть, какой из меня анимаг, и добился своего».

Для начала Харви воспользовался одним из элементарных заклятий этой школы магии, «ощущением». Нюх, зрение и слух некроманта усилились в несколько раз. Теперь он мог следить за передвижениями всей собачьей стаи, а она была не маленькой. Десятка два особей обоих полов.

Первый пес тем временем приблизился и изготоился к прыжку. Харольд не позволил ему этого сделать. В анимагии существуют заклятья, созданные специально для взаимодействия с конкретными видами животных. Так, на кошку сотворенная только что волшба не оказала бы никакого действия, а пес благополучно скончался.

«Молодец, Харольд», — похвалил себя маг.

Но долго праздновать победу ему не позволили. Одновременно две собаки спереди и одна сзади бросились на людей. Орч, к счастью, догадался встать к Харольду почти вплотную. Этих псов некромант прикончил тем же заклятьем, что и первого. Но к ним уже подоспела смена. Десяток собак позади людей и почти столько же перед ними.

Перебить их всех Харольд не успевал. Спеленав сознание четырех собак, он заставил их напасть на своих собратьев. К сожалению, всеобщей своры не получилось. Хвостатые твари стремились достать именно людей. Три собаки одновременно взметнулись в воздух. Двух Харольд успел прикончить в полете, но последняя достигла своей цели и вцепилась зубами Орчу в плечо. Некромант только хотел её скинуть, как на него набросилось еще три пса. Из последних сил Харольд отбил их атаку. Перед уже ним собралась внушительная гора собачьих трупов.

А бедного Орча рвали на части три представителя стаи. К ним мчались на подмогу еще две бешеные твари. Столько же напало на смеившегося в сторону во время схватки некроманта. Их постигла участь собратьев.

Это были последние, если не считать тех, что грызли труп Орча. Харольд стоял, прислонившись спиной к одному из домов, и наблюдал за кровавой трапезой. Сил колдовать у него уже почти не осталось. Он собирался ударить только, если псы нападут первыми. Но те угорю не жалели обращать на него своё внимание.

Харольд догадывался, что если он решит уйти, его, скорее всего, отпустят. Однако бросить здесь Орча он не мог. Когда маг понял, что сможет сотворить волшбу, он атаковал. Заклинание вышло на редкость удачным. Все пять псов упали замертво.

Подойти поближе к Орчу некромант не решился. Догадывался, что именно он там увидит.

— Прощай, друг, — обратился он к своему почившему подопечному. — Сначала ты обрел жизнь, а теперь и смерть. В любом случае, это лучше того состояния, в котором ты пребывал. Пусть твоей душе будет легко на Серых Равнинах.

Маг произнес заклинание «стихийного огня», и труп Орча скрылся в языках пламени. За пол-колокола он должен был обратиться в пепел.

Харольд глубоко вздохнул, вытер рукавом нечаянную слезу и побрел прочь.

Он думал, что было бы, направься он по другому ориентиру. Скорее всего, псы так или иначе напали бы на бывшего конфидента. Харольд вспомнил, что вчера братья-духи говорили о влиянии Бруана на животных. Безумец рассказывал, что те собаки, которые не убегают прочь при его появлении, вскорости бесятся, сбиваются в стаи и устраивают жить в пустынных местах, вроде этого.

И сюда Бруан послал Орча именно из-за того, что как-то прознал о возрождении в Харольде страсти к анимагии. Ему показалось забавным устроить испытание. Что-то подобное, наверняка, ждало его и у Кри. А может даже и у Хирона.

Маг решил посмотреть, живы ли они. Заклинание «поиска мертвой плоти», как ни странно, все еще работало. Зомби в Сартосе по-прежнему, после возрождения Орча, наблюдалось трое. Бегающий Хирон и еще двое, одна из которых Кри.

На этот раз Харви решил действовать от противного и пойти к дальнему мертвяку, надеясь

тем самым внести разлад в планы Бруана, хоть и догадывался, что в данном случае задача практически не выполнима.

Выбравшись в людные места, Харви испытал заметное облегчение. Нападения еще одной стаи он бы уже не выдержал, а чутье подсказывало, что эта была не единственная. Люди к этому времени уже полностью избавились от следов безумия и, похоже, даже не подозревали, что оно вообще их касалось. Харольд изо всех сил заставлял себя не думать о том, что это спокойствие воцарилось очень ненадолго.

То и дело некромант обращался к заклятию «поиска». Он беспокоился, как бы что не случилось с Кри и Хироном, пока он к ним идет.

К сожалению, о состоянии, в котором пребывали искомые мертвяки, заклинание оповестить не могло.

Получилось так, что по дороге к дальнему зомби, Харольд оказался от ближнего на расстоянии всего в несколько кварталов. Искушение изменить маршрут было очень велико, но воспоминания о ловушке, подстроенной Бруаном для Орча помогли преодолеть соблазн.

Один раз некроманту показалось, что в конце улицы, по которой он шел, мелькнула фигурка Хирона. Харольд сверился с заклятием и убедился, что зрение его не подвело, однако преследовать быстроного зомби не решился. Вчера тот подходил и на более близкое расстояние, да и до Кри уже идти было всего ничего.

Дом, в котором засела прекрасная зомби, маг

обнаружил уже в следующем квартале. Строение это было каменное, одноэтажное. Его можно было бы назвать непримечательным, если бы не толпа у входа, что живо напомнила некроманту те, которые он видел в начале сегодняшнего путешествия.

Казалось разумным постоять и послушать, о чем говорят эти люди, но маг слишком волновался за судьбу Кри, чтобы ждать. Помогая себе локтями, некромант пробирался сквозь толпу к двери. Но оказалось, что сдерживать его особо никто не собирается, люди в дом попасть не стремились. Однако стоило Харольду оказаться внутри, как перед ним возник огромный человек с лиловой повязкой на руках.

— Стой, — сказал он Харольду. — Дальше нельзя.

Спорить у некроманта желания не было, и он использовал на здоровяке заклятие «онемения мышц». Магия сработала со скрежетом. На парне, видимо, висела хорошая защита. Повезло, что энергии для заклинания Харольд не пожалел. Охранник зашатался, сделал шаг назад, а потом свалился кулем на пол. С четверть колокола должен был провалиться.

С улицы произошедшего видно не было, так что Харви спокойно двинулся внутрь дома. Там суетилось еще с десяток людей с повязками. На Харольда они внимания не обращали, были уверены, что посторонний внутрь не пройдет. Некромант шел вперед по узкому коридору, заглядывая то в одну, то в другую комнату. Судя по

обстановке, в доме располагался довольно дешёвый притон. Становилось понятно, отчего Кри направилась именно сюда.

За очередным поворотом обнаружилось четверо людей с повязками. Эти были спокойны, стояли около одной из дверей и чего-то ждали. Когда Харольд приблизился к ним, самый старший протянул ему руку.

— Некромант? — спросил он.

— Некромант, — ответил Харольд, пожимая ему ладонь.

— Хорошо, что вы так быстро, — сказал человек в повязке. — Обычно по колоколу ждать приходится. Проходите внутрь. Мы останемся здесь.

Харви не смущало, что его перепутали с кем-то другим. Это шанс добраться до Кри, и надо им пользоваться.

От открывшейся за дверью картины некроманту стало плохо. На кровати напротив двери сидела его прекрасная обнаженная подопечная и гладила своё тело, а у стен были свалены десятки трупов. У правой лежали мужчины, у левой — женщины. Никакой одежды на них также не наблюдалось.

Кри узнала Харольда и начала ему заискивающе улыбаться.

— Что же ты наделала, дурочка? — упавшим голосом спросил Харольд.

Зомби оторвала правую руку от своей груди и стала указательным пальцем подзывать некроманта к себе, не прекращая ни на миг улыбаться.

— Бедная, — проговорил Харольд, глядя на неё.

Следующими его словами стали те, что составляли начало формулы заклятия «упокоения».

Подобие жизни постепенно оставляло Кри. Она опускалась все ниже и ниже на кровать, и до последнего мига не отводила от Харольда полный обожания взгляд. Когда всё было закончено некромант подошел к своей подопечной, присел рядом и начал ласково гладить по волосам.

Из-за двери стали интересоваться, всё ли в порядке. Упокоение слишком затянулось, и Харви понимал это. Он аккуратно прикрыл глаза зомби и вышел из комнаты.

— Я всё сделал, — сказал он людям в повязках и не прощаясь зашагал прочь по коридору.

На выходе из дома Харольду захотелось пнуть здоровяка, которого так до сих пор никто и не заметил, и он решил не отказывать себе в удовольствии.

Двое из трех его питомцев были мертвы. Как ловить третьего некроманта, и представления не имел. Перспектива повторить вчерашний опыт с беготней по всему городу не внушила Харольду оптимизма.

«Странно, что всё так получилось, — думал некромант. — Ведь Бруан по своей природе существо не злое, просто он страшно любит яркие жизненные моменты. Спаси я Орча от стаи бешенных псов, это выглядело бы очень красиво. И Кри, наверное, можно было помочь, направься я к ней с самого начала».

Означал ли такой подход, что стоит попытаться найти Хирона? Но некроманту более заманчивой показалась идея расследовать, что же это за неизвестный зомби бродит по Сартосу. Для него Бруан тоже, скорее всего, чего-нибудь приготовил.

«Ну, да ничего, на этот раз должно повезти.

Идти до мертвяка оказалось прилично. Он двигался в сторону того района, куда Бруан отоспал Орча. Хорошо, хоть направление немного другое.

По дороге Харольд раздумывал над тем, а не сбежать ли ему из Сартоса. Ведь теперь его здесь ничто не держит. Хирон не в счет, его ловить можно до скончания веков. Интересно, предусмотрел ли Бруан такой вариант? Скорее всего, да.

«И еще он знал», — усмехнулся мысленно Харольд, — «что я никуда не уйду, пока не узнаю, кто такой этот невеста откуда взявшийся мертвяк. Может статья, именно он и задумывался, как основная цель для меня».

Выглядело это предположение вполне логично. Орча и Кри Бруан загнал в ситуацию, в которых окончательная смерть оказывалась наиболее вероятным исходом. Поведение Хирона осталось прежним. А вот последний мертвяк так и манил своей доступностью.

В принципе, Харольда не раздражало, что он идет на поводу у духа Камня. Он даже не злился на него за то, как тот поступил с Орчем и Кри. Бруан не желал их смерти, они погибли вследствие его природы. Точно также Харольд не был

благодарен духу за возвращение к нормальной жизни. Безумца нисколько не интересовали последствия его поступков, он делал так, а не иначе, потому что ему этого хотелось.

Неизвестный зомби, вопреки опасениям Харольда, свое путешествие по Сартосу завершил в сравнительно людном квартале. Сейчас он активно перемещался внутри него, но за пределы не выходил. Некроманту это напомнило ситуацию с Хироном, который также подманивал его ощущением видимой близости. Но впечатление это оказалось ошибочным, очень скоро зомби вышел на ту же улицу, где находился Харольд, и направился навстречу магу.

Некромант скользил взглядом по лицам встречных прохожих, стремясь понять, кто же из них на самом деле живой мертвец, но выделить никого не мог. Пришлось рискнуть и прибегнуть к магии. Зомби, обычно, чувствовали заклятье «обнаружения» и, если оно исходило не от призвавшего их некроманта, реагировали на него очень нервно. Так что колдовать Харви начал, когда мертвяк должен был находиться приблизительно в десяти шагах от него. С такого расстояния не больно-то сбежишь.

Заклинание сработало отлично, очень четко указало на худощавого смуглого человека, что не торопясь брел ему на встречу. Вот только мертвецом, в привычном понимании этого слова, он не являлся. Душа всё еще находилась в его теле, хотя сердце и легкие не работали. Такое Харольд видел впервые.

«Еще один фокус Бруана», — подумал некромант. — «Только на этот раз я успел. Еще немнога, и душа оставила бы оболочку. А так, если сумею воскресить его плоть, она должна повременить с путешествием на Серые Равнины».

Времени на раздумья и приготовления уже не оставалось, очередная игра, рожденная духом Камня, могла в любой момент завершиться поражением некроманта и этого смуглого жгучего.

Харольд, не обращая внимания на солнце и уличную толкотню, начал читать заклятье «возрождения плоти». Было такое и в школе некромантии, но имело оно ряд особенностей, главной из которых считались сильные болевые ощущения у цели.

Смуглый закричал в полный голос, когда магия коснулась его. Затем начал озираться по сторонам и увидел Харольда.

— Конан, скорее! — крикнул он огромному черноволосому северянину, что шел по правую руку от него. — Останови того некроманта! Не дай ему завершить заклятье!

Северянин ситуацию оценил в мгновение ока. Подлетев к Харольду, он со всей силы приложил его кулаком в висок. Перед тем, как потерять сознание, маг успел пожалеть, что лишь пары слов ему не хватило до окончания формулы.

Приходил в себя старый некромант постепенно. Сначала вернулась способность мыслить, но в голове всё путалось, и толку с разумом в таком состоянии не было никакого. Затем Харольд начал слышать голоса. Интуитивно догадавшись,

что это может оказаться полезным, некромант постарался сосредоточиться на них. Звуки стали выстраиваться в слова, а слова в фразы.

— Ты уверен, что это он? — спросил первый голос.

— Точно тебе говорю! — отвечал ему второй. — Я его тогда на песке видел вместе с одним из образов полубога, с тем существом, которое ты зовешь духом.

— Они сами так себя называют, — сказал первый. — Если ты не ошибся, мы сможем исключить еще один вариант. Твой дух это не маг и не тот, которого ты видел в компании моего первого помощника. Сейчас проверим заезжего.

— Вдруг он его посланник? — предположил второй.

— Тогда получается, — заметил первый, — что мы зря уже второй колокол подряд пытаемся отыскать мальчишку.

— Надо же было что-то выбрать, — оправдывался второй.

— Я тебя и не обвиняю, — сказал первый и добавил. — Смотри, он приходит в себя.

Харольду плеснули в лицо воды, видимо, для того, чтобы ускорить процесс его возвращения в реальность. Маг осторожно открыл глаза, опасаясь яркого света. Но, оказалось, что находился он в темном, вероятно, подвальном помещении.

— Как ты? — спросил некроманта обладатель первого голоса.

Им оказался тот самый северянин, что не дал ему завершить заклинание. Его собеседником,

как не трудно догадаться, был смуглый. Состояние его, вроде бы, осталось неизменным. Дышать — не дышал, но и на зомби он тоже походил слабо.

Некромант сосредоточился на своих чувствах, силясь отыскать ответ на вопрос северянина. Выяснилось, что болела голова и ныло в пояснице. И еще слегка подташнивало.

— Нормально, — ответил Харольд. — Спасибо.

Черноволосый скептически осмотрел мага и после небольшой паузы кивнул смуглому.

— Отвечай, кто ты такой? — тут же потребовал у некроманта ненормальный образчик зомби. — И зачем хотел меня вернуть к жизни?

Харольд вспомнил, о чем говорили эти двое, потом то, что ему сказал с утра Бруан, и махнул на всё рукой. Дух Камня явно желал втравить его в какую-то авантюру с неведомым финалом, и встреча с этой парочкой очень сильно походила на её начало. Означало это то, что сопротивляясь бесполезно да и, наверное, бессмысленно. Вот Харольд и решил рассказать северянину и смуглому обо всем, что с ним произошло за последнюю седмицу.

Говорил Харви долго, никак не меньше половины колокола. Двое пленивших его людей слушали внимательно, лишь изредка задавали вопросы. Некромант даже впечатлился их такой реакцией, в глубине души он побаивался, что ему не поверят.

Однако еще больше его потрясла реплика северянина после окончания рассказа.

— Значит, не зря мы мальчишку искали, — сказал он своему товарищу.

Типичный варварский прагматизм.

Смуглый же отличался более тонким складом ума. Его очень заинтересовала личность Бруана.

— Игру затеял? — переспросил он у Харольда. — Расставил фигуры и предложил им самими разыграть партию.

— Ясуд, это точно не твой полубог, — сказал северяин. — Он и так вполне себе могущественен. Ему достало сил пленить одного из братьев, сделать такой фигуркой, как и этого старика.

— Как и нас, — добавил смуглый Ясуд.

— Думаю, этот Бруан, — предположил черноволосый. Харольд вспомнил, что на улице Ясуд выкрикнул его имя — Конан, — решил помочь нам выйти на его брата. Для этого он и прислал сюда некроманта.

— Скорее всего, это была лишь одна из множества вероятностей, — ответил Ясуд. — Нам крупно повезло, что сработала она.

Разговор начал уходить в сторону от того, что было известно некроманту. Харольд решил, что так дело не пойдет.

— Если вам нужна помощь, — вмешался он в беседу, — предлагаю вам поведать мне, кто вы такие и чего добываетесь.

Ясуд с сомнением посмотрел на Конана. Харольд чувствовал, что он ему не доверяет. Смуглый очень болезненно воспринял попытку некроманта возродить его тело к жизни.

— Нам не обойтись без некроманта, — сказал

Конан своему товарищу, — заставить его работать на нас силой не получится. Мне кажется, ему можно верить.

— Твой выбор, — пожал плечами Ясуд. — Мне-то уже терять нечего.

Первым свой рассказ начал иранистанец. В общем-то именно из него Харольд узнал о происхождении Ясуда. Судьба странствующего проповедника чем-то напомнила некроманту его собственную, и относиться к иранистанцу он стал куда доброжелательнее. Про момент воскрешения Харольд расспрашивал Ясуда со всем возможным тщанием, но тот, к сожалению, в тонкостях процесса не разбирался.

Повесть Конана оказалась более прозаичной. Больше всего в ней Ясуда заинтересовало то, как боцмана обращали в собаку. Правда, ближе к окончанию рассказа всплыла на поверхность довольно забавная деталь. Конан начал врать Харольду обо всем, что касалось его визита в сокровищницу. Установили это, благодаря Ясуду, который всё знал про договор с Арзаресом. На иранистанца магия «молчания» не распространялась, так как он был мертв, а вот при общении с Харольдом колдовство начинало влиять на волю киммерийца. Пришлось эту часть рассказа доверить Ясуду. Тот, впрочем, этому не противился.

Бруан подгадал всё очень правильно. Хитрый дух Камня не просто столкнул Харольда с Конаном и Ясудом, а еще и подготвил некроманта к тому, чтобы положительно ответить на их просьбу о помощи. Новый Харви, избавившийся от

бремени умопомрачения, чувствовал, сколь отвратительной была его прежняя жизнь, хотя даже сейчас признавал он это с трудом. Его подопечные зомби невольно держали раскаявшегося мага на привязи, заставляли ощущать себя виноватым перед ними. Теперь, когда их не стало, можно было начинать новую жизнь. И Бруан тут же подбросил некроманту возможность загладить свои старые грехи перед людьми. Вот она та компенсация за смерть Орча и Кри, о которой маг думал ранее.

— Я готов вам помочь, — сказал Харольд. — Только мне кажется, вы ошибаетесь насчет кандидатуры полубога.

— Ты что-то путаешь, — ответил Конан. — Совершенно ясно, что это не дух из поместья Хозяев, и не те двое, в обществе которых ты провел эту ночь. Остается только мальчишка.

— Есть еще кое-кто, — напомнил киммерийцу некромант. — Их отец, маг впервые вызвавший духов из Камня. Бруан в беседах со мной, хоть и говорил о нем с долей иронии, но чувствовалось, что он уважает его. К братьям же он, наоборот, относится пренебрежительно. Как считаете, чем это может быть вызвано?

По глазам киммерийца Харольд догадался, что северянин всё понял.

— За фантазию, — сказал он, — за размах идеи он отца ценит. Задумка с призывом духов, наверняка, была еще той авантюрой. Вполне возможно, что именно маг выдумал Общество, понимая, что конец его близок.

— Уверен, так оно и есть, — ответил некромант. — Но просто так отцу на свободу не выбраться. Ему необходима помощь одного из братьев, который согласился бы разделить с ним свое сознание. Вот на эту роль любовник подходит идеально.

— Разумно, — подытожил Ясуд. — Только это создает для нас лишнюю проблему. Недостаточно найти духа, надо еще суметь выманить отца. Я начинаю очень сильно подозревать, что одно из колец Общества давало владельцу дополнительные знания. Возможно, и обязывало оно к большему. Две другие линии могли одержать верх только в случае явно физического и интеллектуального превосходства их представителей. Это что-то вроде гарантии от вырождения. Больше Себеру не откуда было узнать, о том кто есть кто среди духов.

— Увидев, что нему пришел, — предположил Конан, — человек из другой линии, отец насторожился бы и мог устроить проверку. Возможно, хорошо, что мы его не успели найти, пока среди нас не появился некромант.

— Хотите, чтобы я воскресил Себера? — спросил Харольд. — Вы не думаете, что сabbатейцы, как вы их называете, сняли с него кольцо и надели на кого-то другого. Ясуд в его нынешнем состоянии мог этого и не почувствовать.

— Они это сделают, — сказал отошедший от дел странствующий проповедник Эрлика, — если убедятся, что не смогут достать полубога другим способом. На проведение всех ритуалов Общест-

ва понадобится не меньше двух дней. Сначала они захотят испытать свое привычное средство. Себера приготовят соответствующим образом и съедят. К счастью, у нас есть еще немного времени в запасе. Сразу жрать они его не станут. Для усиления эффекта надо провести над огнем определенные обряды, этим сabbатейцы сейчас и занимаются.

— Только вот, — добавил мрачным тоном Конан, — вопроса о попадании в особняк Золотого Павлина никто не снимал.

Серьезная задачка, насколько помнил Харольд из рассказа киммерийца. Северянин особо упирал на то, что «лиловые» это не просто обычая стража и на дешевую иллюзию они не купились бы. Скорее всего, сabbатейцы использовали искаженное пространство.

Эту версию Харольд и озвучил.

— Я тоже так считаю, — согласился с ним Ясуд. — Причем для его создания явно использовались артефакты. Иначе Хозяева непременно учゅяли бы волшбу. Золотой Павлин очень богатый культ и может позволить себе дорогие усилители магии.

— Может, объясните мне, — язвительным тоном предложил Конан, — о чем вообще речь?

Обязанность рассказчика взял на себя Ясуд.

— Существуют два особняка, — сказал он. — Один в реальном пространстве, другой в магическом. Если не знаешь нужной формулы, попадешь в то, где тиши, благодать и птички поют. Сabbатейцы же скрываются в другом.

— Можно поймать одного из них, — высказался киммериец, — и выпытать у него пароль.

— Исключается! — запротестовал Харольд. С точки зрения магического искусства идея Конана являлась бредом чистейшей воды. Это настолько поразило некроманта, что он отобрал право слова у Ясуда. — Думаешь, поклонники Золотого Павлина не учли подобную возможность? Есть десятки способов покарать таких самоуверенных гостей. Скажем, формула может не сработать, если человек не прошел определенный ритуал. Или если потребовать от сabbатейца провести вас с собой внутрь, ему достаточно будет изменить одну букву в заклятье или сделать самый незначительный жест, чтобы кого-то из непрошенных гостей или всех их магический замок отправил на Серые Равнины. Поверь, это еще не все возможные варианты.

— Хорошо, убедил, — согласился Конан. — Но что делать-то? Сомневаюсь, некромант, что тебе под силу разбить их защитную магию.

— Этого сделать я, разумеется, не смогу, — признал Харольд. — Зато заклятье можно попытаться обмануть. Я рассказывал, что прежде, чем заняться некроманией, практиковал анимагию. На одном из первых уроков этого искусства мой учитель сказал мне, что преимущество магов-анимистов состоит в том, что их мало, и амбиции их не простираются дальше ближайшей деревни.

— Я редко сталкивался с такими колдуна-ми, — согласился с Харольдом Конан.

— Взаимодействие с силами природы меняет сознание, — сказал маг. — Я не слышал, чтобы анимисты становились придворными магами или накапливали огромные богатства. Им этого просто не надо. Потому и учеников у них сравнительно мало. Я веду к тому, что в заклятье сabbатейцев может быть и не включен элемент защиты против анимагии.

— Сработает, только если особняк находится в нашей реальности, — заметил Ясуд.

— Думаю, он здесь, — поспешил уверить его Харольд. — Держать его в магической неудобно, и опасностей сразу прибавляется.

— Ладно, — сказал иранистанец. — Выбора у нас, всё равно, нет, а план не самый плохой.

— Он собирается обратить нас в зверюшек? — поинтересовался у Ясуда Конан.

— Да, — улыбнулся Харольд. — Кем желаете стать?

— Никаких личных предпочтений! — строго заявил киммериец. — Вариант может быть только один — собаки. Иначе сразу привлечем к себе внимание. А псов в Сартосе предостаточно, они здесь как бельмо на глазу. Лишних трех точно никто не заметит.

— Мне только проще, — пожал плечами Харви. — Чем ближе будет объем мозга к человеческому, тем легче мне будет колдовать.

— Значит решено! — сказал Конан. — Перевоплощаться будем здесь. По дороге изображаем собак, а не держимся, как люди в песьем обличье. В особняке Ясуд послужит проводником, а

мы с магом займемся его охраной. Как находим Себера, Харольд возвращает нам прежний вид. Хватаем труп и прорываемся наружу.

— Как-то всё слишком просто, — подумал Харольд и высказал эту мысль вслух.

— Так больше шансов, что сработает, — утешил его иранистанец. — Конан, открай дверь наружу.

Киммериец молча исполнил его просьбу.

— Теперь можно приступать, — сказал Ясуд.

Харольд решил начать перевоплощения с Конана. В варварских народах больше жизненной силы, что делает их представителей восприимчивыми к анимагии. Колдуя, Харви получал отменное удовольствие. Он уже забыл, когда в последний раз обращался к столь сложным заклятьям природной магии. Бруан не поскутился, формируя новый тип сознания некроманта. Он не только возродил в полной мере любовь к прошлому искусству, но и заметно усилил способности.

Что же до Конана, то пес из него вышел замечательный для предстоящего предприятия. Огромный черный волкодав с пастью, полной снежно-белых зубов, в чьей остроте сомневаться не приходилось. На всякий случай, Харви решил подстраховаться и сделал так, чтобы заклятье само опало через три колокола. Кто знает, как повернется судьба, а заставлять киммерийца проходить по своим стопам некромант не желал.

С Ясудом повозиться пришлось немного побольше. Харольда немножко нервировала его мертвая плоть. Неправильно составленная формула

могла убить иранистанца или, наоборот, дать жизнь его новому телу. В этом случае, странствующему проповеднику предстояло бы сразиться с Конаном. Но к счастью, всё обошлось. Получился рыжий песик средних размеров. Совершенно мертвый.

На то, чтобы самому обратиться в собаку, у Харольда времени ушло всего ничего. Перевоплощать других намного тяжелее.

Увидев, что подготовка окончена, Конан призывно гавкнул, и троица собак отправилась в путь к поместью Золотого Павлина. Всю дорогу киммериец самым активным образом пытался соответствовать песьевому образу. Двигался сравнительно беспорядочно, то забегал вперед, то отставал. Пытался затеять игру с Харольдом и Ясудом, покусывая их за бока, на особо не понравившихся ему прохожих обрушивался с грозным лаем. Постепенно и двое спутников втянулись в этот спектакль и даже начали получать от происходящего удовольствие.

У людей они подозрения не вызывали. Те смотрели на них, как на обычных хвостатых бродяг. А вот Харольд, заглядывая в лица встречных горожан, начинал испытывать беспокойство. С течением времени они менялись. Похоже, к Сартосу подкатывала вторая волна безумия. О том, что будет твориться здесь через несколько колоколов, лучше было не думать.

Рядом с особняком Ясуд начал испытывать волнение, которое очень скоро передалось Харольду, вмиг забывшему обо всех собачьих играх.

Конан двумя болезнами укусами вернул их к реальности и напомнил о необходимости соблюдать конспирацию. Во всяком случае, именно так некромант истолковал его поступок.

У самой цели возникло весьма закономерное препятствие. Двери, ведущие за ограду, оказались закрыты. Пришлось устраивать возню у соседнего дома, и ждать пока кто-нибудь не пожалует в гости к поклонникам Золотого Павлина. Кандидатов, внешне подходящих на эту роль, трое псов провожали громким лаем, давая понять, что задачей их является конкретный человек, не попадание в особняк.

Наконец одна из обляпанных персон постучала в двери к сabbатейцем. Те распахнули настолько быстро, что собаки едва успели отреагировать и заскочить внутрь. Попавшихся им охранников они при этом едва не сбили с ног. Дальше всё завертелось с головокружительной скоростью.

Ясуд очень уверенно рванулся по дорожке, ведущей в сад. Конан и Харольд побежали вслед за ним. Киммериец еще успелрыкнуть на собиравшихся обнажить мечи сabbатейцев. В саду у иранистанца прыти только прибавилось, старый Харви и массивный Конан едва успевали за ним поспевать.

Троих людей, на которых вылетел Ясуд, некромант заметил в самый последний момент, когда Конан и иранистанец их уже атаковали. Азарт возобладал в Харольде над рассудительностью, и он тоже решил принять участие в схватке и прыгнул на спину третьему оставшемуся

представителю рода человеческого. Рефлексы, заложенные в собачьем теле, проделали за мага большую часть работы, ему оставалось только их слушаться. Повалить, не дать прийти в себя и грызть шею. Добить противника самому Харольду не позволил Конан, расправившийся с ним прежде. Некромант не сильно расстроился, понимал, что надо спешить.

Помимо трех тел только что убитых собаками людей, на траве лежало еще одно. Ясуд всем видом давал понять некроманту, что это и есть Себер. На то, чтобы вернуть всей троице прежний облик, у мага ушли считанные мгновенья. Заклятъя он специально изменил, чтобы разрушить их не составило труда. Колдоватъя в теле животного невозможно, надо делать изначальную привязку на четко сконцентрированную мысль.

— Отлично! — сказал Конан, доставая из-за спины меч. Хороший анимаг умеет осуществлять превращения вместе с одеждой, а Харви был хорошим анимагом. — Хватайте его, а я попытаюсь проложить дорогу.

Путь к воротам троица проделала быстрым шагом, изредка переходя на бег. Дважды Конану приходилось убивать встречных сabbатейцев. Они, похоже, еще не поняли, что происходит, и не пытались бросить большие силы на поимку злоумышленников. Единственное серьезное сражение произошло у дверей. Конану было не по силам справиться с четырьмя хорошо обученными стражами, и Ясуду пришлось прийти к нему на помощь. По правде говоря, Харольд был даже

рад этой заминке, годы у некроманта были уже не те, чтобы вот так вот бегать без передышки.

На выходе из особняка некромант создал у прохожих иллюзию, что трое собак убегают на восход. Люди же, прикрытые слабеньким «отводом глаз» для себя и сильным для трупа, двинулись на закат. Там судьба руками Бруана преподнесла им очередной подарок. Когда троица проходила мимо добротного одноэтажного дома на окраине купеческого района, строение вдруг начали покидать все его обитатели. Старый хозяин, его жена и куча отпрысков и слуг. Глаза у всей этой своры были безумные. Но до их дальнейшей судьбы дела никому не было. Конан указал на освободившийся дом. Ясуд и Харольд спорить не стали.

Внутри, по просьбе некроманта, устроились в подвале. Киммериец и иранистанец активно призывали Харольда немедля приступить к церемонии, указывая на то, что сabbатейцы уже идут по их следу. Но маг упорно отнекивался и требовал дать ему время на отдых. Но, на самом деле, проблема заключалась не в усталости, хотя и она присутствовала. Возвращаться после анимации к некромантии было невероятно тяжело. Только что ты касался нитей живой природы, а теперь оказываешься вынужден работать с мертвичной, заниматься делом противоестественным для нормального человека.

— Надо, Харольд, — сказал киммериец, похлопывая мага по спину. Харви понял, что он догадался о его истинных мотивах. — Сделай этого ради будущего, своего и остальных людей.

— Если бы ты только знал, — Харви хотел добавить «какого это», но потом решил, что словами всё равно не передать, и сказал. — Ладно. Отойдите от тела.

Конан с Ясудом послушались и встали за спину некроманту.

Себер лежал на полу подвала, бездыханный, с раскинутыми по сторонам руками и ногами. Раны видно не было, кинжал Конана не пробил немедийца насквозь.

Харольд начал читать заклятье «быстрого воскрешения». Когда чары опадут, тело библиотекаря рассыплется прахом на веки вечные, зато до этого момента он будет с завидным энтузиазмом отвечать на все вопросы. Обычного разупокойного зомби пришлось бы долго принуждать к этому или вообще лично лезть к нему в сознание.

После того, как Харви дважды в течение одного дня прибег к анимации, «мертвое» искусство еще дальше отдалилось от него. Знания у мага остались, а вот способностей заметно поубавилось.

Себера он к жизни возвращал примерно с полколокола. За это время с Харольда семь потов сошло, а еще однажды он едва не потерял сознание. Тело библиотекаря тоже спокойно не лежало, а то и дело подпрыгивало в ответ на неверно подобранные слова заклятья.

Когда ритуал наконец подошел к завершению, маг приказал библиотекарю открыть глаза и подняться на ноги. В принципе, можно было обойтись и без этого, но хотелось проверить, как зом-

би выполняет команды. Себер исполнил всё в точности.

— Отвечай на вопросы, исходящие от меня и этих двух людей, — сказал Харольд и указал на Конана и Ясуда. Потом решил проверить, не повреждены ли связки мертвеца, и добавил. — Понял?

— Да, — коротко ответил Себер. Голос был в полном порядке.

— Спрашивайте, — обратился маг к двум своим новообретенным товарищам.

Конан кивнул Ясуду, давая понять, что предоставляет ему главенствующую роль в предстоящей беседе.

— Помнишь меня? — спросил иранистанец у Себера.

— Да, — ответил библиотекарь. — Ты — Ясуд, и я убил тебя.

Харольд довольно улыбнулся. Первоначальное предположение о неразговорчивости зомби оказалось ошибочным. Заклинание всё-таки удалось.

— Зачем ты это сделал? — поинтересовался Ясуд.

— Вы с Дамаром нужны были мне, — сказал Себер. Голос его был бесстрастен, что плохо сочеталось с пространностью его ответов и создавало ощущение нереальности происходящего, — чтобы гарантировать безопасность, пока я не встретусь с полубогом. Туранец самоустранился, с тобой же я разбрался, когда убедился, что саббатайцы станут меня охранять.

— Что ты знал такого, — спросил иранистанец, — чего не знали мы с Дамаром? Обо всей этой истории с духами и полубогом, я имею в виду.

— О духах и их отце, — ответил библиотекарь, — я узнал только от сabbатайцев. Тогда же я и понял, что последний и есть наш полубог. В моем кольце хранились дополнительные знания о том, где должна состояться наша встреча и как я должен к ней подготовиться.

— В чем заключается подготовка? — Ясуд явно стремился к тем знаниям, что могут принести пользу на практике.

— Множество ритуалов, — сказал Себер. — Первый из которых...

— Сколько времени нужно на их проведение? — прервал библиотекаря Ясуд.

— В идеале три дня, — ответил немедиц.

Иранистанец выругался именами Эрлика и Тарима.

— Ладно, — сказал он. — Расскажи нам о месте встречи с полубогом? Ритуал поиска на песке — всего лишь фикция?

— По большей части, — произнес Себер. — Я считал не лишним увидеть лицо полубога, хотя и не обязательным. То, что образов оказалось четыре, меня обескуражило, иначе я бы уже на месте разобрался с тобой и Дамаром. Для того, чтобы найти полубога, надлежит вычислить, в каком направлении падет твоя тень на седьмой послеполночный колокол, когда ты стоишь в географическом центре населенного пункта, где собирается возродиться полубог. Потом необходимо

обратиться к календарю, дабы понять, какое количество...

— Постой! — прервал сие занимательное повествование слуга Эрлика. — Ты ведь составил заклинание для всех этих расчетов?

— Да, конечно, — подтвердил догадку библиотекарь. — Без него я бы не справился.

— Расскажи, — потребовал иранистанец, — где можно встретить полубога?

— Я не знаю, какой сейчас день, — сказал Себер, — и какое время суток. Без этого я не смогу ответить.

— Тебя убили сегодня, — поведал мертвецу Ясуд. — А время сейчас, примерно, полдень.

— Тогда у вас в запасе, — ответил библиотекарь, — около колокола. Дальше первого послеполуденного колокола я не просчитывал место. Колдовать сейчас же я не могу.

— Отвечай, где его искать! — повторил свой вопрос иранистанец. Можно было этого и не делать, зомби помнил о предыдущем.

— От того места, — сказал немедиец, — где меня убили, надо идти прямо, пропустить пять домов по правую руку и зайти в шестой.

Харольд нервно сглотнул. Библиотекарь почти дошел до отца четырех духов. Если бы не заклятье, наложенное на Конана, он вполне мог спокойно миновать оставшееся расстояние. А тогда Ясуд очень красочно описал открывающиеся перед Сартосом и прочим миром перспективы.

— Если я приду туда в срок, — спросил иранистанец, — полубог сольется со мной?

— Да, — непривычно коротко ответил Себер.

— Уничтожь его, — попросил Ясуд Харольда. — Мы узнали всё, что нужно. Ни к чему, чтобы саббатейцы добрались до него.

Некромант не стал говорить, что поступить иначе он просто не мог из-за конструкции изначального заклятья. К чему людей тревожить?

Харольд пробормотал короткую формулу окончания волшбы, и Себер рассыпался пеплом. Получилось это у него зрелищно. Опадала в прах его плоть постепенно, сверху вниз, начиная с головы.

— Красиво вышло, — заметил Конан, наблюдавший процесс распадения ног.

Иранистанец, похоже, тоже впечатлился.

— Сможешь увеличить мой срок пребывания в мертвых? — спросил он у некроманта. — Не хочу, чтобы в самый неподходящий момент Конан набросился на меня с мечом.

— Можешь не беспокоиться на этот счет, — не дал ответить Харольду киммериец. — Заклинание больше на меня не действует, воля моя совершенно свободна.

— Значит, твой маг, — сказал иранистанец, — скорее всего, уже на Серых Равнинах. У Хозяев что-то произошло.

— Надо вытаскивать оттуда Зелтрана, — решил киммериец.

— Хватит разговоров, — оборвал собравшегося продолжить Конана Ясуд. — У нас времени всего ничего. Я хочу, чтобы вы оба пошли со мной. Помощь лишней не будет, а если я не смогу при-

нять в себя отца, тогда всё остальное потеряет значение.

Киммериец на мгновение задумался, а потом махнул рукой.

— Ты прав, — сказал он. — Поспешим!

— Стой! — Казалось, Ясуд внезапно вспомнил о чем-то важном. — Харольд, верни мне жизнь, Полубогу может не понравиться мертвая плоть.

Спорить с этим утверждением никто не решился, и некромант приступил к ритуалу. Это заклятье далось Харви еще тяжелее, чем предыдущее. Искусство «смерти» доживало в сердце мага последние свои мгновения. К счастью, при воскрешении тела Ясуда он сумел обойтись без роковых ошибок.

— Как приятно дышать, — улыбнулся иранистанец. — Жаль, что это ненадолго. Теперь всё готово, пошли.

К великому облегчению Харольда, к месту встречи решили идти просто быстрым шагом. Очередной пробежки некромант бы не выдержал. Очень на руку магу и его спутникам оказалась вторая волна безумия. Теперь Харви не беспокоился на её счет, сменились приоритеты. Куда важнее было дойти до цели незамеченными. Буйных горожан гигантские кулаки киммерийца очень быстро приводили в чувства. Лишь с двумя эта методика не сработала, их пыл смогла охладить только холодная сталь.

Самые большие опасения у всех вызывали саббатейцы. Это были достойные противники, которые если бы и не задержали их, то попридер-

жали точно. Харольд почему-то не сомневался, что их влияние Бруана не затронуло. Ни у кого из прохожих на руках кольцо Золотого Павлина некромант не наблюдал, но это совершеннейшим образом ничего не значило.

— Мы почти пришли, — сказал Конан для Харольда. Ясуд и сам всё прекрасно помнил. — Вот здесь Себер и умер. Получается, вон то здание — наше.

Дом, на который указал киммериец, от соседей ничем не отличался. Впрочем, так оно и должно быть. Ориентироваться надлежало не на внешний вид, а на месторасположение.

— Пойдешь один? — спросил Конан у Ясуда, когда все собрались перед дверью дома, в котором иранистанца ждал полубог. — Или нам с тобой?

— Я предпочел бы компанию, — усмехнулся странствующий проповедник. — Согласны?

Киммериец кивнул сразу же, Харольд чуть погодя.

— Я рад, что вы со мной, — сказал Ясуд и без стука отворил дверь.

Внутреннее устройство дома отличалось определенной оригинальностью. Деления на комнаты не было, имелось одно огромное пустое помещение. Единственным предметом обстановки был стул, стоявший у противоположной стены. Над ним на крюке висел фонарь, дававший свет столь яркий, что прогонял тьму из всех имевших в наличии углов.

На стуле сидел, закинув ногу на ногу, маль-

чишка лет десяти с удивительно надменным выражением лица. На появление трех людей он никак не отреагировал, ни один мускул не дернулся на его юном лице.

Ясуд молча направился к мальчишке. Не дойдя до него двух шагов, иранистанец остановился и встал на колени.

— Я здесь, — сказал он, преклонив голову, — чтобы принять тебя в себя.

После этих слов мальчишка соизволил улыбнуться. Он встал со стула, подошел к Ясуду и положил ему руку на плечо. Харольд знал, что для перехода физический контакт вовсе не обязательный элемент. Скорее всего, дух просто хотел покрасоваться.

— Иди, отец, — произнес мальчишка.

Тело иранистанца забилось в судороге. Он упал на пол, рот наполнился слюной.

Мальчишка отскочил в сторону на десяток шагов и удивленно уставился на Ясуда. Еще изредка он кидал подозрительные взгляды в сторону Конана и Харольда, которые так и стояли у приоткрытой двери.

— Что это? — прохрипел Ясуд, с трудом поднимаясь на ноги. Только он встал, как новый приступ слабости уронил его на колени. — Почему так происходит?

Харольд понял, что перед ним уже не странствующий проповедник, а древний маг, занявший его тело.

Ясуд поднес дрожащую правую руку к глазам: С неё начала мелкими чешуйками опадать кожа.

Как завороженный, возрожденный в иранистанце отец духов Камня наблюдал за этим процессом. Потом внезапно он обеими руками, простой и пораженной, вцепился себе в лицо и принялся раздирать ногтями щеки.

Дух-любовник понял, что происходит что-то не то, и теперь затравленно озирался, надеясь найти выход из столь неприятной ситуации. Всегда в Конана и Харольда он явно опасался, боясь повторения отцовских неприятностей.

Некромант и киммериец замерли, понимая, что на их глазах творится история, и не желая опошлять момент словом или жестом.

Волосы Ясуда пробила седина, и они начали опадать с его головы, но древний маг этого не заметил, он был слишком увлечен уродованием своего лица. Оторвался от этого дела он только тогда, когда из его ног, словно убрали кости. Он рухнул на пол и заорал, словно свинья на бойне. От этого крика мальчишка вжался в дальний угол комнаты. Маг, не переставая вопить, осматривал своё тело и приходил от этого в еще больший ужас.

— Сын! — прорвалось сквозь крик первое различимое слово. — Подойди ко мне! Возьми мой дух! Унеси меня!

Для мальчишки это оказалось последней каплей. Позабыв о страхе перед спутниками Ясуда, он рванулся к двери. Оттолкнув Конана и Харольда с удивительной силой для своих маленьких локтей, он выбрался наружу и побежал прочь.

В доме остались только киммериец, некромант и умирающий маг. Дух-любовник вывел своей выходкой Конана и Харольда из состояния оцепенения. Северянин затворил дверь, достал из-за спины меч и прошел вглубь комнаты, показывая некроманту, чтобы тот последовал его примеру.

Киммериец собирался добить Ясуда, в случае если что-то пойдет не так.

Харольд видел себя исключительно в роли подсказчика. Начни маг творить волшбу, он сможет дать Конану знак.

Тот, кто мнил себя, полубогом по-прежнему брыкался на полу, вопил в полный голос и призывал сына вернуться и помочь ему. Конан с Харольдом спокойно ожидали того момента, когда он померет. Оба понимали, что план Ясуда удался и теперь это существо опасности не представляет. Оно вызывало лишь раздражение тем, что так долго умирало.

Скрип отворяющейся двери заставил киммерийца и некроманта отвернуться от мага и посмотреть, кто же там пришел.

— Кром! — ругнулся себе под нос киммериец.

Гостей оказалось восемь числом. Все сжимали в руках обнаженные мечи. У всех на руках красовались кольца Золотого Павлина Саббатеи. Пятеро направились к Конану, трое к Харольду.

«Вот и конец, — подумал маг. — Выследили-таки нас, теперь не отиться».

Несколько мгновений у Харольда оставалось, чтобы принять решение, в каком облике он при-

мет последний бой. Выбор пал на бурого медведя, что жил в странах Полуночи.

Обернуться он успел почти одновременно с тем, как его груди коснулся клинок первого из саббатейцев. Он всё-таки успел ранить Харольда, но в следующий миг оказался сметен ударом мощной лапы. Тут же на некроманта напали двое других поклонников Павлина. Одна из ран оказалась смертельной. Но перед тем, как отправиться на Серые Равнины, Харви успел смять обоих противников. Еще он успел пожалеть, что не сумел прийти Конану на помощь.

Глава 4

О силе мысли

а, это было как озарение.

Мгновение назад Коратцо не знал ничего, а сейчас картина предстала перед ним в полном объеме.

Бруан опять взял его под свое крыльшко. Братец возжелал, чтобы они направились на поиски отца в строго определенное время. А чтобы Коратцо с товарищами не мучались, он заблокировал часть их сознания. До настоящего времени никому из них даже в голову не пришло отправиться в город, хотя о грозящей опасности все помнили. Просто Бруан внушил им уверенность, что находится здесь намного важнее.

Утешало одно: безумец сейчас настолько силен, что в состоянии предугадать многие грядущие события. Если он решил выпустить их именно теперь, то потому что считал это время самым подходящим. Коратцо был уверен, что если

направить в поиски нужное русло, то можно успеть обнаружить отца до наступления полудня.

Дух Камня отбросил в сторону четки, которые зачем-то перебирал уже второй колокол подряд, взглянул на себя в зеркало и вышел из комнаты.

В коридоре он натолкнулся на Черса. Вид у юнги был обеспокоенный.

— Я забыл обо всем, что ты мне говорил, — быстро проговорил юноши. — Точнее помнил, но значения этому не предавал.

— Знаю, — оборвал его Коратцо. Черс явно собирался продолжать рассказ о своих ощущениях. — Это Бруан постарался. Не переживай, ничего страшного не произошло.

Наверное, стоило дождаться Сигурда и Тару в коридоре, но в тот момент дух Камня об этом как-то не подумал. Он даже забыл постучать перед тем, как войти. Вознаграждением за подобную бес tactность оказался восхитительный вид упругих бедер обнаженной воительницы. Проскочивший в комнату Черс тоже успел насладиться зрелищем, прежде чем Тара надела юбку.

— И где твои манеры? — поинтересовался у духа Сигурд. Из одежды на нем отсутствовала только рубаха, но и её он уже натягивал. — Не мог подождать немного?

— Понравилось хоть? — спросила воительница. Коратцо и Черс синхронно угукнули. — Тогда помогите кожанку застегнуть.

Дух Камня отправил на эту миссию Черса, не забыв заговорщицки подмигнуть юнге.

— Как думаешь, — спросил у Коратцо Сигурд,

расчесывая волосы, — что всё это может означать? Зачем он нас задержал?

— Не хотел, чтобы мы вышли на отца раньше времени, — предположил дух Камня. — Думаю, Бруану интересно посмотреть за нашей схваткой. И он решил не позволять нам найти любовника, пока тот не наберет силу.

— Слишком логично, — возразила Тара. С одеждой она уже покончила, и сейчас занималась тем, что рассовывала по местам свой набор метательных ножей.

— Брат логики никогда не сторонился, — ответил Коратцо. — Цели у него необычные, а вот пути их достижения постичь возможно.

— Ты сказал вчера, что всё наше оружие расколдовано, — отклонился от темы Черс, наблюдавший за процессом снаряжения Тары. — Можешь повторно наложить на него заклятье или надо доставать новое?

— Подойдет и это, — сказал дух Камня. Во всей этой суete со сборами он забыл о том, что Бруан вчера порушил всю его магию. — Давайте сюда все ваши клинки.

Тара едва слышно выругалась. Зато словечки для выражения чувств использовала отменные. Очень не хотелось воительнице заново проделывать всю работу по снаряжению метательными ножами.

На этот раз Коратцо решил не скучиться на магию, все равно отец уже нашел союзника. Духу было достаточно коснуться меча или кинжала, как тот получал достаточно энергии, даже чтобы

убить Бруана. Остальных братьев подобный залряд разметал бы в клочки.

— Готово, — объявил дух Камня. И оружие вернулось к своим владельцам.

— Что будем делать? — озвучил Черс мучивший всех вопрос.

— Не знаю, — вздохнул Коратцо. — Мы искали братьев пять дней, причем именно на любовника направили основные усилия, но всё безрезультатно. Теперь у нас в запасе только три с половиной колокола. Но раз Бруан счел, что этого времени нам хватит, значит, выход есть.

— Может кто-то из пиратов, — высказался Черс, — получивших золото, уже нашел духа и сейчас ждет нас, чтобы поделиться знаниями?

— Брось, — отмахнулся Сигурд. — Лавочка могла принести успех только в первые дни. Сейчас любовник настороже и не позволит случайно моряку себя выследить.

— Согласна с Сигурдом, — сказала Тара. — Дух должен догадываться, что решающий миг близок, а значит, он внимателен, как никогда.

Коратцо с этими доводами был согласен, но имелся еще один, который он просто счел лишним озвучивать. Бруан никогда бы не позволил себе составить задачку со столь банальным решением. Ответ обязан быть красивым или хотя бы казаться таковым безумцу.

— Хорошо, — признал свою неправоту юнга. — «Сто золотых» оставим в покое, но что тогда?

— Я знаю, кто сможет найти любовника, — както с неохотой сказала Тара.

Все трое мужчин одновременно устремили к ней взгляды, требуя продолжения.

— Тот дух, что засел в поместье, — произнесла воительница. — Коратцо не раз говорил, какой он сильный маг. Уверена, если он постараётся, то сможет обнаружить брата и отца.

Коратцо недовольно поморщился. Идти к брату-магу на поклон он не собирался, это вообще последнее, что стоит делать.

— Он даже слушать нас не станет, — сказал дух Камня. — А если мы и сумеем донести до него неведомым образом правду о планах отца, он попытается сбежать или вступить с ним в союз. До людей, что погибнут, братцу нет никакого дела. Его заботит только безопасность собственной шкуры.

— Можно представить дело так, — настаивала Тара, — будто единственная для него возможность спасти — это помочь нам. Ты ведь уже однажды воевал с ним на одной стороне.

— И он помнит, чем это закончилось, — продолжил за неё дух. — Он не повторит своей ошибки. Лучше ему вообще ничего не знать о том, что происходит. С него станется первым принести в жертву Сартос, лишь бы остаться в живых. Поверьте, о брате лучше забыть раз и навсегда.

— Но если дела пойдут совсем плохо... — сказала воительница.

— То в этом случае, — сказал Коратцо, — мы будем держаться от поместья Хозяев еще дальше.

— Не любишь ты его, — усмехнулся Сигурд.

— Я его знаю, — парировал Коратцо.

— Значит, искать будем сами, — подвел итог Черс.

— Сначала я хочу кое-что попробовать, — сказал Коратцо. — Отцу всегда нравилось со мной болтать. Подозреваю, что я для него вроде любимчика. Может, и на этот раз мне удастся склонить его к разговору.

— И что ты хочешь ему предложить? — спросила Тара.

— Жизнь, — ответил дух Камня. — Если я останусь единственным среди братьев и обрету силу бога, как собирался, то смогу навсегда уничтожить его призрак. Отец очень высоко ценит даже то жалкое существование, что влечит в наших мыслях. Если же он откажется от своих планов и отдаст мне духа-любовника, я пообещаю ему тело. Великим магом в нем ему не стать, но это многое лучше, чем ничего.

— Может получиться, — сказал Сигурд. — Он поверит твоему слову?

— Да, — ответил Коратцо. — Он знает, что я его не обману.

— Нам выйти? — поинтересовалась Тара.

— Ни к чему, — сказал дух. — Просто помолчите.

Коратцо даже садиться не стал, только закрыл глаза и постарался очистить голову от посторонних мыслей.

«Отец, — обратился он к призраку мага. — Ты слышишь меня? Ответь. Нам есть о чём поговорить».

Молчание.

«Это важно, — продолжал Коратцо, уверенный, что отец его внимательно слушает. — Я не позволю тебе совершить задуманное. Безумец всё рассказал мне о твоих планах. Я найду брата, с которым ты вступил в заговор, и убью его, а потом доберусь до тебя».

Несколько шепот достиг сознания духа Камня. Словно, он услышал фрагмент чьих-то мыслей или какого-то разговора. И Коратцо решил продолжать.

«Прими мою сторону, — убеждал он отца. — И я сохраню тебе жизнь и подарю тело. Подумай, ты сможешь возродиться».

Шепот усилился, но ответа не было. Дух Камня понял, что уверениями ничего не добиться, но перед тем, как оставить мир собственного сознания, он захотел попытаться пройти на звук голосов.

Невозможно передать человеческим языком, как именно передвигался Коратцо, что он делал, чтобы прочувствовать путь и приблизиться к шепоту. Но, наконец, он достиг той границы, где смог узнавать голоса. То беседовали отец и любовник. Дух возликовал, ему сопутствовала удача. Еще немного, и он сможет различить слова, а из них можно будет понять, где искать брата-предателя.

«Э, нет! — раздался в сознании Коратцо до боли знакомый голос Бруана. — Тебе сюда нельзя. Мы так не договаривались!»

«Мы вообще об этом не говорили!» — возмутился Коратцо.

«Ты прав! — сказал Бруан и звонко рассмеялся. — Но я сильнее, братишка. Тебе пора оставить это место».

Неизвестный поток подхватил сознание Коратцо и зашвырнул его прочь от отца и братьев. Исчез даже шепот.

— Вот проклятье! — выругался в голос дух Камня.

— Не удалось договориться? — спросил Сигурд, хоть ответ и был очевиден.

— Я почти нашел любовника и отца, — сказал Коратцо. — Но Бруан не позволил мне добраться до них. Он же мог не дать отцу услышать мой призыв. Безумец закрыл этот путь, ему не по душе вариант с мировым договором.

— Следовало догадаться, — мрачно сказал ванир. Коратцо помнил, как Сигурд относится к Бруану. Северянин ждал от него исключительно неприятности.

— Он не вредит нам, — сказал дух Камня. — Просто ему не хочется видеть одну из сторон в заведомо ущербном положении. Бруан понимает, что если мы отыщем любовника, когда он еще не будет готов освободить отца, участь предателя окажется предрешена.

— Так что же нам, — возмутился Сигурд, — сидеть на месте и ждать?!

— Не думаю, что это повторится, — поспешил успокоить ванира Коратцо. — Бруану больше нравится наблюдать, а не руководить. Он и так сильно помог любовнику.

— Ты решил, что будешь делать с безум-

цем? — спросил Сигурд. — Если получится спра-
виться с отцом.

— Давай, мы им сначала займемся, — осекла
своего любовника Тара. — Бруан никуда не де-
нется, а отец собирается уничтожить Сартос пря-
мо здесь и сейчас.

Сигурд посмотрел на неё, как на предательни-
цу. Но потом сумел взять себя в руки.

— Простите, — сказал он. — Конечно, вы пра-
вы. Поиски отца — это первостепенная задача.

— Я, кажется, знаю, с чего начать, — произнес
молчавший долгое время Черс. — Вспомните, как
мы первый раз обнаружили любовника.

— Сигурд сказал, что он вселился в Тару, —
ответил Коратцо, не понимающий, куда ведет
Черс. — Потом мы отправились её искать, уст-
роили засаду.

— Самое главное, — сказал юнга, — как мы
узнали, где любовник обитает. Базарные торгов-
цы знают очень многое, к ним стекаются все но-
вости. Если уж мы имеем пустоту в наличии, то
можно наведаться на базар и послушать, о чем
там говорят.

— Черс прав, — согласился с пареньком Си-
гурд. — Там центр жизни. Кто-нибудь из купцов
или посетителей, наверняка, видел любовника.
Если бы нам повезло узнать такого человека...

Коратцо с трудом представлял, как опреде-
лить, кто из сотен посетителей базара встречался
с любовником, но идея Черса показалась ему дос-
таточно красивой. Значит, в разрез с планами
Бруана она не шла, а это уже значительный плюс.

— За неимением лучшего, — огласил своё ре-
шение дух Камня, — вариант принимается.

Дом покидали молча. Коратцо казалось, что
люди чувствовали, что они сюда уже не вернут-
ся. Оглядываясь в недалекое прошлое, дух при-
знавал, что и сам он будет с теплотой вспоми-
нать проведенные здесь дни. Именно в этом доме
был заложен фундамент его будущего божествен-
ного мировоззрения. Здесь он узнал, что такое
любовь, дружба и преданность. Коратцо подумал,
что он уже очень близко подошел к разрешению
проблемы человеческой сути.

На городе и его обитателях присутствие Бруа-
на отразилось не лучшим образом. У многих уви-
денных духом людей рассудок помутился. Ему
даже не надо было проникать в их головы, чтобы
понять это, внешние проявления были вполне се-
бе красочными.

Сигурд завел разговор на тему этого безумия
и того, как ему можно противодействовать. Ко-
ратцо объяснил ваниру, что бороться, в принци-
пии, бесполезно. Это всё равно что пытаться про-
тивостоять цунами. Лучше всего в такой ситуа-
ции не напрягать рассудок и податься влиянию
Бруана, меньше проблем будет, если однажды су-
ждено прийти в себя.

Когда первая волна сумасшествия склынула,
Коратцо указал своим спутникам на тех несчаст-
ных, что слишком продуктивно вели борьбу с по-
мутнением сознания. Выглядели эти люди замет-
но поглупевшими и вдобавок какими-то ошара-
щенными.

— Скоро это все повторится? — узнал у духа Камня Сигурд.

— Не знаю, — пожал плечами Коратцо. — Зависит от того, сколько силы набрал Бруан.

— Я думаю, — сказал ванир, — мы смогли бы использовать это явление. Ведь близость от других духов положительно оказывается на сопротивляемости безумию, исходящему от Бруана. Значит, в том районе, где нормальных людей окажется непривычно много, и находится наш любовник.

— Интересно, даже очень, — ответил Коратцо. — Если не найдем другого решения к началу второй волны, обязательно воспользуемся этим предложением. Плохо только, что любовник самый слабый из нас. Участок его воздействия на людей будет сравнительно небольшой.

— Уже хоть что-то реальное! — сказала Тара.

Коратцо начал подозревать, что это только начало. Бруан просто обязан был заготовить великое множество вариантов для поиска отца. Большая часть из них, конечно, липовая, но среди остальных можно будет выбрать.

Перед входом на базар дух Камня и трое людей остановились у прилавка торговца фигами и купили у него дюжину плодов. Отойдя на десяток шагов в сторону, они устроились в тени большого трехэтажного дома, где можно было спокойно поесть и поговорить.

— Что именно мы собираемся искать на базаре? — спросил у спутников Коратцо.

— Можем заглянуть на «Магическую», — пред-

ложил Сигурд. — Там в основном торгуют бездешевыми, но тебе с твоими способностями не составит труда найти ценную вещь. Ведь есть же на свете артефакты, которые используют для поиска людей.

— Но не духов Камня, — возразил было Коратцо, но потом передумал. — Хотя я мог бы попробовать изменить их структуру, чтобы они искали призрак отца. Он сейчас, скорее всего, окончательно перебрался в тело любовника.

— Вот вы вдвоем этим и займитесь, — сказала Тара. — А мы с Черсом навестим винные палатки, послушаем, о чем там люди говорят. Вдруг уже пошли слухи о незатронутом безумием районе.

— Дело говоришь, — поддержал воительницу Сигурд. — Коратцо, согласен?

— Попробуем, — сказал дух Камня.

Доев оставшиеся фиги, они продолжили путешествие к базару.

На «Магической», по словам Сигурда, бывавшего здесь ранее, обстановка царила самая обычная. Как оценивать этот факт, ни он, ни Коратцо не знали. Вообще-то эта часть базара пришлась духу Камня особенно по душе. Глядя на окружающие его магические пустышки, он представлял себе лицо брата-колдуна, попади он сюда. Того бы наизнанку вывернуло от такого издевательства над его искусством.

Еще очень забавляло Коратцо сравнивать истинные свойства артефактов с теми, что предписывали им торговцы. Вот только, когда он начал

делиться этими знаниями с Сигурдом, ванир слегка вспылил и напомнил, что надо не подделки изучать, а искать подлинники. Пришлось духу Камня признавать свою неправоту и виниться.

Настоящим здесь был приблизительно каждый тридцатый артефакт, если не считать мелочевки. К сожалению, подавляющее большинство магических усилителей служило для защиты от различных видов волшбы. Еще частенько попадались «идеальные ключи». Однажды Коратцо показалось, что ему повезло и он обнаружил поисковый артефакт достаточной силы. Но при более тщательном изучении выяснилось, что его магическая структура чересчур нежна, чтобы выдержать нагрузку, которая возникнет при поисках отца. Сигурду об этой вещице он решил не говорить, чтобы лишний раз не расстраивать ванира.

Таким образом, за полколокола блуждания по «Магической» человек и дух не обнаружили ровным счетом ничего полезного.

— Здесь еще магических животных продают, — вдруг вспомнил Сигурд. — Нельзя кого-нибудь из них напустить на след любовника?

— Обман это все, — авторитетно заявил Коратцо. — Природу животных и птиц изменить под силу лишь богам. То, что делают люди, миштура, пускание пыли в глаза.

— Понятно, — расстроился ванир. — Давай, пошли тогда отсюда. Посмотрим, как дела у Черса и Тары.

Но на выходе из «Магической» им все-таки пришлось задержаться. Там какой-то сумасшед-

ший продавал статуэтки одного малоизвестного бога. По его словам, только-только пришедшего в мир Хайбории. В Сигурде тут же возобладало варварское любопытство, и он отправился смотреть на лик божества.

Стоило ему достигнуть торговца, как он схватился за живот в приступе хохота.

Дух Камня решил сходить узнать, что так забавило его товарища. Сигурд, не прекращая смеяться, указал ему на небольшие, размером с мизинец, статуэтки бога. Им оказался Коратцо собственной персоной. Черты лица духа были переданы с потрясающей точностью.

— Смотри, — сказал сквозь смех Сигурд, — мы с тобой стараемся, отца ищем, думаем, как с магом и безумцем совладать, а всё оказывается предрешено. Этот парень заглянул в будущее и увидел тебя в сонме богов.

— Это Бруан так забавляется, — отмахнулся Коратцо.

— Да ну?! — изумился ванир. — Быть такого не может!

Тут дух Камня понял, что Сигурд над ним откровенно издевается. Назло наглому северянину он купил у продавца, так и не обратившего внимания на его лицо, три статуэтки.

— Подарок моим первым жрецам, — объявил он. — Женщине, юноше и ваниру.

Сигурд рассмеялся и одобрительно похлопал Коратцо по спине.

Тара и Черс сидели на «Хлебной» под одним из навесов и с видимой неохотой попивали из

кружек охлажденное вино. По всему было видно, что они со своей частью задания уже разобрались и сейчас изнывали в ожидании, когда же наконец Сигурд и Коратцо соизволят к ним присоединиться. Но те, вместо радостного приветствия, в первую очередь потянулись к вину. Мотание по «Магической» из конца в конец пробудило в них нешуточную жажду.

— Отмечаете что-то? — усмехнулась Тара.

Сигурд оторвался от позаимствованной у девушки кружки и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Нет, ничего мы не нашли, — откровенно заявил он.

Такая ни чем не прикрытая прямота произвела на Тару и Черса впечатление, достаточное чтобы воздержаться от дальнейших изdevок.

Коратцо предположил, что раз таковые вообще наблюдались, значит части их группы, побывавшей на «Хлебной», удалось узнать что-то интересное. Спустя мгновение он убедился, что и впрямь стал лучше разбираться в людях.

— Нам повезло чуть больше, — сказала Тара. — О людях, ведущих образ жизни нашего духа, и кварталах, не подвергшихся влиянию Бруана, здесь, к сожалению, никто не слышал. Зато нам посоветовали, к кому можно обратиться за советом, где искать любовника.

— Горожане утверждают, — перенял нить повествования Черс, — что один старишок, живущий неподалеку, помогает за небольшую плату тем, у кого пропали друзья или родственники.

Говорили они об этом деде с заметным уважением. Очень непохоже, что это байка.

— Я считаю, — продолжила Тара, — надо обязательно его навестить.

— Очень уж сказку напоминает, — с известным скепсисом произнес Сигурд. — Почему, если он такой талантливый, Хозяева его себе на службу не поставили?

— Он святой, — ответила воительница. — Он живет рядом с храмом Иштар и пользуется покровительством богини, а идти наперекор её воли даже Хозяевам не с руки. Тем более, случай не тот.

— Я же говорю, сказка, — хмыкнул ванир.

— Ладно тебе, Сигурд, — попытался урезонить пирата Коратцо. — Мы-то с тобой ничего не нашли. Кроме этого святого старика, других вариантов нет.

— Люди верят ему, — продолжала убеждать ванира Тара.

— Хорошо, — кивнул Сигурд, — пошли к вашему деду. Вы узнали, как до него добраться?

— Это, между прочим, было не так просто, — попеняла ему Тара. — Люди не хотели нам говорить, где искать святого, боялись, как бы мы не причинили ему вреда.

— Так узнали всё-таки? — настаивал ванир.

— Узнали! — крикнула ему Тара, но через мгновение улыбнулась.

Не допивая вино, Коратцо и люди поднялись из-за стола и отправились в сторону «Разбойной» части базара. У одного из её выходов и располагалась

гался храм Иштар. По дороге дух Камня прикидывал, какие есть шансы, что именно старика подготовил Бруан для их поисков. Получалось, что очень маленькие. Слишком многое еще времени до полудня. Но вообще-то кто сказал, что святой не является лишь одним из этапов длительного пути.

«Разбойная» за последние дни заметно обезлюдела. Торговали здесь в основном товаром, доставленным с пиратских кораблей. Прибывшие в Сартос до шторма капитаны уже давно распродали последние запасы из своих трюмов, а новые корабли в порт пока не заходили. Вот и пришлось купцам выкладывать на прилавок забракованные остатки от предыдущих поставок. Покупатели, не будь дураками, качество их оценили довольно быстро. Так что за чертой базара горожан наблюдалось больше, чем внутри этой его части.

Как искать храм Иштар, Таре объяснили на «Хлебной» подробно: свернуть направо, как выйдете из «Разбойной», пропустить одну улицу, потом повернуть налево, а там всё сами увидите.

И действительно, увидели.

Вторым зданием по правую руку оказалось большое белокаменное строение, перед которым стояла статуя пышнотелой улыбающейся женщины.

— Страшная какая, — прошептал Сигурд, проходя мимо скульптуры.

— Ты поаккуратнее, — посоветовала Тара. — Она всё-таки богиня.

— Тогда пусть покарает того, — сказал ванир, — кто это лепил. А не меня. Я же правду сказал. Посмотри только на эти глазки поросшие и на слой жира на боках. Натурально получилось, не спорю, но...

— Заткнись! — Слово это Тара и Коратцо произнесли одновременно.

— Может, её ваш святой изваял? — предположил Сигурд.

— Не вздумай у него это спросить! — предостерегла ванира Тара. — Нам в третий дом от храма вверх по улице надо, там задняя дверь есть.

Дверь с тыльной стороны означенного дома, и впрямь, обнаружилась. Тара тихонечко постучала в неё кулаком. Сигурд во всю потешался над таким её поведением. Коратцо к концу путешествия тоже начал удивляться, что такого могли сказать ей люди на «Хлебной», что воительница прониклась к деду таким почтением. Вроде бы раньше излишней впечатлительностью не отличалась...

— Проходите, — раздался приглушенный голос из-за двери. — Прошу вас.

Комната, в которой проживал святой, была небольшой, семь шагов на четыре. У одной из стен стояла узкая кровать, забросанная тряпками. Примерно посередине помещения находился письменный стол. За ним сидел святой, лицом к гостям. Перед ним лежала раскрытая книга. Единственным источником света служила толстая зеленая свечка.

— Закройте, пожалуйста, дверь, — попросил

святой. На вид ему было лет шестьдесят. — Если вам не сложно.

Сигурд, вошедший в дом последним, исполнил пожелание старика. Тара тем временем подошла поближе к святому Иштар.

— Нам нужна ваша помощь, — обратилась она к нему.

— Я никогда не отказывал страждущим, — ответил старик. — Говорите.

— Нам нужно найти одного человека, — сказала воительница.

Святой закрыл книгу и внимательно оглядел девушку.

— Опишите мне его, — попросил он.

— В этом и заключается одна из проблем, — Тара понизила голос, словно стеснялась. — Это не простой человек, он одержим древним духом, который может путешествовать из тела в тело.

— Я слышал о таком, — сказал святому. — Не уверен, что у меня получится помочь вам, но я попытаюсь. Для начала мне нужно встретиться с человеком, в чьем теле побывал дух. На нем должен был остаться его след.

— Он был во мне, — ответила Тара и сделала еще один шаг к святому.

— Замечательно, — улыбнулся старик. — Раздевайтесь.

— Это обязательно?! — вмешался Сигурд.

— Нет, — ответил святой. — Но так больше вероятности, что я найду духа.

— Обойдемся без обнажения! — твердо сказал ванир.

Ни Тара, ни старик не решились вступить с ним в спор.

— Что я должна делать? — спросила воительница у святого.

— Ложитесь на кровать, — велел он. Дождавшись, когда Тара исполнит указание, продолжил. — Закройте глаза, расслабьтесь, пострайтесь дышать ровно и неглубоко.

Сигурд поморщился, глядя как Тара располагается на грязных стариковских тряпках.

Святой встал на колени перед кроватью и начал молиться своей богине. Занимался он этим добрую четверть колокола.

— Коратцо, наше время тает, — прошептал на ухо духу подошедший к нему на цыпочках ванир. — Надо заканчивать или поторопить деда.

— Подожди немного, — попросил его Коратцо. — Это важно.

Сигурд пожал плечами и отошел в сторону.

Старик же, наконец, закончил с молитвой и начал творить свой обряд. Он водил руками над телом Тары и шептал что-то неразличимое с дальнего расстояния.

— Поздравляю тебя, — обратился шепотом Коратцо к Сигурду. — Ты оказался прав насчет старика. Всё это мошенничество чистой воды. Я читал его мысли.

— И чего же ты ждал? — спросил ванир, также не повышая голоса.

— Хотел посмотреть на всю его схему, — ответил дух Камня. — Он работает на бандитов, которые контролируют базар и прилегающие к нему.

районы. Они и похищали тех людей, что обнаруживал наш святой. Если же к нему обращались люди, к пропаже близких которых бандиты отношения не имели, старики говорили, что случай тяжелый и требовал дополнительного времени. За этот срок либо воры с базара отыскивали означенных людей, либо святой плел сказку про какую-нибудь завесу тьмы и посыпал клиентов помолиться Иштар.

— А сейчас он чего делает? — поинтересовался Сигурд, с беспокойством поглядывая на Тару и святого.

— Ничего, — сказал Коратцо. — Шепчет себе под нос чушь какую-то, заканчивать собирается. Потом назовет нам наугад место, где духа искать, и потребует денег. Согласиться вернуть их, если мы по его наводке ничего не обнаружим. Сейчас его задача, понять насколько мы богаты и следует ли натравливать на нас бандитов. Если согласимся заплатить ползолотого, нас точно пустят под нож.

— Почему мы разговариваем шепотом? — вновь обратился ванир к духу.

— Не знаю, — тихо ответил Коратцо, а потом в полный голос добавил. — Заканчиваем балаган!

Святой удивленно уставился на духа, страха в нем не чувствовалось.

— Тара, вставай! — велел Коратцо воительницы. — Пойдем. Ты свободна от заклинания «веры», которое на тебя наложили на базаре.

— Вы не уйдете отсюда, — сказал святой, — пока я вам не позволю. За домом следят мои лю-

ди. Если я не подам им знак, они последуют за вами и убьют.

— Ты о них? — спросил Коратцо.

Из воздуха материализовалось шесть человеческих тел. Мертвых. Сложил их дух Камня аккурат перед бойким старики.

Тот попытался что-то ответить, но язык его не слушался.

— Теперь твоя очередь! — сказал Коратцо, и святой исчез.

Вслед за ним дух убрал и тела, чтобы Тара могла спокойно выбраться с кровати. Воительница отряхивалась, морщила носик и виновато смотрела на Сигурда. Черс, которого тоже околовали на «Хлебной», явно разделял её смущение.

— Успокойтесь вы, — примиряющее сказал Коратцо. — Это я во всем виноват, не догадался проверить вас на магию.

— Что ты сделал с дедком? — спросил Сигурд.

— Поместил его душу внутрь статуи Иштар, — ответил дух Камня. — Срок смерти назначил через пятьдесят лет. Пусть постоит в этом уродстве, помучается. Знали бы вы, скольких людей он на смерть обрек!

— Так кто он такой? — спросила Тара, Черс к ней присоединился.

— Вам Сигурда по пути расскажет, — сказал Коратцо. — Этот святой навел меня на мысль, как искать любовника. Кто знает слухов больше, чем люди обитающие на базаре? Бандиты, которые там промышляют. А кто больше, чем они? Те, кто их ловит. «Лиловые»!

— Сет меня возьми, — выдохнула Тара.

— Надо будет найти их главного, — продолжал дух Камня, — и выжать из него всё, что только можно. Там будут сведения и обо всех необычных событиях, и о том, в каких районах первая волна безумия себя не проявила. Идемте скорее! У нас в запасе чуть больше колокола.

На улице в процессе споров изначальный план немного скорректировали. Главного «лилового» решили не искать, так как он, наверняка, сидит в поместье Хозяев, а там Ксарти. К тому же Сигурд с пеной на устах доказывал, что все новости до него не доходят, только самые важные. Их отбраковкой должен заниматься один из помощников главного, и именно его и следовало навестить.

Но для начала требовалось найти простого «лилового», чтобы узнать у него, где обитает начальство. А их, как назло, поблизости не наблюдалось.

— Коратцо, ты не мог бы, — спросила у духа Тара, — доставить «лилового» сюда, как тех шестерых бандитов?

— Мертвым что ли? — попытался пошутить Коратцо, и потом уже серьезно добавил. — Мне надо хоть приблизительно знать место, откуда его брат, и внешность нужна. Святой подручных вспомнил, вот я у него образ и позаимствовал.

— Глядите! — оборвал Черс разговор духа и воительницы. — Навстречу нам идет парень, у него на шляпе лиловая ленточка повязана.

— Хватаем его, как приблизится. На счет три, — велел Сигурд и, когда расстояние сократилось до нескольких шагов, начал отсчет. — Раз, два, три.

Сигурд, Тара и Черс набросились на неожидавшего подобной наглости «лилового» и повалили его на землю. Коратцо поколдовал, чтобы никто их не мог видеть, а заодно желал обойти стороной.

— «Лиловый»? — спросил Сигурд у пленного.

— Немедленно отпустите! — потребовал тот. — Иначе хуже будет.

— Наш это парень, — сказал подошедший Коратцо. — Он сейчас думает, как бы нас достать, когда освободится.

Пленный удивленно уставился на духа Камня, но ничего не сказал.

— Он догадался, — продолжал Коратцо, — что я один из тех троих, кого им поручил найти мой братец. Пытается ни о чем не думать, чтобы не выдать лишнего. Трудно нам с ним придется.

— У нас времени нет, — напомнил Сигурд духу. — Ты должен в него вселиться.

— Я ослабею, — ответил Коратцо. — Мне придется постоянно заниматься подавлением его личности в себе. Это очень сильно помешает, если придется биться с братьями.

— Выбора нет, — настаивал ванир. — Вспомни, ты говорил, что Бруан желает уравнять силы сторон. Это его подарок для нас. Если ты его примешь, ослабнешь. Если нет, то мы не успеем найти твоего отца.

— Братец мастерски всё подготовил, — сказал дух. — Придется побывать немного «лиловым».

При этих словах пленник оттолкнул Сигурда и Тару и попытался бежать. Коратцо с помощью магии вернул его на место.

— Не дергайся, болван, — обратился он к «лиловому». — Я верну тебе тело, как только ознакомлюсь со всеми воспоминаниями. Мне в своем намного привычней.

Безо всяких предупреждений Коратцо вступил в сознание пленника. Принял в себя его личность и тут же раздавил в зародыше ростки её воли. Духа интересовала только возможность обращаться к воспоминаниям. Анализом он их решил заняться в собственном теле.

Казалось, его перемещения никто, кроме «лилового» не заметил. На исход и возвращение у Коратцо ушло времени не больше, чем человеку понадобилось бы, чтоб сделать пару вздохов.

— Готово, — объявил дух. — Нам нужен человек по имени Рашил. Он обитает в таверне «Морской Змей».

— Я знаю, о ком ты говоришь, — сказал Сигурд. — Не думал, что он такая важная шишка. Больше ничего интересного у него в голове не обнаружил?

— Мало, — признался Коратцо. — Наш парень один из самых младших чинов в иерархии «лиловых». Знает только, кого надо искать и в каком виде надлежит доставить.

— Что с ним делать будем? — поинтересовался Черс.

— Отпустим, — сказал Коратцо. — Я уничтожу его воспоминания об этой встрече.

— Делай и пошли, — поторопил духа Сигурд.

— Уже сделал, — ответил Коратцо.

Парень лежал без сознания, но дышал ровно, и за жизнь его беспокоиться не приходилось.

До «Морского Змея», не сговариваясь, решили добираться бегом. Коратцо, на всякий случай, снабдил всех заклинанием невидимости. Поначалу с ним возникли проблемы из-за того, что прохожие не замечали трех бегущих мужчин и одну женщину и не стремились освободить им дорогу. Но вскоре все четверо приорвались маневрировать меж этих ходячих препятствий.

Примерно на полпути Коратцо начал замечать, как к городу подкатывает вторая волна безумия. Она была в разы сильнее предыдущей. Теперь не останется случайных мест, не попавших под влияние Бруана. То ли братец решил подсобить, то ли просто так совпало.

Достигнув прибрежной таверны, дух Камня попросил обождать товарищей пару мгновений с визитом внутрь. За это время он успел произнести заклятье «недвижения».

— Теперь, прошу проходить, — объявил он, когда покончил с волшбой.

Внутри всё было, как и прежде, но только замершим на своих местах. Люди, мыши, насекомые и даже воздух и звуки. Сигурд, Тара и Черс изумленно оглядывались по сторонам. То был один из тех редких типов красоты, что человеческому глазу узреть чаще всего не суждено.

— Сигурд, — сказал Коратцо, касаясь плеча ванира. — Ты говорил, что знаешь о Рашиле. А где он?

Духу Камня не хотелось лишний раз по пустякам обращаться к воспоминаниям «лилового». Они подтасчивали его силы.

— Идем, — ответил Сигурд, отрываясь от созерцания. — Я покажу.

Ванир отправился вглубь таверны, в огороженный шелковой тканью уголок у одной из двух сцен. Там находилось несколько столов, за каждым из которых сидели люди. Сигурд указал духу на толстого офицера в наряде лилового цвета.

Коратцо взял себе свободный стул, уселся напротив Рашила и оживил «лилового». К столику уже успели подтянуться и Черс с Тарой, желавшие послушать разговор.

Стоило Рашилу ощутить в себе способность двигаться, как он немедля подпрыгнул на месте от удивления. Нормальная реакция. В «Морском Змее» использовалось столько защитных артефактов, что ни одному человеческому магу было не под силу повторить опыт духа Камня с «недвижением».

— Догадываешься, кто я? — спросил Коратцо у «лилового».

— Примерно, — ответил Рашил.

— Вижу, — сказал дух Камня, — кем ты меня считаешь. Ты не так уж и далек от истины. Возможности мои ты представляешь, «лиловый». Я желаю, чтобы ты честно и подробно ответил на

мои вопросы. Если ты скажешь правду и поможешь мне, я сохраню тебе жизнь и сделаю так, чтобы ты забыл об этом визите. Есть другой вариант. Ты станешь увиливать, и тогда я вселюсь в тебя и заберу все твои воспоминания. Мне не хочется этого делать, подобные вещи лишают меня силы, но если у меня не будет выхода, я буду готов претерпеть неудобства. Тебе же после того, как я вернусь в своё тело, я подберу очень мучительную смерть. Ты понял меня?

— Я отвечу на вопросы, — сказал Рашил.

— Ты знаешь, где искать в городе существ, подобных мне? — спросил Коратцо.

— В поместье Хозяев, — ответил «лиловый».

— А еще? — настаивал дух Камня.

— О других мне не известно, — сказал офицер.

— Расскажи мне теперь, — попросил Коратцо, — обо всех необычных событиях за два последних дня. То, что лично ты считаешь важным.

— Главу «лиловых» обвинили в краже артефактов из сокровищницы Хозяев, — начал Рашил. При этих его словах лицо Сигурда удивленно вытянулось. — За ним устроили охоту, но результатов она не принесла. Разве что сегодня утром видели, как он зарезал одного из наших, спасая преступного митрианского монаха. С ним связано второе крупное происшествие. Мы его наняли на службу, как тайного агента, всего несколько дней назад. Но внезапно он сошел с ума и зверски убил настоятеля своей обители. Сегодня утром с помощью неизвестной магии он рас-

правился с тринацатью нашими людьми. Его пока тоже не можем обнаружить. Еще второй день мы охотимся за двумя заезжими типами. Кто они, неизвестно, но приказ об их поимке предположительно исходил от того существа из поместья. Велено приложить все силы к их уничтожению. Их надо не просто убить, но еще и разрушить тела. Только мы до этих двоих и добраться-то не можем. Удалось проследить их до особняка, на окраине купеческого района. Но достать их из дома нет никакой возможности. Там действует какое-то защитное заклятье, а нам в помочь не выделили ни одного Хозяина, даже из третьего круга.

— Монах может быть как-то связан с существом из поместья? — спросил Коратцо.

— Вроде бы, нет, — сказал Рашил. — Если только через Карфота, прошлого нашего начальника, но и то вероятность очень маленькая.

— А сейчас сосредоточься, — обратился к «лиловому» Коратцо, — и представь, где находится особняк с двумя беглецами. Проложи отсюда мысленную дорогу к нему.

Толстый офицер нахмурил лоб и начал непривычно водить глазами из стороны в сторону. Зрелище было настолько комичным, что улыбки появились на лицах всех четырех зрителей.

— Молодец, — похвалил Коратцо Рашила, когда тот завершил свой путь у ворот особняка. — Ты всё правильно сделал. Сейчас мы уйдем, а ты всё забудешь.

Дух Камня погрузил офицера в «недвижение»

и пошел к выходу из таверны. На улице он остановился, дождался, пока к нему присоединятся остальные, и вернул жизнь в «Морского Змея».

— Любовника найти не удалось, — сказал Коратцо, — зато вышло подойти с другого конца. Эти двое из особняка, наверняка, носители оболочки для отца. Братец-маг как-то прознал про это и приказал их разрушить, только всей опасности он так, похоже, и не осознал.

— Далеко этот особняк? — спросил Сигурд.

— Прилично, — ответил дух Камня. — Лучше будет поторопиться, времени совсем в обрез.

И снова они побежали.

Коратцо, не жалея магии, подпитывал физические силы своих соратников. Вроде бы, они и так успевали добраться до особняка, но лучше было подстраховаться. Бруан мог приготовить еще пару неприятных сюрпризов. Безумие, кстати, уже вовсю разгуливало по городу. Без невидимости пары драк со взбесившимися горожанами было не миновать.

Постепенно в сердце духа начал закрадываться страх. Даже если они успеют расправиться с отцом, то останется Бруан, который такими темпами уничтожит Сартос. А как убивать безумца, Коратцо не знал.

Погруженный в свои мысли дух Камня не сразу заметил стоящего посреди дороги человека с широко расставленными руками.

«Он видит нас», — догадался дух.

Но магии никакой от человека не исходило. Присмотревшись повнимательней Коратцо по-

нял, что уже встречал его. В мыслях Рашила. Это тот самый спятивший митрианец, только слегка изменившийся в лице. На его счету духа тоже имелись подозрения, что и он мог служить потенциальной оболочкой для отца.

Потому он остановился и попросил Сигурда, Тару и Черса последовать его примеру.

— Прошу вас, — сказал митрианец. — Снимите невидимость. Жутко неудобно так с вами общаться.

Коратцо удовлетворил его просьбу.

— Спасибо, — поблагодарил митрианец.

— Кто ты такой? — спросил его Коратцо.

— Мое имя — Ганеш, — сказал человек. — Я пророк, что три сотни лет служил стигийцам, а теперь обрел свободу. И я не желаю, чтобы в этот же момент мир вокруг меня отправился в пасть к Нергалу. Я хочу вам помочь. Загляни в мои мысли, Коратцо. Убедись, что я не вру.

Коратцо посмотрел не только в мысли, но и чуть глубже.

Ганеш не врал, а прошлое его было полно ужаса, боли и страха. Удивительно, как ему удалось сохранить в целости рассудок.

— Нам надо спешить, — в очередной раз напомнил духу Камня ванир.

— Это не мошенник, Сигурда, — сказал Коратцо. — Мы задержимся.

Пророк удовлетворенно кивнул.

— Чем ты можешь нам помочь? — поинтересовался у него Коратцо.

— Он прав, — Ганеш указал на Сигурда. — У

вас очень мало времени. Поэтому ничего объяснять не буду. Умоляю, примите мои слова на веру. Во имя жизни!

— Мы всё исполним, — согласился дух Камня. Он точно знал, что этот человек видел будущее, и сейчас собирается его изменить.

— К отцу пусть направятся Тара и Сигурда, — начал давать указания пророк. — Их помочь там придется к месту. Тебе же, Коратцо, надо будет найти Бруана, он сейчас устроился на побережье. В противном случае, он всех здесь убьет.

— Я встречусь с ним, — сказал дух, хоть и понимал, что это верная смерть.

— Сначала возьми из моей головы, — велел Ганеш, — образ того места, где укрылся твой отец, и передай его Сигурду с Тарой.

Коратцо выполнил его просьбу.

— Теперь можете идти, — сказал пророк.

— Погоди! — перебил его Черс. — А что я? Что мне делать?

— Твой путь свободен, — улыбнулся ему пророк. — Можешь пойти с Сигурдом и Тарой, можешь с Коратцо, а можешь остаться здесь, если хочешь.

— Я с Коратцо, — не раздумывая сказал юнга.

Дух сначала собирался возразить, но потом понял, как сильно хочет, чтобы кто-нибудь отправился вместе с ним к брату.

— Бежим, — хлопнул он по спине Черса и сказал Сигурду и Таре. — Прощайте, счастья вам.

— Ты победишь, Коратцо, — сказал ванир. — Ты тоже, Черс.

— Удачи вам, друзья, — попрощалась дево-воительница.

Того, как они с Черсом добрались до побережья, дух Камня словно и не заметил. Он напитал и себя, и юнгу энергией настолько сильно, что они практически летели. Особого смысла торопиться, наверное, не было. Четверть колокола, которую они выиграли, по сути ничего не решала. Просто так было меньше шансов допустить в сердце страх или сомнение. Коратцо хотел лишить себя возможности повернуть назад. А Черс слепо следовал за своим другом, чьей силе и уму безоговорочно доверял.

Ганеш показал духу, где следует искать Бруана, но он бы и так обнаружил брата. Коратцо почти физически ощущал мощь, исходившую от безумца.

Бруан стоял на самой кромке воды и смотрел вдаль. Никакой агрессивности он не проявлял.

Коратцо подошел к нему, встал по правую руку от брата и тоже устремил свой взгляд к горизонту.

— Мне очень нравится море, — вдруг сказал Бруан. — Когда я гляжу на него, мне становится грустно. Ты, наверное, даже не веришь, что мне знакомо это чувство.

— Отчего ж, — неясно ответил Коратцо.

— Не веришь, — проговорил Бруан. — Я знаю. Но я всё равно скажу тебе. Мне всегда хотелось после смерти стать чем-то вот таким бесконечно прекрасным. Чтобы смотрели на меня, грустили, а на сердце от этого становилось бы тепло.

— Ты всегда любил большие масштабы, — заметил Коратцо.

— Я сейчас совершенно о другом, — сказал Бруан. — Жаль, что тебе этого не понять. Мне жалко тебя, брат. Я хотел бы, чтобы все вокруг стали счастливыми, и ты в первую очередь. Но это невозможно.

— Не знаю, — ответил Коратцо.

— Невозможно, — покачал головой Бруан. — Я старался изо всех сил, но у меня ничего не вышло. Я не смог дать счастье каждому. И я решил, что стоит дать его кусочек всему миру сразу.

— Вздумал стать морем? — пошутил Коратцо.

— Еще лучше, — улыбнулся Бруан. — Просто здесь, у моря, мне хотелось умереть. А влиться я собираюсь в тебя. Мне кажется, ты станешь хорошим богом, брат. Пусть исполнится твоя мечта.

— Но я еще не готов... — попытался возразить Коратцо.

— Прости, — сказал Бруан. — Но выбор здесь не за тобой.

Ноги безумца подкосились, и он свалился на песок.

Теплая соленая вода омывала мертвое лицо Бруана, на котором навсегда застыла улыбка.

Коратцо наклонился, чтобы закрыть глаза брата, понять которого он так и не смог.

Вскоре вся сила, накопленная безумцем, должна была влиться в него. Он уже ощущал её первые толчки. На всякий случай, Коратцо отошел подальше от воды, чтобы не захлебнуться, если он вдруг потеряет сознание.

Черс стоял чуть в стороне и молча наблюдал за происходящим.

Коратцо подмигнул ему, уселся на песок и стал ждать.

Это было не просто наслаждение, это был экстаз. Хотелось кричать от восторга. Дух чувствовал в себе силы сдвинуть горы, изменить очертания континентов, а энергия всё прибывала. Бруан не соврал. Коратцо предстояло стать единовластным богом этого мира.

Дух готовился вступить на другой пласт реальности, чтобы воочию узреть небожителей Хайбории. Но они первыми вытянули его к себе и сделали это весьма неласково.

Находиться в четырехмерном пространстве оказалось довольно неудобно. Различить между собой существ, обитавших здесь, видимо богов, Коратцо не мог. Выглядели они, как белесые густки тумана, чем-то напоминавшие медуз. Внезапно дух понял, что и сам уподобился им.

Но времени поразмыслить о своем внешнем виде, боги духу не дали.

Четверо медуз перекрыли поток энергии, идущий из тела Бруана, а остальные набросились на Коратцо. По отдельности дух с ними бы справился, но очень уж мир был непривычный да и числом боги давили знатно. Коратцо чувствовал, что ранит богов, но они медленно, но верно пожирали его.

Итог схватки представлялся очевидным. Духа он, однако же, не устраивал, и Коратцо рванулся назад, в мир Хайбории, где преимущество оказа-

лось бы на его стороне. Там боги не смогли бы помешать ему получать энергию от Бруана.

Не обращая внимания на боль и телесные потери, Коратцо двигался к Хайбории. Поначалу боги запаниковали, их атаки сделались беспорядочными, и они скорее мешали друг другу, чем духу Камня.

Но потом среди них сыскались и организующие силы. Белесые медузы ставили заслоны, стремясь задержать его. Наиболее хищные боги нападали на него с флагов, вырывая куски плоти. Однако Коратцо не сдавался, и вот впереди показалось побережье Стигии. На песке лежало тело духа, рядом с ним сидел Черс, а Бруана волны уже утащили в море.

Последнее усилие, и вот лишь едва заметная дымка отделяет духа от Хайбории. Боги поняли, что их жертва уходит, и удесятерили свой написк. Коратцо кое-как скинул их и узрел, что поток энергии Бруана перекрывает дюжина крепких богов. Справиться с ними в нынешнем состоянии дух не мог. Он уже приготовился сдаться, как увидел новый источник силы. Если убить Черса сквозь остатки дымки, это будет засчитано, как человеческое жертвоприношение. Тогда он разрушит барьер перед Бруаном.

Коратцо уже занес трепещущую белесым туманом конечность над Черсом, когда понял, что не сможет осуществить задуманное. Юнга считал его другом, пришел с ним к Бруану, чтобы разделить печальную участь. И теперь дух не мог его предать.

«Наверное, это и называется дружба», — подумал Коратцо и шагнул назад в Хайборию.

Когда Коратцо пришел в себя, никаких богов рядом не было.

Он поднялся на ноги и увидел Черса и Ганеша, стоявших у кромки воды. Дух Камня медленно подошел к ним.

— Ты рассказал ему? — спросил он у пророка.

— Ты — теперь человек? — вместо ответа дух получил вопрос, и исходил он от Черса, а не от Ганеша.

— Да, — кивнул Коратцо. — Я стал таким же, как вы.

Глава 5

О победе

а то, чтобы принять решение, оставались считанные мгновения. Восемь сabbатейцев — это та сила, с которой нельзя не считаться. Конан оценивал свои шансы выйти победителем из схватки с ними, как внушающие опасение.

Надо было быстро думать, что делать с умирающим полубогом. Киммериец сомневался, не поможет ли он ему, если добьет. Вдруг он только и ждет этого, чтобы переменить тело...

И Конан решил положиться на собственные силы, сделать ставку на то, что ему удастся выйти живым из схватки с поклонниками Павлина. В худшем случае он умрет, а полубога съедят. Пусть уж лучше сabbатейцы причастятся к его силе.

Куда хуже будет, если у древнего мага получится вырваться из тела Ясуда.

Действовали саббатейцы очень слажено. Воспользовавшись замешательством Конана и Харольда, они отсекли их друг от друга, так чтобы у киммерийца не было никакой возможности защитить мага. Конан мысленно обругал себя последними словами за то, что позволил совершить им этот маневр. Загороди он Харольда от нападавших, и колдун смог бы помочь ему закаляться из-за спины. А теперь некромант обречен.

Но Харольд решил удивить всех напоследок. Превратился в огромного бурого медведя и прикончил всех троих напавших на него саббатейцев. Правда, и сам погиб, получив колотый удар мечом в шею.

«Достойная гибель, — подумал киммериец. — Хороший был человек, несмотря на то, что маг».

Пять врагов это уже не восемь. С ними можно драться и побеждать их.

Конан добавил к мечу в правой руке кинжал в левой, в ограниченном пространстве любимый киммерийцем двуручный хват использовать было неудобно. В два шага варвар сместился поближе к углу комнаты так, чтобы и размахнуться где было, и напасть на него могли без вреда для себя одновременно только двое саббатейцев. Те, правда, это осознали не сразу и полезли сначала втроем.

В результате, нормального удара ни у кого из них не получилось. От одного киммериец успел увернуться, два других заблокировал мечом. Кинжал его в это время отправился в путешествие в живот одного из саббатейцев.

После гибели своего товарища поклонники Золотого Павлина стали действовать более аккуратно. Двое терзали своими выпадами киммерийца, третий стоял неподалеку, готовый прийти на помощь, но в схватку пока не вмешивался. Четвертый, как заметил боковым зрением Конан, вообще отправился караулить дверь.

«Самоуверенные ребята, — мелькнула мысль у киммерийца. — Не сомневаются в своей победе».

Но основания рассчитывать именно на такой исход схватки у саббатейцев, в принципе, имелись. Двое сражавшихся с Конаном бойцов были очень хорошими мечниками, которых не глядя бы записали в гвардейцы большинства хайборийских стран. Бились они очень спокойно, старались обойтись без лишнего риска. Все раны полученные Конаном на деле были пустяковыми царапинами, но зато киммерийцу не дали ни единой возможности для контратаки. Саббатейцы явно стремились измотать варвара, чтобы более свежие товарищи, пришедшие им на смену, смогли его легко добить.

Конан не знал, что противопоставить их такому плану. Разве что пуститься в безрассудную атаку, когда саббатейцы начнут меняться, и постараться смять их напором и физической силой.

Но до этого не дошло. Киммерийцу неожиданного подсобил сраженный кинжалом поклонник Павлина. Из него уже вытекла приличных размеров лужа крови, и в неё угораздило наступить одного из бойцов. Всего лишь на миг он потерял равновесие. Но Конану этого хватило. Вновь кин-

жал варвара нашел незащищенное место на теле противника. Второй сabbатеец тут же атаковал киммерийца, но Конан успел отреагировать. Отведя его меч в сторону, он бросился на третьего сabbатейца, что толком не успел подготовиться к схватке. Увернувшись от его неуклюжего удара, киммериец рубанул его мечом по шее и метнул кинжал в лицо четвертому, стоявшему наизготовку у двери. Острие вонзилось точно в левый глаз сabbатейца. Теперь оставался только один противник.

Он постарался добраться до незащищенной спины киммерийца. Но Конан каким-то звериным чутьем ощутил этот удар и в последний момент сделал шаг в сторону. Однако инициатива по-прежнему оставалась в руках поклонника Золотого Павлина. Он находился в более выгодном положении и продолжал атаковать. Киммериец только и успевал отбивать его удары. Но вскоре за счет превосходства в физической силе Конан понемногу выровнял ситуацию, а потом начал откровенно давить противника. Кончилось тем, что, отступая, сabbатеец споткнулся о труп своего товарища. В этот миг его судьба оказалась решена. Меч киммерийца очень точно нашел сердце поклонника Золотого Павлина.

Стоило Конану, расправившись со своим последним противником, как вновь послышался скрип открываемой двери.

На пороге показался тот самый мальчишка, телом которого воспользовался дух-любовник. Впрочем, ничто не говорило о том, что сейчас его

в пареньке нет. Мальчишка не смотрел ни по сторонам, ни под ноги, взгляд его был устремлен точно к отцу, подло обманутому Ясудом. Древний маг был всё еще жив, хотя внешне скорее напоминал груду испорченного мяса, нежели человека. В том шипении, что доносилось из его рта, с трудом угадывались призывы к сыну прийти на помощь.

Мальчик сделал небольшой шагок в сторону отца, затем еще один, покрепче. На лице его отражалась сильнейшая внутренняя борьба. Дух явно не желал приближаться к полуживому телу, но отец, похоже, как-то сумел подавить его волю.

Конан со всей возможной скоростью прокручивал в голове варианты развития событий. Убивать духа никак нельзя. Он тут же сменит тело и переселится в самого киммерийца. Пытаться просто остановить тоже опасно, сметет с дороги и всё. Для него люди считай что муравьи. Оставалось только одно — добить мага. А там будь, что будет.

Киммериец подбежал к отцу вперед мальчишки, двигавшегося очень мелкими шагами да еще умудрившегося споткнуться о сabbатейца, занес меч над головой... и понял, что все завершилось и без него. Маг умер, так и не дождавшись помощи от сына.

Любовник, отошедший от отцовского заклятия, встряхнул головой и начал оглядываться, стараясь понять, куда это его занесло. Взгляд его остановился на Конане. На лице духа вспыхнула кровожадная улыбка и он начал приближаться к

киммерийцу. Вселяться в него он, видимо, не собирался, помня об отцовской судьбе, а вот приданье мучительной смерти, судя по всему, входило в его планы.

Конан решил, что бегство в данной ситуации вариант не зазорный, но любовник предусмотрел и это. Ноги киммерийца словно вросли в пол. Да и руками он пошевелить не мог, оставалось только вертеть головой в надежде узреть что-нибудь годное для дела спасения собственной жизни. Ничего такого, к сожалению, не наблюдалось.

Мальчик остановился в шаге от Конана. Улыбка его стала еще шире.

Он медленно протянул правую руку к киммерийцу, но коснуться его не успел. Два метательных ножа вонзились ему в спину. Дух-любовник коротко вскрикнул, и упал замертво к ногам киммерийца, в тот же миг обретшим подвижность.

В дверях стояла довольно ухмыляющаяся дева-воительница, которую они с Сигурдом несколько дней тому назад встретили на базаре. Собственно, и сам ванир возвышался за её спиной.

— Мы вовремя, — сказала Тара, проходя внутрь.

— Надо было догадаться, что ты здесь, — Сигурда дружески похлопал Конана по спине. — Разве ты когда-нибудь пропускал такое веселье?! Кстати, не в обиде на меня за тот случай?

Киммериец не сразу понял, что имеет в виду его первый помощник. Потом вспомнил, что ван-

нир хорошенько приложил его, когда он вернулся из поместья без Зелтрана.

— Ты всё правильно сделал, — сказал Конан. — Я поступил бы так же.

— Рад слышать! — улыбнулся Сигурд.

— Вы-то как здесь оказались? — поспешил узнать киммериец.

Скольких трудов им самим с Харольдом и Ясудом стоило найти это внешне неприметное место, даже вспоминать не хотелось. Конан не представлял, кто кроме Себера и любовника знал о нем, а уж они-то точно с первым помощником в беседы не вступали.

— Мы искали духа-любовника, — объяснил Сигурд, — чтобы не дать ему выпустить на волю своего отца. Коратцо удалось обнаружить двух людей, что являлись заготовленными для него ходячими оболочками. Через них мы и хотели выйти на духа, но внезапно всю нашу компанию отловил по дороге в особняк, где прятались те двое, человек, назвавшийся Ганешем. Он объявил себя древним пророком обретшим новую жизнь, а Коратцо сказал, что ему можно верить. Вот этот самый Ганеш и велел нам со всех ног бежать в этот домик. Его и следует поблагодарить за то, что ты остался жив, а любовник так и не освободил отца.

— Он его освободил, — разочаровал друга Конан.

— Что?! — в один голос закричали Сигурд и Тара. Похоже, кто-то успел растолковать им последствия обретения древним магом воли.

— Один из тех людей, за которыми вы охотились, — сказал киммериец, — нес в своем теле смертельный яд для отца духов. Он отдал жизнь, чтобы убить его.

— Это он? — спросила Тара, указывая на разложившийся труп Ясуда.

— Да, — ответил Конан. — Надо его похоронить, когда все это закончится. И мага, он тоже хорошо сражался.

После смерти Харольд вновь обратился из медведя в человека.

— Я знаю его, — сказал Сигурд, отбрасывая мертвых саббатейцев с тела некроманта. — Один из спутников Бруана, безумного духа.

— Он очень сильно нам помог, — поведал ваниру Конан. — Без него бы мы не нашли духа. Но это прошлое. Надо идти в поместье и постараться спасти Зелтрана: Боюсь, там творится что-то неладное. Маг, пленивший меня, погиб.

Подробности своего визита в сокровищницу и последующего плена киммериец пересказывать не стал. Сигурд и Тара люди не глупые и в общих чертах произошедшее, наверняка, уже представляют.

— И Ганеш сказал, что мы должны туда отправиться, — поведала Тара. За время разговора воительница уже успела осмотреть импровизированное поле боя и сделать какие-то свои выводы. — Только он упомянул, что кроме воина к нам присоединиться и маг. А он мертв.

— Пророк имел в виду другого мага, — сказал стоящий у двери человек.

Сколько он уже находился в доме, никто не ведал.

Конан узнал его, и с трудом подавил желание броситься на него с мечом. К Тот-Амону, а это был именно он, у киммерийца накопилось множество долгов.

— Я тоже рад тебя видеть, старый друг, — улыбнулся стигиец. — Если бы Ганеш сказал мне, что предстоит иметь дело именно с тобой, меня бы здесь не было. Но на то он и пророк, чтобы и это предвидеть.

— Что тебе надо? — спросил Конан. Руку с эфеса меча он убрал, не желая демонстрировать свои чувства.

— Ганеш предупредил меня, — сказал Тот-Амон, — что в моем деле окажется не лишней помощь воина с хорошей сопротивляемостью магии. Еще он рассказал, как можно с этим человеком договориться. Конан, у тебя в поместье есть друг, обращенный в собаку?

— Да, — ответил киммериец, жестом призыва Сигурда и Тару не делать глупостей. Те оказались готовыми в любой момент броситься на мага. Но сейчас это было лишним. Тот-Амон не был замечен в том, что нарушал заключенные договоренности. — Можешь его спасти?

— Могу, — кивнул Тот-Амон. — Пророк сказал, что заклятье там сложное, и кроме меня с ним смогут разобраться не более десятка хайборийских магов.

— Что ты хочешь взамен? — спросил Конан.

— Чтобы ты пошел со мной, — ответил стиги-

ец. — Большего я и сам не знаю. Твои друзья, если захотят, тоже могут к нам присоединиться.

— Договорились, — согласился киммериец. — Я последую за тобой и постараюсь помочь, если возникнет такая необходимость.

— Я с тобой, — тут же произнес Сигурд.

— Я тоже, — присоединилась к нему Тара.

— Тогда идемте, — сказал Тот-Амон и, не дожидаясь никого, вышел на улицу.

Конан, Сигурд и Тара догнали мага только через два дома. Походка у стигийца была быстрая, размашистая. Даже по ней чувствовалось, насколько глава Черного Круга уверен в себе.

Киммериец появлению Тот-Амона удивился не очень сильно. Скорее странно, что это произошло только сейчас. Когда творятся события вселенского масштаба, верховный маг Стигии просто обязан находиться где-то неподалеку. Еще Конан предполагал, что Тот-Амон вполне мог быть не простым наблюдателем, а кем-то гораздо большим. Сидел в тени и дергал за ниточки, вполне в характере стигийца.

— Коратцо всё-таки победил Бруана, — вдруг произнес Сигурд.

— Ты о чём? — не понял Конан.

— Посмотри на людей, — сказал первый помощник. — Безумие склынуло, дух, его вызвавший, мертв.

И действительно, Сартос за время битвы с отцом и саббатейцами стал иным. С лиц горожан исчезли злоба, страх, отрешенность. Никто не стремился выяснять отношения посредством ку-

лаков. Даже обычного уличного гвалта поубавилось. Всё чаще и чаще взгляд киммерийца встречал добродушные улыбки.

— Они все мертвы, — поправил Сигурда Тот-Амон. — Все четверо. Духов Камня не стало.

— Ты не сильно расстроен, — заметил Конан.

— Думаешь, я как-то связан с ними? — спросил маг. Киммериец кивнул безо всякого стеснения. — Только косвенно. Я прибыл в Сартос по другой причине. Думаю, имеет смысл рассказать вам о ней. В поместье эти знания лишними не будут.

— Твоя воля, маг, — ответил киммериец. На самом деле, червячок любопытства все сильнее подтачивал его душу.

— Ну, не ваша же! — отозвался Тот-Амон. — Я приехал в Сартос, чтобы определить судьбу одного могущественного мага. Карун-Ра, альбинос, по прозвищу Слепец. Он является главой местных Хозяев Побережья. В его отношении подозрения у Черного Круга зародились еще много лет назад, когда во время магического эксперимента он сам себя лишил зрения. Наши специалисты по магии исцеления клялись именами всех известных божеств, что от этого изъяна ему уже не избавится. Карун-Ра советовали оставить бесплодные попытки заставить свои глаза работать и начать учиться жить по-новому. Но альбинос, вместо этого, отстранился от нас и продолжил свои изыскания в одиночку. И однажды он прозрел. Разумеется, Черный Круг заинтересовался тем, как он это сделал, и Карун-Ра любезно предостав-

вил в наше распоряжение формулу. Она, и в самом деле, работала, но уже тогда у меня зародилось подозрения, что это новая магия.

— Что это значит? — спросил Конан. Киммериец внимательно следил за рассказом Тот-Амона. Вполне возможно, что им придется вступить в схватку с альбиносом, и лучше узнать всё о его плюсах и минусах.

— Я могу произнести одну комбинацию слов на древнестигийском, — ответил маг, — и вспыхнет пламя. Могу произнести другую, и ничего не произойдет. Но если слегка, совсем чуть-чуть, изменить структуру нашего мироздания, то вторая комбинация сможет заставить пламя угаснуть. То есть возникнет новая магия. Её сотворение исключительная прерогатива богов, но они редко прибегают к этой возможности, дабы не поколебать баланс мира.

— Тогда на чем было основано твоё предположение? — поинтересовался киммериец.

— На интуиции, — сказал маг и обернулся к Конану, чтобы последить за его реакцией.

Киммериец кивнул, в знак понимания. Воины или маг, не важно, но если хорошо знаешь свое дело, то многое ты способен предсказать и без помощи рассудка, и даже вопреки ему.

— Но обвинять Карун-Ра я не торопился, — продолжил рассказ Тот-Амон. — Мне стало интересно, как ему удалось принести в мир новую магию, кто из богов ему помогает. Я стал следить за ним. Смотрел, как он набирает силы и растет в искусстве волшбы, но про его союзника так ни-

чего и не пронал. Альбинос оказался большим хитрецом и умеючи заметал следы. Наконец, мне всё это надоело, я собрал совет Черного Круга и объявил о своих подозрениях. Мне не верили, со мной спорили, но, в конце концов, признали мою правоту. Карун-Ра стал опасен для нашего сообщества. Он обратился к одному из божеств в обход Сета, и за это не могло быть прощения.

Конан хмыкнул. Насколько он успел изучить природу Змея, тот подобных талантливых хитрецов, наоборот, привечал.

— Это с формальной точки зрения, — объяснил Тот-Амон. — На самом деле, все боялись, как бы секрет Карун-Ра не попал бы в руки кого-то другого, а не в их собственные. Вот и поклялись не вступать с альбиносом ни в какие договоренности. Но выступить открыто против Слепца мы не могли, так как не имели на руках никаких доказательств его вины. И тогда Черный Круг организовал его назначение главой Хозяев Сартоса. Здесь уже несколько лет находилось тело полуживого пророка, который занимался исключительно отвратными предсказаниями. Мор, войны, ураганы. И главное, никакой возможности изменить это будущее. Мы надеялись, что пророк выдаст что-нибудь этакое альбиносу. В теории, несмотря на весь свой талант Карун-Ра должен был умереть. Предсказание, считали мы, учтет его силу и подберет соизмеримое несчастье. Но пророк молчал, а Слепец делал всё, чтобы избавиться от этого груза на своей шее. Когда он, наконец, договорился о передаче тела предсказа-

теля в храм Сета вблизи Кеми, совет Черного Круга решил поступиться принципами и убить Карун-Ра. Я тогда попросил немного отложить исполнение приговора и с десятком учеников отправился в город, где альбинос проживал до Сартоса. Мне уже давно хотелось проверить это место на предмет магических следов, но каждый раз находились более срочные дела. Две седмицы я проторчал там, искал, забыв о сне и отдыхе. И в итоге, удача пришла ко мне. Мы с учениками восстановили фантомный образ той библиотеки, которой пользовался Карун-Ра. Конечно, нам удалось нашупать следы не всех книг, но самый важный том мы узрели. В нем говорилось о боге, что помогал альбиносу. Из фантома мы смогли извлечь только его имя, Ибара. Но и это было достаточно. У Черного Круга немалая библиотека, и я не сомневался, что вскоре мы узнаем все о помощнике Карун-Ра. И действительно, Ибара упоминался в сразу нескольких источниках. Оказалось, что это не какой-то могущественный дух или демон, а вполне полноценный бог. Только много столетий назад его изгнали с небес. Знаешь, за что, варвар?

— Не хочу гадать, — сказал Конан. Вариантов у него в голове возникло с два десятка, а то и больше. — Расскажи.

— В некий момент своей жизни, — продолжал Тот-Амон, — Ибара вообразил себя людским благодетелем. Начал исполнять все человеческие просьбы, даровал силу воинам, энергию магам. Представляешь что из этого вышло?

— Ничего хорошего, — ответил киммериец.

— Правильно, — сказал Тот-Амон. — И боги, чтобы не допустить еще больших бед, лишили Ибара его могущества. Они, наверное, рады были бы его и вовсе убить, но не смогли, слишком много почитателей у него было. Думаю, что к тому времени, когда вся его паства поумирала, боги просто забыли об Ибаре, в силу его безвредности. А Карун-Ра, спустя долгие годы, обнаружил предмет, который в качестве убежища избрал для себя низвергнутый бог. Скорее всего, его статуэтку, но значения это не имеет. Теперь, когда стало понятно, с кем именно мы имеем дело, можно было провести расчеты, узнать, какую мощь обрел Карун-Ра.

— И что? — заинтересовано спросил Конан.

— По силам он стал равен всему Черному Кругу, — ответил стигиец, — и это для него еще не предел. Тут же стали составлять план по устранению Карун-Ра. Сколько магов привлекать, какие артефакты использовать. Но даже при самом удачном раскладе крови пролилось бы море. Только все согласовали, как приходит известие из Сартоса, что пророк заговорил. Мы приняли это за знак богов и решили повременить с атакой на альбиноса. Тогда же я сказал, что отправляюсь в Сартос. Совет пытался удержать меня, говорили, что это и глупо, и опасно, ведь на Побережье сойдутся в битве величайшие силы. Но я не мог упустить шанс посмотреть на все своими глазами.

— Не верю, что не пытался вмешиваться! — заявил киммериец.

— Потихоньку, — хитро улыбнулся Тот-Амон. — Именно я сделал так, что пророк ходит по улицам Сартоса, а не лежит полумертвым в поместье. Он ведь вам жизнь спас!

— Ему я за это благодарен, — сказал Конан.

— Значит, и мне, — добавил Тот-Амон. — Но тем не менее, я по большей части наблюдал. Однако я, похоже, тоже являлся частью происходивших процессов, как и ты, Конан, как и твои товарищи. Я верю, что существует некий всемирный закон, который отвечает за равновесие. Как он действует, мне не ясно, но результаты налицо. Если где-либо проявляет себя одна могущественная сила, то там же неизменно возникает противодействующая. Я уверен, что если бы Черный Круг не отправил Карун-Ра в Сартос, то духи и их отец так бы и жили в своем Камне, ты бы не завел корабль в этот порт, а я совершил бы сейчас путешествие по Кхитаю. Так же и в обратную сторону. Возможно, именно грядущее приключение духов определило наше появление здесь.

— Слышал я о такой точке зрения, — совершенно честно сказал Конан. Что он с ней в корне не согласен, киммериец добавлять не стал. — Так почему же тогда духи мертвые, а Карун-Ра всё еще жив, и мы идем драться с ним?

Конан уже принял, как должное, предстоящую схватку с альбиносом.

— Он бился с одним из духов, — ответил Тот-Амон, — и сейчас Слепец настолько слаб, что нам по силам его одолеть.

— Пророк не сказал, победим мы или нет? —

не удержался от вопроса Конан. Он хоть в судьбу и не верил, но узнать результат было любопытно.

— Победим, — сказал стигиец и добавил. — Но очень уж он таинственно это произносил. Понятия не имею, что за этим словом кроется.

— Сейчас всё сами узнаем, — уверенно произнес киммериец.

К этому времени они уже добрались до ворот поместья Хозяев Побережья.

Двоим «лиловым» стражникам, не хотевшим их пускать внутрь, Тот-Амон, на удивление спокойно, объяснил, кто он такой, и вызвал в их сознании специальный образ, служащий для опознания. Те в мгновение пали перед ним колени. Не говоря больше ни слова, Тот-Амон миновал пост и махнул Конану, Сигурду и Таре, чтобы следовали за ним.

Внутри поместья суета стояла невообразимая. Маги и старые, и молодые, разбившись на пары, быстрым шагом обходили коридоры. Видя Тот-Амона, неизменно падали перед ним на колени. Двух внешне смышленых Хозяев черноглазый стигиец задержал для разговора.

— Мне нужно, чтобы ты, — Тот-Амон указал на того мага, что был чуточку пониже, — отправился в покой к Биресу и привел мне оттуда пса.

Хозяин кивнул и поднялся, готовый отправиться в путь.

Тот-Амон поморщился, достал из мешочка на поясе маленький кристаллик и протянул его магу.

— Используешь у дверей, — сказал Тот-Амон, —

иначе тебя убьет. Найти меня сможешь в покоях у Арзареса. Иди.

Хозяин молча поклонился и побежал прочь. На третьем шаге споткнулся и упал. Но тут же вскочил и продолжил движение.

Тот-Амон вновь поморщился.

— А ты покажешь мне, — обратился он ко второму коленопреклоненному Хозяину, — где собственно проживает Арзарес. Давненько я у вас не был, успел всё позабыть.

Маг кивнул, но с пола не поднялся.

— Веди! — крикнул на него Тот-Амон.

Подействовало.

Внешне смышлений Хозяин встал на ноги и повел гостей вдаль по коридору. Во второй раз Конан оказался в поместье уже не в качестве вора, а как некто вроде почетного гостя. Встречные маги смотрели на него и остальных с уважением и опаской.

Жил Арзарес не очень далеко от входа. До сокровищницы той злосчастной ночью киммерийцу пришлось видеть раз в пять дольше. Почему именно в комнату покойного мага Тот-Амон решил направить свои стопы, Конан понятия не имел.

Было, правда, предположение, что это Ганеш насоветовал стигийцу, что делать.

Выдержке магов, охранявших покой Арзареса, можно было только позавидовать. В их глазах прямо-таки читалось желание рухнуть на колени перед главой Черного Круга, но они не могли себе этого позволить.

— Бирес приказал никого внутрь не пропускать, — сказал один из них.

— Отменяю это распоряжение, — тихо произнес Тот-Амон. — Отойдите в сторону.

Маги в мгновение убрались с пути черноглазого стигийца и тоже встали на колени. Но Тот-Амон на них уже не смотрел и прошел внутрь комнаты. Конан, Сигурд и Тара тоже не стали задерживаться на входе и последовали за ним.

Комната Арзареса Конану понравилась. Он решил, что если однажды остеинится и купит дом, то обстановка у него будет такой же. Лишних вещей в покоях не наблюдалось. Кровать, большой рабочий стол, маленький обеденный, четыре огромных стеллажа с книгами и коллекция оружия на одной из стен.

За столом сидел стигиец, внешне очень похожий на Тот-Амона, только еще более худощавый. И лицо у него было осунувшееся.

Когда четверо людей переступили порог комнаты, стигиец яростно водил пальцами по разложенным перед ним папирусам.

— Вот оно! — неожиданно вскричал он.

Такое проявление восторга покоробило даже Тот-Амона. Глава Черного Круга, подобно остальному, невольно сделал шаг назад.

И тут Бирес заметил, что в комнате он теперь не один. Конан не верил, что лицо человеческое способно выразить большую степень восторга, чем та, что была, когда Хозяин отыскал что-то в папирусах. Киммерийцу пришлось признать, что

он ошибся. Увидевший Тот-Амона Бирес просто улучился счастьем.

Он подбежал к главе Черного Круга и упал перед ним колени.

— Встань, — велел Тот-Амон.

Бирес поднялся.

— Теперь говори, — приказал черноглазый, — что ты обнаружил. Ты знаешь, где искать Ка-рун-Ра?

— Мне это было известно и раньше, — почтительно склонив голову, произнес Бирес. — Я стремился узнать, какую цепь артефактов задумал выстроить Слепец.

— И что же? — заинтересовался спросил Тот-Амон.

— Ключевым в ней является артефакт «Фонтан Жизни», — сказал Хозяин Побережья. — Ты слышал о таком? Остальные служат лишь для усиления эффекта.

— Проклятье! — заорал Тот-Амон, подошел к столу и ударил по нему со всей силы. — Сет дери этого ублюдочного альбиноса!

Конан был готов поспорить, что возникли проблемы, о которых Ганеш верховного стигийского мага не предупреждал.

— Но он же не сможет применить его на себя, — изумился Бирес. — Хуже было бы, если ключевым оказался бы уничтожающий или преобразующий артефакт. Этот же служит только для лечения. Хотя, конечно, я мог ошибиться, и Слепец специально подстроил, чтобы все подумали на «Фонтан Жизни».

— Не ошибся ты! — прорычал Тот-Амон. — И не для себя он этот артефакт приготовил. Ка-рун-Ра хочет воскресить одного почившего бога!

— Отца духов? — спросил Бирес.

— Нет, другого, — ответил Тот-Амон. — Все духи мертвы, и их отец тоже. Где этот проклятый пес?! Мы не можем больше ждать!

Конан понял, что стигиец говорит о Зелтране. Глава Черного Круга решил вернуть ему облик прямо сейчас. Хорошо, конечно. Но это значило, что схватки с Каун-Ра он побаивается, несмотря на внешнюю браваду.

На свое счастье, посланный за собакой Хозяин влетел в комнату почти одновременно с окончанием фразы черноглазого мага. В противном случае, о его участи можно было бы только догадываться. Зелтрана посыльный нес на руках, уснувшего.

Бирес удивленно воззрился на то, как глава Черного Круга принимает пса и укладывает его на полу, но ничего не сказал.

Тот-Амон опустился на колени и начал колдовать. Вмиг с его лица исчезли гнев и напряженность, хороший маг должен всегда сохранять спокойствие, когда творит волшбу. Текли мгновения, а стигиец все что-то тихо пел на незнакомом Конану языке. Бирес пристроился рядом с главой сообщества, и сейчас сидел и внимательно слушал. Постепенно голос мага стал угасать, превращаясь в едва различимый шепот. Потом лишь по движениям губ было возможно понять, что звуки магии продолжают литься.

Когда Тот-Амон, наконец, завершил обряд, киммерийцу показалось, что воздух в комнате наполнился маленькими капельками влаги. Но вот с Зелтраном никаких видимых изменений не произошло.

— Всё в порядке, — сказал Тот-Амон. — Надо только немного подождать. Лучше пока отвернитесь, зрелище будет нелицеприятное.

Конан, Сигурд и Тара последовали совету мага. Один лишь Бирес остался смотреть. Киммериец ожидал услышать звуки, вроде треска раздираемой кожи, хруста костей или чего-то в этом роде, но тишина стояла полная. Конан решил, что это означает, что метаморфозы еще не начались.

— Уже всё, — словно угадал мысли варвара Тот-Амон.

Киммериец обернулся. На полу, свернувшись клубочком, лежал обнаженный Зелтран.

— Я исполнил свою часть договора, — странно было слышать громкую речь от Тот-Амона после шепота творимого заклятия. — Теперь, киммериец, твоя очередь.

— Я знаю, — коротко ответил Конан.

— Бирес, — обратился глава Черного Круга к магу. — Если я вдруг погибну, отпустишь всех этих людей и не будешь чинить им неудобств. Понял?

— Да, — кивнул Хозяин Побережья.

— Теперь проложи мне дорогу к Карун-Ра, — сказал Тот-Амон. — Я знаю, что он обучал тебя этому.

— Мне не хватит сил, — ответил Бирес.

— Я буду помогать тебе, — пообещал ему Тот-Амон. — Но поведешь нас именно ты, мне еще предстоит биться со Слепцом. И еще, этот черноволосый северянин отправится вместе с нами. Колдуй, Бирес! Начинай!

Бирес взял за руки Конан и Тот-Амона, и они стал выхаживать вокруг стола с папирусами. Сигурд и Тара предусмотрительно отошли в сторону и оттащили Зелтрана. Хозяин Побережья заклятье пел громко, будто боялся, что его слова звучат недостаточно убедительно. Но вскоре его голос обрел твердость и необходимость кричать отпала. Конан подумал, что сказалась обещанная помощь Тот-Амона.

Постепенно окружающий мир стал претерпевать изменения. Сначала комната Арзареса стала круглой, потом приобрела овальную форму, и из неё исчезли все предметы обстановки, кроме стола. А через пару кругов пропал и он. Конан внезапно осознал, что идет вместе с магами по длинному узкому туннелю. Цвет его с течением времени менялся от грязно-серого в сторону белизны.

— Постой! — оборвал Тот-Амон Биреса. — Я вижу поворот.

— Где? — дрожащим голосом произнес маг. — Здесь только стены. Идем, мне тяжело говорить.

Конан, признаться честно, тоже поворота не видел, но Тот-Амону в вопросах колдовства склонен был доверять.

— Тогда дальше поведу я, — решил глава Чер-

ного Круга. — Бирес, передай мне заклятье и отдавай свою энергию, когда мы пойдем.

Хозяин Побережья начал что-то шептать себе под нос. Когда закончил, испустил вздох облегчения, словно скинул тяжелый груз.

Тот-Амон сделал три шага вперед, затем развернулся вправо и ударил кулаком по стене. Она рассыпалась на сотни мелких осколков. Черноглазый маг повел спутников по новому туннелю. Завершился он, как и предполагал Конан, в тот момент, когда стены, пол и потолок стали снежно-белыми.

Трое людей ощутили, как их кожи коснулась невидимая глазу водянистая пленка, и в следующий миг очутились в огромном белом храме.

Конан именно так воспринял это сооружение. Колоны, арки, купальни, все украшенное великолепным орнаментом. У стен стояли мягкие кушетки, где могла отдохнуть уставшая паства. Пол был отполирован столь гладко, что отражал окружающий мир не хуже зеркала. В центре храма стоял постамент, а на нем возвышалась статуя симпатичного юноши, вытянувшего вперед руку, будто он предлагал принять некий невидимый дар.

«Ибара», — подумал Конан.

Сейчас бог сжимал в руке небольшую серебряную чашу, в которой плескалась вода. Делала она это без какого-либо видимого внешнего вмешательства. Это вполне мог быть тот самый артефакт, «Фонтан Жизни». Еще двенадцать предметов были разложены на постаменте вокруг статуи.

— Вы всё-таки пришли, — сказал светловолосый человек, вышедший из-за спины Ибary. — Очень вовремя. Я как раз собирался начать обряд. Вы сможете первыми принять дары бога.

Вместо ответа Тот-Амон бросил в Карун-Ра за клинание. Бирес присоединился к его волшбе. Слепец отбивался, но продолжал говорить.

— Зачем вы это делаете? — вещал альбинос. — Я не желаю никому причинять зла. В том числе, и вам. Особенно тебе, Бирес! Остановитесь, прошу!

Но маги, судя по напряженным лицам, только усиливали натиск. Конан не знал, что ему делать. Бросаться на альбиноса с мечом казалось безрассудством. Но внезапно вопрос выбора линии поведения оказался решен сам собой. Конан обнаружил, что потерял способность двигаться.

«Предусмотрительные маги обитают на Побережье», — горько подумал он.

— Прекратите же! — кричал на Биреса и Тот-Амона альбинос. — Я не смогу долго сдерживать вас, не причиняя вреда. Представьте только, что Ибара подарит миру. Исчезнут болезни, голод. Люди обретут такую силу, что войны станут бессмыслицей. Избранные смогут постигать мироздание, а остальные будут наслаждаться жизнью. Ибаре ничто не нужно взамен, он отдаст это просто так.

Карун-Ра чуть не плакал, оттого что не мог убедить магов прекратить битву.

Конан представил себе мир, который обрисовал Слепец. Ему самому там бы не было места, также как и Тот-Амону. Но остальные люди, и

впрямь, обрели бы счастье. Киммериец подумал, что он был бы готов пожертвовать личным благом ради остальных, а вот главу Черного Круга такая перспектива не устраивала. Потому он и сражается, потому он и спас Зелтрана, чтобы и у Конана рука не дрогнула.

«Смотри внимательно! — в голове киммерийца раздался голос Тот-Амона. — Это тот путь, которым ты пойдешь, когда я скажу».

От киммерийца к Сленцу бежала извилистая красная линия, напоминавшая на снежно-белом полу полоску крови. Конан внимательно изучил все повороты, запомнил их, а через мгновение линия исчезла.

Теперь требовалось ждать. Будь воля киммерийца, он бы с места не стронулся, но обещание помочь магу было превыше личных желаний.

— Бирес, хоть ты! — умолял Карун-Ра. — Он же не знает меня, а ты мой друг! Остановись! Я не хочу тебя убивать!

«Беги!», — приказал Тот-Амон киммерийцу.

Невидимые пути опали с ног Конана, и он устремился по проложенному магом пути. Вокруг него сверкали молнии, летали огненные шары, струился ядовитый дождь, но Тот-Амон хранил киммерийца.

Карун-Ра понял, что проиграл это сражение. Он сделал шаг назад, пытаясь спрятаться за статую Ибара, но не успел.

— Прости, — тихо прошептал Конан и отрубил магу голову.

Эпилог

Еще немного...

естрел» покидал порт Сартоса в теплый безоблачный день. Совсем другая погода царила в сердце первого помощника капитана, ванира, по имени Сигурда. Прошлая ночь была последней, которую он провел с Тарой. Вчера воительница сказала ему, что они не могут быть вместе, что рано или поздно их чувства друг к другу охладеют, а если нет, то еще хуже.

Жить без опасности они не смогут, а это значит, что к путешествию на Серые Равнины надо быть готовым в любой момент. Девушка спрашивала, ванира, что тот почувствует, если узнает о ее смерти, как будет дальше жить. Сигурд обещал не умирать сам и дать умереть Таре, но воительница сказала, что так не бывает. В эту ночь она любила ванира столь яростно и самозабвенно, как никто ни до, ни после нее. Когда пират

проснулся, постель была уже пуста, хоть прости-
ни и хранили тепло женского тела. Тара стала
для ванира той самой любовью, которую и при-
нято называть единственной.

* * *

Сама воительница в этот миг скакала на ло-
шади в сторону Бильнаса. По щекам Тары бежа-
ли горькие слезы. Она думала о том, что если бы
только Сигурд вчера настоял и не отпустил её,
все было бы иначе. Еще она надеялась, что этим
утром ванир отправится на её поиски. Целый ко-
локол дева караулила у «Морского Змея», чтобы
посмотреть, в какую сторону он пойдет. Сигурда
выбрал море. Девушка нещадно хлестала лошадь,
желая поскорее оказаться подальше от Сартоса,
и проклинала себя за то, что вчера была так убе-
дительна. Тара не сомневалась, что больше ей не
встретится мужчина подобный этому рыжему ван-
ириу. Воительница кричала небесам, что любит
Сигурда, но они молчали. Хотя возможно, это
именно боги исполнили просьбу девушки, когда
спустя седмицу на неё напали ночные грабители.
Ведь Тара молила в том числе и о смерти.

* * *

Комната Карун-Ра Бирес так и не решился за-
нять. Ныне она пустовала. У нового главы Хозяев
Сартоса забот было много как никогда, но магу
на дела поместья было плевать. Он часто и по-

долгу пропадал в маленькой белой комнате, доставшейся ему по наследству от Слепца. Здесь он извлекал из воздуха бутылки с вином и осушал их в честь погибшего друга. Бирес много думал о том, что говорил Карун-Ра в храме Ибary. Если бы альбиносу удалось осуществить задуманное, мир, наверное, стал бы лучше, чище и светлее. Маг не понимал, что его толкнуло встать на сто-
рону Тот-Амона. Еще Бирес вспоминал, что за-
миг до того, как глава Черного Круга освободил северянина, он решил помочь Слепцу... Но не у-
спел. И теперь, когда статуя Ибара разбита, а дух
его уничтожен окончательно, мечты Карун-Ра
так навсегда и останутся мечтами.

* * *

Коратцо, Черс и Ганеш стояли на берегу моря
и смотрели вслед бегущему по волнам «Вестре-
лу». Дух Камня и пророк по сути начинали
жизнь с нуля. Первый никогда не был челове-
ком, а второй был им слишком давно. И тот, и
другой решили навсегда забыть о своем про-
шлом, ибо оно несло исключительно душевные
терзания.

Вчера вечером в «Морском Змее» на проводах
капитана Конана, Коратцо предложил Черсу от-
правиться вместе с ним путешествовать. Денег у
бывшего духа от «Ста золотых» осталось прилич-
но, а юнга успел побывать во многих странах и
мог бы быть идеальным проводником. Черс с ра-
достью согласился. Ганеш, сидевший неподалеку

от них, тут же заявил, что не против составить им компанию. Отказывать пророку не стали.

* * *

А примерно в пятистах шагах в сторону полуночи от этой компании, свесив ноги с обрыва, сидел зомби Хирон. Бегать по открытому пространству ему понравилось, это намного лучше, чем городская толкотня. Сейчас был редкий момент, когда мертвец отдыхал. Пройдет совсем немного времени, и он побежит снова. Что еще надо для счастья?

О себе и о Хайбории

Дорогие друзья, вот и закончилось наше с вами путешествие в Сартос. Надеюсь, что вам там понравилось так же, как и мне.

На том основании, что вы держите в руках эту книгу, осмелюсь предположить, что с моим творчеством вы успели ознакомиться. Так что теперь можно спокойно будет поговорить о личности автора и о его мировоззрении.

Обычно обращения, подобные этому, пишутся в начале книги. Мне кажется, что так не совсем верно. Получается, что автор играет не правилам, сначала пытается расположить к себе читателя, и лишь потом выносит на его суд своё произведение.

Я так не хочу. Вы видели моих героев, смотрели их глазами на мир. Оценивайте их вне зависимости от личности их создателя. А то, что будет ниже, это лишь словоблудие одного датчанина к Конану, Сигурду, Коратцо и прочим, отношение имеющее весьма косвенное.

* * *

Начну с того, что представляюсь.

Зовут меня Брэнт Йенсен. По писательским меркам я еще сравнительно молод. Родился я двадцать

два года назад в славном городе Копенгагене. Там, кстати, до настоящего времени и проживаю.

Сколько я себя помню, всегда любил читать. Не трудно догадаться, кто в детстве у датского мальчишки был любимым писателем. Конечно же, Ганс Христиан Андерсен! Всё-таки есть моей стране, кем гордиться в плане литературы. Взять хотя бы Кьеркегора... Стоп! Это я забегаю совсем глубоко вперед.

После Андерсена были сказания и мифы народов мира. Помню, как я воображал себя то греческим богом, то смелым викингом, героем скандинавских саг. Потом была книга Джеральда Даррелла «Говорящий сверток». Шикарнейшее ведь фэнтези, если подумать! Наверное, именно эта вещь заложила для меня приоритеты, как для читателя. Классный сюжет, умопомрачительная скорость повествования, юмор.

До «Конана» я добрался, когда мне было лет пятнадцать или около того. Мой дядя в ознаменование одного из моих немногочисленных визитов к нему подарил мне тоненький томик Говарда. Признаюсь честно, тогда я раз и навсегда влюбился в Хайборию. Не теряя времени даром, я ринулся в ближайший книжный искать другие произведения о Конане. Их количество произвело на меня впечатление! Было из чего выбрать.

Вскорости все эти книги перекачивали на полки моего жилища, потеснив мамино собрание классики. Наиболее почетное место я отвел произведениям Стива Перри и Леонарда Карпентера. По сию пору ячитываю их лучшими авторами классического Конана. Мне кажется, что имеет смысл провести некую черту между теми книгами, что вышли до появления в пе-

чати новозеландского автора норвежского происхождения и после.

Вы, разумеется, догадались, что речь идет об Олафе Бьорн Локните.

Он изменил мир Конана, перевернул его с ног на голову. Часто приходится слышать мнение, что он извратил наследие Говарда. Чушь! Роберт Ирвин оставил потомкам и продолжателям замечательный мир, а Олаф Бьорн добавил в него жизни. Впрочем, не буду повторять его слова о черно-белом кино и о современном, вы всё и сами прекрасно помните.

Я хочу сказать сейчас немного о другом. Творчество Локнита явилось тем фундаментом, на котором стали строить свои произведения другие, не менее замечательные писатели: Алекс Макдуф, Керк Монро, Джеральд Старк. Наверняка, еще кого-то забыл. Ну, да простят меня эти авторы!

На какое-то время настал новый Золотой век Конана. Книги сметались с полок, стоило им только появиться в продаже, романы были один лучше другого. Одна «Полуночная гроза» чего стоит! Или цикл про «Отмычки Бела».

Но потом началось медленно увядание серии. Мир Локнита, несмотря на большое количество книг по его мотивам, оставался статичен. Добавлялись новые герои, монстры, спецслужбы, но основы были прежними. Книги стали напоминать плохо спародированную «Полуночную Грозу». Вершиной айсберга явились эльфы, которые, оказывается, всё-таки есть в Хайбории! Туда же, в принципе, можно поставить и племена славинов с горы Слава. В Болгарии у меня друзей нет, только в России, но русские ведь тоже

славяне. У них ничего, кроме смеха, эта попытка вставить новый народ в мир Хайбории не вызвала.

Мне идти по этому пути не хотелось.

В чем крылся секрет успеха мира Локнита? Он был живой! У читателя возникало ощущение, что Олаф Бьорн был и в Пограничье, и в Аквилонии, и в Ямурлаке. Посмотрел он на всё воочию, сделал кофе и отправился к печатной машинке. И в силу своего таланта сделал так, чтобы и мы с вами причастились ко всем его впечатлениям. А что делали продолжатели? Они открывали «Полуночную Грозу» и смотрели, что там такого написал Олаф Бьорн о городах и странах. И создавали свои книги на основе чужого незнакомого мира да еще время от времени пользовались не менее чужих и не менее незнакомых героев.

Но невозможно же дать жизнеописание человека, который чужд тебе, которого сотворил не ты сам! В результате, роман, повесть или рассказ, написанные подобным образом, становятся пластмассовыми. Они не более чем ремесленная поделка, в них нет жизненной искры. Какими бы замечательными ни были сюжет и язык, если автор использует чужих героев и чужой мир, то творцом его назвать язык не повернется. Он лишь предполагает, основываясь на первоисточнике, что герой в той или иной ситуации поступит именно так, а не иначе. Для читателя такой герой никогда не станет родным, близким и понятным.

Из этой ситуации, как мне кажется, есть только один выход. Как некогда Локнит отринул мир Говарда, так сейчас надлежит нам, продолжателям, отринуть его собственный. Взять оттуда то, что кажется лучшим, авторам естественно, не возбраняется.

Итак! Как же следовал этим постулатам ваш покорный слуга в «Хозяевах Побережья» и «Пленниках Камня»?

Для начала пришлось определиться с теми силами, что обитают в Хайбории Брэнта Йенсена. Эльфов, гномов, оборотней и вампиров я из неё удалил, не пролив не единой слезинки. Это не мое. Я Роджера Желязны и Джина Вульфа люблю, а Толкина считаю скукотищей!

Если хорошенко присмотреться, то ставится понятно, что остались только люди, демоны и боги. Маловато? Значит, придется брать не количеством, а качеством.

В мире Локнита, как вы могли заменить, роль личности в истории занижена до предела. Все оборотни из Пограничья парни, конечно же, до жути харизматичные, но при этом они не более чем пешки, которыми руководят тайные службы. А конечные приоритеты, в конце концов, задаются экономическими потребностями конкретных государств.

У Говарда и его ранних последователей другая крайность. Там киммериец в половине стран законных правителей успел свестить...

Я попытался сделать нечто среднее. Упразднить социально-экономические процессы не стал, но и героев постарался возвести в ранг фэрзей с большой степенью самостоятельности. Получилось или нет, не знаю...

С людьми разобрались. Переходим к демонам.

Под демоном я понимаю «злобное, сверхъестественное существо, обладающее огромное силой, ограниченным сроком жизни и способностью временно

принимать практически любую форму». Кто знает, откуда это? Желязны «Князь Света». В определение Роджера мы внесем два изменения: первый пункт и последний отдадим на откуп конкретным видам демонов.

С богами же работать мне нравится больше всего. Эмоциональная сфера этих существ в корне отлична от людской. Я не верю, что хайборийские боги — это те же люди, но с возможностями суперменов. Даже если это и было когда-то так, то за долгие годы пребывания на другом пласте мироздания их психология должна была существенно перемениться. Рассудок их и интеллект подобны человеческим, но чувства у них совершенно другие. Потому с ними надо быть очень осторожным. Относится это не только к героям, но и к автору.

Вот такая она, моя Хайбория!

Напоследок поговорим немного о главных действующих лицах. Скажу без хвастовства, таких Конана и Сигурда, как у меня, еще не было ни у кого из авторов.

Я постарался научить героев думать. Только не надо, пожалуйста, приводить в пример пространные рассуждения Конана о добре и зле или о том, как разбить хрустальное зеркальце, в котором заключена душа очередного мага. Это не мысли героя, это автор объясняет читателю, чем вообще киммерийцу это зеркальце помешало. Мне хотелось, чтобы поступки героев основывались на их миропонимании, на их логике, а не на авторском интересе.

То, что Конан у меня обладает немалой долей pragmatizma и цинизма, объясняется тем, что иначе

он бы не стал королем Аквилонии. Простаку и добряку подобное восхождение на трон оказалось бы не по силам. Истории без крови не бывает. Просто у кого-то в книгах гибнут абстрактные сотни и тысячи, а у меня — вполне конкретные персонажи. Я не стремился написать сказку. Если вы любите Конана, то любите его таким, каким он есть. Он лучше и добреc многих.

К сожалению, у Брэнта Йенсена вы не найдете «характеристичных парней», вроде Веллана и Эртеля. За это я хочу попросить у вас, читатели, прощения. В жизни такие ребята встречаются. Но если бы я вставил их в книгу, то против воли начал бы их холить, лелеять и оберегать от опасностей. А это порушило бы весь сюжет. Пусть лучше живут у Локнита. Почитать про них я всегда готов!

Наверное, на этом месте следует закончить. Мне очень хочется поговорить с вами о Бруане, Таре, Эмилио и прочих персоналиях, но тогда получится, что я вам навязываю свое мнение о них, а это нехорошо. Так что прощаюсь с вами. И до скорых встреч на страницах книг о Конане!

Брэнт Йенсен
2005 г.

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

СОДЕРЖАНИЕ

Дуглас Брайан	
Дочь Песочного владыки	7
Джеймс Гоулд	
Сокровища подземного города	100

Фонтан Жизни

Брэнт Йенсен

Введение. О том, что было	179
Глава 1. О потаенных уголках души	185
Глава 2. О колдовстве	242
Глава 3. О жизненном интересе	287
Глава 4. О силе мысли	332
Глава 5. О победе	369
Эпилог. Еще немного о...	395
О себе и о Хайбории	399

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 114б, стр. 2, т. 287-45-69
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское ш., 86, корп. 1, 2-й этаж
- м. «Братеево», ул. Паромная, 9, корп. 1, т. 342-26-67
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, 17, корп. 4, т. 372-40-01
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Кантемировская», ул. Кантемировская, 16, корп. 1, т. 320-01-22
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Люблино», ул. Совхозная, 20, т. 358-21-59
- м. «Марьино», ул. Борисовские пруды, 46, корп. 2, т. 342-33-23
- м. «Молодежная», гипермаркет «Ашан», Марфино, т. 795-07-32
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Речной вокзал», Зеленоград, 3-й микрорайон, корп. 360, т. 536-16-46
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Речной вокзал», Химки, гипермаркет «Ашан», т. 981-45-27
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07

- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Тульская», Варшавское ш., 9, Тульская ярмарка, 5-й этаж, т. 737-03-77, доб. 40-20
- м. «Тушинская», ул. Митинская, 36, т. 753-48-52, доб. 122
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Шукинская», Строгинский б-р, 1/2, т. 750-38-77, доб. 111
- м. «Тушинская», 65—66-й км МКАД, ТК «Крокус Сити», 2-й этаж, т. 942-94-25
- м. «Рязанский проспект», Рязанский пр., 76, корп. 3, т. 170-11-82
- м. «Семеновская», ул. Шербаковская, 35, т. 363-32-26
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Текстильщики», ул. Юных ленинцев, 37, т. 178-20-00
- м. «Медведково», г. Мытиши, Осташковское ш., 1, гипермаркет «Ашан»
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Вологда, ул. Герцена, 118, т. (8172) 75-43-22
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 61, т. (3522) 46-29-22
- Курган, ул. Куйбышева, 109, т. (3522) 53-19-62
- Курган, ул. Пушкина, 108, т. (3522) 43-22-59
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Шадринск, ул. Комсомольская, 22, т. (35253) 5-02-18
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Курск, ул. Дзержинского, 86, т. (07122) 2-39-56
- Курск, ул. Гагарина, 2, т. (07122) 37-04-62
- Курск, ул. Сумская, 34/2, т. (07122) 32-42-11
- Курчатов, Коммунистический пр., 17, т. (07131) 4-12-84
- Железногорск, ул. Ленина, 16, т. (07148) 2-21-23
- Льгов, ул. К. Маркса, 4/33, т. (07140) 2-40-12

- Обоянь, ул. Ленина, 51, т. (07141) 2-23-79
- Рыльск, Советская пл., 6, т. (07152) 2-55-37
- Суджа, ул. Первомайская, 18, т. (07143) 2-29-75
- Шигры, ул. Красная, 42, т. (07145) 4-27-39
- Дмитриев, ул. Республикаанская, 10а, т. (07150) 2-26-57
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Н. Новгород, пл. Горького, 1/61, т. (8312) 33-79-80
- Орел, Рыночный пер., 5, т. (0862) 43-71-30
- Батайск, ул. Кирова, 8, т. (86354) 5-67-44
- Донецк, ул. Ленина, 24, т. (86368) 2-27-25
- Новочеркасск, ул. Московская, 10, т. (86352) 2-30-53
- Азов, Петровский б-р, 3, т. (86342) 4-09-95
- Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 84, т. (8632) 40-63-87
- Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 199, т. (8632) 64-90-24
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рыбинск, ул. Ломоносова, 1, т. (0855) 52-47-26
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Санкт-Петербург, Московский пр., 39/2, т. (812) 316-24-72
- Санкт-Петербург, Невский пр., 35, ст. м. «Гостиный двор»
- Смоленск, ул. Гагарина, 4, т. (0812) 65-53-58
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, пр. Ленина, 68, т. (3512) 63-01-01, 63-22-70
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Киров, ул. Комсомольская, 37, т. (8332) 54-38-91
- Киров, ул. Ленина, 88, т. (8332) 62-15-43
- Киров, ул. Пролетарская, 22а, т. (8332) 67-65-22
- Киров, ул. Ломоносова, 37, т. (8332) 25-35-77
- Кирово-Чепецк, пр. Мира, 41, т. (83361) 4-57-91
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Волжский, пр. Ленина, 6, т. (8443) 31-64-02
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38

- Нахodka, ул. Гагарина, 8, т. (42366) 3-41-11
- Арсеньев, ул. Жуковского, 29, т. (42361) 4-40-28
- Артем, ул. Фрунзе, 69, т. (42337) 4-26-78
- Большой Камень, ул. Приморского комсомола, 14, т. (42335) 5-72-09
- Дальнегорск, ул. 50-лет Октября, 59, т. (42373) 2-20-33
- Дальнереченск, ул. Дальнереченская, 59, т. (42356) 2-54-52
- Партизанск, ул. Ленина, 16, т. (42363) 0-25-78
- Владивосток, пр. 10-летия Владивостока, 44, т. (4232) 36-28-79
- Владивосток, ул. Светланская, 43, т. (4232) 22-31-93
- Владивосток, ул. Русская, 5а, т. (4232) 34-11-41
- Владивосток, Океанский пр., 140, т. (4232) 45-38-02
- Астрахань, ул. Советская, 17, т. (8512) 22-58-78
- Таганрог, ул. Чехова, 49, т. (8634) 36-03-04
- Братск, ул. Крупской, 27, т. (3953) 42-02-88
- Великие Луки, ул. Гагарина, 19, т. (81153) 5-17-91
- Великий Новгород, ул. Менделеева, 1, т. (81622) 2-37-29
- Мурманск, пр. Ленина, 67, т. (8152) 45-51-78
- Нижний Тагил, ул. Пархоменко, 20, т. (3435) 41-14-88
- Нижний Тагил, ул. Космонавтов, 10, т. (3435) 48-09-33
- Нижний Тагил, ул. Первомайская, 32, т. (3435) 41-98-52
- Новоуральск, ул. Комсомольская, 23, т. (34370) 3-17-08
- Стерлитамак, пр. Октября, 43, т. (3473) 24-10-64
- Стерлитамак, пр. Ленина, 31, т. (3473) 20-87-45
- Стерлитамак, пр. Ленина, 30, т. (3473) 43-16-58
- Самара, пр. Киро娃, 301, т. (8462) 56-49-92
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Пенза, пр. Победы, 4, т. (8412) 42-45-35
- Рига, ул. Краста, 70, т. (8-10-371) 7-812-644
- Оренбург, ул. Туркестанская, 23, т. (3532) 41-48-06, 41-18-05
- Нижний Новгород, ул. 50-летия Победы, 6/2, т. (8312) 74-01-29
- Ульяновск, ул. Железнодивизии, 6, т. (8422) 41-47-36
- Тольятти, ул. Ленинградская, 55, т. (8482) 28-37-68, 48-31-56
- Пенза, ул. Куйбышева, 21/48, т. (8412) 32-40-78
- Киев, ул. Красноармейская, 57/3, т. (8-10-38-044) 227-31-36
- Луганск, ул. Сосюры, 137, т. (8-10-38-064) 234-58-11
- Мукачево, ул. Пушкина, 2, т. (8-10-38-031-31) 5-46-81
- Черкассы, ул. Шевченко, 256, т. (8-10-38-047) 236-08-40
- Запорожье, ул. 8 Березня, 32, т. (8-10-38-061) 264-19-00

- Запорожье, ул. Гоголя, 155/2, т. (8-10-38-061) 264-19-00
- Донецк, ул. Ильича, 93, т. (8-10-38-062) 290-50-30
- Донецк, ул. Артема, 147а, т. (8-10-38-062) 290-88-99
- Харьков, ул. Донец-Захоржевского, 6/8, т. (810-38-057) 700-44-29
- Омск, ул. Бударина, 36, т. (3812) 23-46-49
- Псков, ул. Пушкина, 1, т. (8112) 16-50-01
- Тюмень, ул. Орджоникидзе, 51
- Ульяновск, ул. Гончарова, 14, т. (8422) 41-65-12
- Ульяновск, пр. Гая, 76, т. (8422) 66-36-24
- Ульяновск, ул. Ворочая Михайлова, 41, т. (8422) 52-64-41
- Ульяновск, ул. Богдана Хмельницкого, 19, т. (8422) 48-40-13
- Самара, ул. Галактионовская, 130, т. (8462) 78-75-14, 32-74-44
- Самара, пр. Юных пионеров, 146, т. (8462) 59-45-52
- Тольятти, ул. Революционная, 60, т. (8482) 35-04-50
- Тюмень, ул. Республики, 155/1, т. (3452) 20-61-80
- Брянск, ул. Фокина, 31, т. (0832) 74-14-94
- Якутск, ул. Ярославского, 16/1, т. (4112) 42-40-27, 34-20-47
- Якутск, ул. Орджоникидзе, 5, т. (4112) 34-15-80
- Новосибирск, ул. Советская, 13, т. (3832) 23-35-20
- Новосибирск, ул. Бориса Богаткова, 262, т. (3832) 67-78-07
- Минск, пр. Машерова, 11, т. (8-10-375-17) 223-34-96
- Минск, пр. Франиска Скорины, 19, т. (8-10-375-17) 227-49-18
- Инта, ул. Куратова, 14, т. (82145) 6-05-93
- Томск, пр. Фрунзе, 102, т. (3822) 52-32-76, 52-33-35
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ **настоящие** КНИГИ

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 20 000 названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта: «Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны», «Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны», «Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрайдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2006 году в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман новой трилогии — «БАТГЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

190121, г. Санкт-Петербург,
наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

САЈА О КОНАЊЕ

ISBN 5-17-033009-X

9 785170 330096